

Т В О Й К Р У Г О З О Р

Н. С. БОРИСОВ

СТРАЖИ РУССКИХ РУБЕЖЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

СТРАЖИ РУССКИХ РУБЕЖЕЙ

Н. С. БОРИСОВ

ПРОСВЕЩЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т В О Й К Р У Г О З О Р

Н. С. БОРИСОВ

СТРАЖИ РУССКИХ РУБЕЖЕЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ П. Ю. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

М О С К В А

« П Р О С В Е Щ Е Н И Е »

2 0 1 1

УДК 087.5:94(47)
ББК 63.3(2)4
Б82

Серия «Твой кругозор» основана в 2007 году

Борисов Н. С.

Б82 Стражи русских рубежей: [для ст. школ. возраста] / Н. С. Борисов; ил. П. Ю. Перевезенцева. — М. : Просвещение, 2011 — 176 с. : ил. — (Твой кругозор). — ISBN 978-5-09-022880-0.

Эта книга о выдающихся представителях древнерусской военной аристократии. Ратные подвиги Александра Невского, Даниила Галицкого, Дмитрия Донского и других полководцев показаны в неразрывной связи с их судьбами, внутренним миром, нравственным мировоззрением.

УДК 087.5:94(47)
ББК 63.3(2)4

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ
Серия «Твой кругозор»

Борисов Николай Сергеевич

Стражи русских рубежей

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ЦЕНТР ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Руководитель Центра *В. И. Егудин*
Зам. руководителя Центра *Е. К. Липкина*
Руководитель проекта *Е. Г. Таран*
Редактор *Е. Г. Таран*
Художественный редактор *Т. В. Глушкова*
Компьютерная верстка *Э. Н. Малания*
Технический редактор *Н. Н. Бажанова*
Корректор *Н. Н. Шипилова*

Scan AAW

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать с оригинал-макета 18.10.10. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,10. Тираж 5000 экз. Заказ № 5959.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, г. Москва, 3-й проезд Марьиной роши, д. 41.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-09-022880-0

© Издательство «Просвещение», 2011
© Издательство «Просвещение»,
оформление, дизайн серии, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	6
СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ СУЗДАЛЬСКОЙ	9
ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ	49
ВНУК ИВАНА КАЛИТЫ	74
КНЯЗЬ ХОЛМСКИЙ	111
ГОСУДАРЕВЫ БОЛЬШИЕ ВОЕВОДЫ	121
УГАСШИЙ РОД	149
ПРИМЕЧАНИЯ	171

ОТ АВТОРА

История Средневековья — насколько мы знаем ее по летописям и хроникам — состоит главным образом из войн. Разумеется, у народов была в ту эпоху и другая, мирная история — развитие экономики, общественных отношений, культуры. И все же важнейшая задача, с которой сталкивалось любое общество, — защита от внешних врагов.

Для Средневековой Руси эта задача была особенно трудной: по своему географическому положению она находилась на самой границе земледельческой Европы и населенной кочевниками степной части Азии. На это обстоятельство уже давно обратили внимание ученые. Известный историк XIX столетия С. М. Соловьев, перечисляя важнейшие факторы истории Руси, отмечал, что на всем ее протяжении «Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить на счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба с степными варварами»¹.

Порабощенная монголо-татарами, резко сократившаяся в размерах, Русь вопреки их стараниям сумела к концу XV в. создать сильную государственность. С помощью этого инструмента — или, лучше сказать, оружия — была свергнута власть чужеземцев.

Однако думать о мире было еще рано. С падением ига началась трехвековая почти непрерывная оборонительная, а под конец и наступательная война на степных границах. Одновременно единое Российское государство вело столь же бесконечную войну за возвращение к своим этническим границам на западе и юго-западе, за овладение богатыми землями Эстляндии и Лифляндии и выход к Балтике на северо-западе.

Словом, обстоятельства сложились так, что война стала как бы обычным, естественным состоянием страны.

Все это позволяет думать, что Средневековая Русь имела немало выдающихся полководцев. Однако это предположение — само по себе столь убедительное — трудно подтвердить конкретными материалами. Письменные источники очень слабо освещают сам ход той или иной войны: подробности сражений, распоряжения предводителей войск, соотношение сил противников — словом, все то,

из чего и складывается представление о личном полководческом искусстве. Обычно в летописях сообщается лишь о самом факте: походе под началом одного, а чаще нескольких воевод. Известен и результат похода — победа, «ничья» или поражение. (Впрочем, о поражениях во все времена писали гораздо меньше, чем о победах.)

Вследствие всех этих причин среди множества князей и бояр, руководивших военными предприятиями, выдающихся полководцев приходится буквально угадывать по косвенным признакам: соотношению побед и поражений, популярности в народе, чертам личного мужества.

Среди тех кого мы можем все же с уверенностью признать за выдающихся полководцев своего времени, выделяются величественные фигуры Александра Невского, Даниила Галицкого и Дмитрия Донского. Их военные успехи приобрели особое значение благодаря тем историческим обстоятельствам, при которых они были достигнуты, и тем последствиям, которые они имели для русского народа.

Имена Александра Невского, Даниила Галицкого и Дмитрия Донского стали символами патриотизма, воинского подвига во имя защиты Отечества.

В нашей книге невозможно, конечно, обойти молчанием деятельность этих трех исполинов. Но за иконописным ликом святого — как и за чеканным профилем великого полководца — хотелось бы разглядеть подлинное и неповторимое человеческое лицо. Только увидев их живыми людьми, сыновьями своего времени, можно ощутить не ритуальное, а искреннее уважение к ним, восхищение их ратным и жизненным подвигом. Отметим и еще одно положение, которое надо иметь в виду, читая книгу. Всякое сложное ремесло — в том числе и воинское — в Средневековой Руси было наследственным. Отсутствие учебников и учебных заведений приводило к тому, что навыки и секреты ремесла передавались исключительно через личный опыт. Отец с малых лет приучал сына к своему делу, тем самым обеспечивая ему возможность со временем «встать на ноги», прокормить себя и семью, занять определенное положение в обществе.

Так складывались династии кузнецов и плотников, купцов и священников, живописцев и ювелиров. Существовали на Руси и династии полководцев. Поскольку ремесло воеводы было привилегией аристократии, то эти династии являлись одновременно и самыми знатными фамилиями тогдашней России.

Разумеется, сыновья не были точным повторением своих отцов. Одни превосходили их в искусстве «смертной игры», другие, напротив, уступали. И все же, проследив историю некоторых воеводских династий — Шуйских, Щенятевых, Воротынских, можно попытаться создать своего рода собирательный образ русского полководца конца XV—XVI вв. Именно они, эти незаменимые «государевы воеводы», чья индивидуальность почти растворяется в заслугах рода, составляли цвет русского воинства, несли на своих плечах всю тяжесть непрерывной изнурительной борьбы. Забыв о них, мы превратили бы нашу военную историю в пустыню, среди которой так одиноко возвышались бы фигуры Александра Невского, Даниила Галицкого и Дмитрия Донского.

Одним из последствий возникновения единого Российского государства во второй половине XV в. было то, что ремесло полководца отделилось от ремесла правителя. Дмитрий Донской был, кажется, последним в славной плеяде правителей-полководцев — наследников славы великого воителя Владимира Мономаха. В XV столетии Московская Русь выработала тип государственного деятеля — «государя» — хитроумного и безжалостного домоседа, чуждого рыцарскому духу прагматика, достойного ученика и преемника византийских базилевсов и ханов Золотой Орды.

Ремесло полководца становится достоянием и утешением лишенных власти представителей младших ветвей московского княжеского дома, а также многочисленных «служилых князей», переехавших в Москву из подчиненных ею соседних земель. Новая столица православного мира, Москва охотно принимала энергичных провинциалов, давала им возможность отличиться на воинском поприще. Единственным условием процветания было послушание. Потомкам вольных удельных властителей нелегко давалась горькая наука работы, к тому же столь далекая от дерзкого духа их профессии. Многие из них за ослушание попадали в опалу, кончали жизнь в темнице, дальнем монастыре или на плахе. Именно военная аристократия была главным источником опасности для крепнувшего московского самодержавия. И потому ее история полна драматических страниц...

Итак, попытаемся взглянуть не только на славные победы старинных русских полководцев, но и на их судьбы. В них мы увидим отражение судеб породившей их страны и ее народа.

В соответствии с характером данной книги научно-справочный аппарат сведен до минимума. Однако совсем отказаться от него было бы неправильным. Поэтому после цитат или положений, требующих указания на источник, даны сноски. Они позволяют читателю продолжить знакомство с героями данной книги при помощи других работ по данной теме. Сноски оформлены по принятому в науке порядку. Ссылки на Библию даются согласно традиционному делению ее текста.

Другая особенность данной книги заключается в том, что древнерусские тексты даются в переводе на современный язык. При этом использованы главным образом тщательно проработанные переводы из многотомной серии «Памятники литературы Древней Руси», а также из книги «Рассказы русских летописей XII—XIV вв.» (М., 1973). Однако, даже самый лучший перевод лишает древнерусский текст многих его художественных достоинств. Стремясь донести до читателя живую древнерусскую речь, мы приводим некоторые краткие и ясные по смыслу фрагменты текстов без перевода, отмечая их звездочкой*.

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ СУЗДАЛЬСКОЙ

Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим.

Иеремия, 6, 16

реди тех кто защищал Русскую землю от врагов в XIII столетии, наибольшую славу у современников и потомков стяжал князь Александр Ярославич, прозванный Невским. Источники знают и другие его именования — Храбрый, Великий¹.

Точная дата рождения Александра неизвестна. Далеко не все летописцы сочли достойным внимания такой мелкий факт, как появление на свет второго сына в семье удельного переяславль-залеского князя Ярослава Всеволодовича. Однако русский историк XVIII столетия В. Н. Татишев, пользовавшийся не сохранившимися до наших дней летописями, сообщает, что будущий герой увидел свет в субботу, 30 мая 1220 г. Приняв эту дату, мы обнаружим удивительное совпадение: в тот же самый день, 30 мая, в 1672 г. родился другой великий сын России — Петр I. Известно, что он с огромным уважением относился к памяти Александра Невского.

По обычаю того времени младенец был наречен в честь святого, память которого по церковному календарю-месяцеслову праздновалась в один из дней, близких к дню рождения. Его «небесным покровителем» стал святой мученик Александр, подвиги которого церковь вспоминала 9 июня.

Разумеется, в княжеских семьях тщательно выбирали имена сыновей. Имя должно было не только нравиться родителям, но и принадлежать к числу «княжеских», подходящих правителю. Круг таких имен был весьма ограничен. Сюда относились имена, наиболее чтимые в христианской традиции, — Иоанн, Василий, Константин, Дмитрий, Федор, Андрей, Михаил, Георгий, а также имена первых русских святых — князей Бориса и Глеба.

В начале XIII в. имя Александр было весьма редким в княжеской среде. Оно напоминало не столько о малоизвестном святом, сколько о знаменитом герое языческой древности — полководце Александре Македонском. Его имя было хорошо известно в ту пору на Руси бла-

годаря переведенной с греческого «Александрии» — полуфантастическому описанию походов и подвигов прославленного полководца.

Имя, данное младенцу, оказалось пророческим. Пожалуй, ни одному из русских князей той эпохи не довелось совершить столько подвигов и повидать так много иных стран и народов, как Александру. Столь же символичным оказалось и само значение имени: «Александр» по-гречески означает «защитник людей». Как заметил французский историк Э. Ренан, «в истории не раз встречаются великие призвания, поводом для которых было имя, случайно данное ребенку. Страстные натуры никогда не в состоянии помириться с предположением, что тем, что их касается, руководила случайность. Им кажется, что все было предустановлено Богом, и они видят в самых незначительных обстоятельствах знаки Высшей воли»². К этому можно добавить только то, что князь Александр Ярославич, несомненно, был именно такой страстной натурой, склонной искать знаков своего избранничества.

Отцом Александра был деятельный и властный князь Ярослав Всеволодович. В момент рождения второго сына ему было 30 лет. Первым браком Ярослав был женат на дочери половецкого хана Юрия Кончаковича. Видимо, этот брак оказался бездетным и вскоре был расторгнут. Второй женой Ярослава с 1213 г. была дочь князя Мстислава Мстиславича Удалого Ростислава. Она-то и стала матерью всех восьми сыновей Ярослава и двух его дочерей³.

Известно, что родство по линии матери очень чтилось в Древней Руси. Дед Александра Мстислав Удалой оставил яркий след в военной истории своего времени. Образ этого смелого и благородного человека служил юному Александру примером для подражания.

Историк прошлого столетия Н. И. Костомаров, посвятивший Мстиславу один из лучших очерков в своем известном труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», так характеризует этого князя: «В первой четверти XIII века выдается блестящими чертами деятельность князя Мстислава Мстиславича, прозванного современниками Удатным, а позднейшими историками Удалым. Эта личность может по справедливости назваться образцом характера, какой только мог выработаться условиями жизни дотатарского удельно-вечевого периода. Этот князь приобрел знаменитость не тем, чем другие передовые личности того времени, которых жизнеописания мы представляем. Он не преследовал новых целей, не дал нового поворота ходу событий, не создавал нового первообраза общественного строя. Этот был, напротив, защитник старины, охранитель существующего, борец за правду, но за ту правду, которой образ сложился уже прежде. Его побуждения и стремления были так же неопределенны, как стремления, управлявшие его веком. Его доблести и недостатки носят на себе отпечаток всего, что в совокупности выработала удельная жизнь. Это был лучший человек своего времени, но не переходивший той черты, которую назначил себе дух предшествовавших веков, и в этом отношении жизнь его выражала современное ему общество»⁴.

Судьба Мстислава Удалого типична для многих русских князей его времени. В начале XIII в. потомков легендарного Рюрика стало

уже значительно больше, чем княжений. Обделенные семейным разделом князья должны были сами прокладывать себе дорогу к власти, славе и богатству. Неудачники вынуждены были переходить на унижительное положение «подручников» у своих более сильных собратьев.

Отец Мстислава Удалого — Мстислав Храбрый — был правнуком Владимира Мономаха и сыном могущественного князя Ростислава Смоленского. Сыновья и внуки Ростислава во второй половине XII — начале XIII в. чаще других занимали киевский «золотой стол».

Однако Мстислав Храбрый был младшим среди братьев Ростиславичей. Младшим в семье был и сам Мстислав Удалой. По обычаю того времени младший из братьев получал самый бедный удел.

Обделенный судьбой, Мстислав Удалой в молодости перебирался из одного захолустья в другое. В 1193 г. он княжил в Треполе, в 1207 — в Торческе, в 1209 — в Торопце. Именно здесь, в Торопце, на тревожном порубежье Руси и Литвы, Мстислава «заметили» новгородские бояре. В 1210 г. они пригласили его княжить в Новгороде. С этого времени он выходит в первый ряд русских князей.

Как полководец Мстислав Удалой отличался напористостью, стремительностью ударов. Он умело использовал военные хитрости, часто совершал неожиданные для врага маневры.

Среди ярких эпизодов боевой биографии Мстислава Удалого особое место занимала битва на реке Липице, близ Юрьева-Польского. Здесь 21 апреля 1216 г. Мстислав с новгородцами, соединившись с князем Константином Ростовским, нанес поражение великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу и его брату Ярославу.

Летописец рассказывает, что перед самой битвой Мстислав обратился к своим новгородцам с краткой речью: «Братья! Мы вошли в землю сильную. Станем крепко, не будем озира́ться назад. Побежав, нам все равно не уйти от них. Забудем же, братья, дома свои, и жен, и детей. Ведь надо же будет когда-нибудь умереть. Ступайте, кто хочет пешком, а кто — на конях»⁵.

Конечно, эта речь передана в летописи отнюдь не со стенографической точностью. Однако сам факт обращения князя к воинам перед сражением не вызывает сомнений. Такова была традиция русского воинства. Бесспорно и другое: благородная простота и сила приведенной речи — всецело «в духе» Мстислава Удалого.

Сойдя с коней и сбросив сапоги, новгородцы перебрались через болотистую низину и внезапным ударом опрокинули неприятеля. Удачное для Мстислава и Константина начало сражения во многом определило и его дальнейший ход.

Сам Мстислав все время находился в гуще боя. Он «трижды проехал через полки Юрия и Ярослава, секущи людей. Был у него топор на руке с поворозою (петлей на рукояти — *Н. Б.*), тем и сек»⁶.

В 1219 г. начинается новый, связанный с Южной Русью период жизни Мстислава. В этом году он разгромил венгерско-польское войско в сражении близ Галича, а затем освободил от чужеземцев и сам город. Изгнав из Галича венгров и захватив в плен их предводи-

теля королевича Коломана, Мстислав сам сел княжить здесь. В борьбе за Галич — один из крупнейших русских городов того времени — Мстиславу помогли половцы. Однако исход борьбы определило его полководческое искусство и поддержка со стороны местных жителей, ненавидевших чужеземцев и их пособников из числа галицких бояр. Закрепляя свои позиции в Галичине, Мстислав выдал дочь Анну замуж за молодого «соседа» — волынского князя Даниила, будущего героя сопротивления монголо-татарам и объединителя Галицко-Волынской Руси.

В мае 1223 г. Мстислав вместе с другими южнорусскими князьями был разбит монголо-татарами в битве на реке Калке. После этого, кажется, единственного в его боевой биографии крупного поражения и бесславного бегства доблестному Мстиславу суждено было прожить еще пять лет. В 1227 г. он уступил Галич своему зятю, венгерскому королевичу Андрею, а сам перебрался в Торческ — на самую границу со степью. Далеко не каждый князь мог править здесь, среди вечно мятежных «черных клобуков» — кочевников, перешедших на службу к киевским князьям.

В 1228 г. Мстислав поехал из Торческа в Киев, но в дороге тяжело занемог и умер. Тело его было погребено в одной из киевских церквей...

В год смерти деда Александру исполнилось восемь лет. Едва ли Мстислав успел «приложить руку» к воспитанию внука. Но известно, что характер, темперамент передаются и через таинственный механизм наследственности. И не от деда ли унаследовал Александр свою пылкую отвагу, рыцарскую беспечность — черты, отнюдь не свойственные владимирским «самовластцам»?

О детских годах Александра мы не знаем почти ничего. Можно думать, что в три года над ним — как некогда и над его отцом — был совершен древний княжеский обряд — «постриг». Маленького княжича впервые сажали на боевого коня. Вероятно, тогда же он переходил из рук женской прислуги к воспитателям-мужчинам. В знак первого шага на пути возмужания ребенку отрезали прядь волос, что и дало название всему обряду.

* * *

Давно известно: все познается в сравнении. Подвиги Александра Невского обретают реальный масштаб в сравнении с деяниями не только его деда, Мстислава Удалого, но и его отца — переяславского князя Ярослава Всеволодовича. Такое сравнение вовсе не нарочито: в ту эпоху высшим авторитетом была традиция, «старина». Люди постоянно оглядывались назад и сопоставляли свои достижения с трудами своих предков. Вероятно, и сам Александр осознавал и оценивал себя через биографию своего отца. Последуем и мы этому старому и верному способу оценки заслуг человека.

В детстве Александр редко видел отца: Ярослав постоянно находился в отъезде. Вся его биография — бесконечные разъезды по русским землям, цель которых нам уже не вполне понятна. Кипучая энергия, честолюбие или алчность заставляли его постоянно находиться в движении.

В 1222—1223 гг. Ярослав ходил с новгородцами на немцев и безуспешно штурмовал Колывань (современный Таллинн), в 1224 г., поссорившись с новгородцами, осаждал южный форпост новгородской земли — Торжок, в 1225 г., примирившись с новгородцами, помогал им в войне с Литвой. Зимой 1226—1227 гг. Ярослав увлек новгородцев в далекий лыжный поход на емь (финское племя, жившее на территории современной Южной Финляндии). Это рискованное предприятие завершилось вполне успешно.

В 1228 г. Ярослав пытался поднять новгородцев и псковичей в новый поход, на сей раз на Ригу. Однако он не получил поддержки в этом начинании и, разобидевшись, покинул Новгород, оставив там в знак своего «присутствия» старших сыновей — 10-летнего Федора и 8-летнего Александра. Разумеется, вместе с княжичами остались несколько надежных бояр и две-три сотни дружинников. Возможно, при детях какое-то время жила и мать. Княгиня Ростислава Мстиславна выросла на берегах Волхова. Здесь она пользовалась особым почетом благодаря традиционным связям ее предков с Новгородом. Ее дед, Мстислав Храбрый, умер на новгородском княжении и был удостоен редкой для князей чести быть погребенным в стенах Софийского собора⁷. Необычайной популярностью пользовался в Нов-

городе отец Ростиславы — Мстислав Удалой. Можно думать, что у его дочери была и личная привязанность к Новгороду. Примечательно, что в 1244 г. она умерла именно здесь, в Новгороде, и была похоронена в соборе древнего Юрьева монастыря.

Оставляя малолетних сыновей в Новгороде, князь Ярослав Всеволодович преследовал вполне определенную цель: отроки должны были постепенно привыкать к сложной роли новгородских князей, чтобы достойно представлять на берегах Волхова интересы отца, когда тот получит великое княжение Владимирское.

Зимой 1228—1229 гг. Ярослав сопровождал своего старшего брата Юрия Владимирского в успешном походе на мордовских князей, а летом 1229 г. внезапно напал на новгородские владения на Волоке. В следующем году он воевал с князем Михаилом Черниговским, затем приехал в Новгород и там улаживал свои споры с местной знатью. В 1234 г. Ярослав вновь лично явился в Новгород и, собрав войско, пошел на Юрьев (современный Тарту). После удачного завершения этого похода он нанес поражение литовским князьям на границе смоленских и новгородских земель, в Торопецкой волости. В 1236 г. Ярослав расширил круг своих военно-политических интересов и ввязался в борьбу южнорусских князей за киевский «стол». Вскоре он торжественно въехал в древнюю столицу Руси. Захват города, удержать который он явно не мог, как и весь его внезапный бросок на юг, «свидетельствовал об авантюрном складе характера Ярослава»⁸.

После гибели старшего брата Юрия в битве с татарами на реке Сить 4 марта 1238 г. Ярослав обрел наконец долгожданный титул великого князя владимирского. Однако мог ли он теперь радоваться этому?

Сын великого Всеволода, который, по выражению автора «Слова о полку Игореве», мог расплескать Волгу веслами своих кораблей, Ярослав оказался правителем разграбленной и опустошенной земли. Грозный враг ушел в свои степи. Однако он был недалеко. Угроза нового нашествия заставляла жить в постоянной тревоге. Летом 1239 г., когда Ярослав ушел в поход на литовцев, татары внезапно напали на восточные районы владими́ро-суздальской земли. Лишь осенью 1240 г., взяв штурмом Киев, они ушли дальше на запад, и Ярослав на некоторое время почувствовал облегчение.

Но радость его была недолгой. Вернувшись из похода в Центральную и Южную Европу, татары в 1243 г. вновь появились у границ Руси. На сей раз они намеревались в полной мере воспользоваться плодами своих побед. Русские князья были вызваны в кочевую ставку Бату (1208—1255). Этот искушенный в военном деле внук Чингисхана пользовался большим авторитетом среди монгольской знати. В 1235 г. ему было доверено общее командование всеми войсками, посланными в поход на западные страны. После завершения похода он стал управлять завоеванными областями, а также землями, которые сам Чингисхан отдал во власть своему рано умершему старшему сыну Джучи — отцу Бату.

Можно представить себе, с какими чувствами ехали русские князья на поклон к Бату — в русском произношении Батыю. Вероятно, все они перед отъездом составили завещание и, как это делали перед кончиной, причастились «святых тайн». Однако все обошлось

относительно благополучно. Вызывая к себе русских князей, монголо-татары не собирались уничтожать их. Свою цель они видели в том, чтобы использовать в своих интересах экономический и военный потенциал Руси. Для этого разумнее было сохранить сложившуюся здесь систему управления, используя ее в интересах завоевателей.

Отныне князья должны были отвечать перед ханом за все, что происходит в их владениях, и прежде всего за полный и своевременный сбор дани. Их право на власть подтверждалось особой ханской грамотой — «ярлыком». По отношению к своим подданным, а также к соседним правителям князья выступали как доверенные лица хана, его наместники в «русском улусе». Слово «улус» — «область», «владение» — монголо-татары применяли отныне и к Руси, которую они считали частью своей империи.

Важнейшим средством поддержания монгольского господства был террор. За любую провинность князь лишался ярлыка, а вместе с ним обычно и жизни. Попытка утаить часть собранной для хана дани, тайные переговоры с кем-либо из соседей, даже сказанное в сердцах крепкое слово по адресу хана — все это влекло за собой скорую и беспощадную расправу. Летописи содержат немало рассказов о жестокой казни, которой подвергали русских князей в ханской ставке.

Монгольская армия заслуженно славилась хорошо налаженной разведкой. Но и в мирное время у хана повсюду имелись «глаза» и «уши». Руководителями ханской тайной службы на Руси были баскаки. Это слово в прямом переводе с монгольского означает «датель». Баскаки постоянно жили на Руси, следили за сбором дани и за всем происходящим, содержали десятки осведомителей. Они являлись официальными представителями хана в завоеванной стране. Конфликт с баскаком чаще всего заканчивался гибелью даже для князя. Для простых людей он был равносителен самоубийству.

Летом 1243 г. русские князья впервые увидели Несокрушимого — так можно было перевести монгольское имя Бату — лицом к лицу. Выразив покорность хану, они получили разрешение вернуться на Русь. Впрочем, Батый отпустил по домам не всех. Сыну князя Ярослава Константину было приказано ехать навстречу восходящему солнцу — в столицу монгольской империи Каракорум. Этот исчезнувший впоследствии город располагался в современной Северной Монголии. Археологи считают, что древнее поселение, остатки которого раскопаны близ знаменитого буддийского монастыря Эрдени-Дзу (в 420 километрах к западу от Улан-Батора), и есть знаменитый Каракорум — «Черные Камни».

Это путешествие было для князя Константина чем-то вроде кругосветного путешествия — едва ли кто-нибудь из русских посещал ранее степи Казахстана и Южной Сибири. И уж во всяком случае никто не бывал в Джунгарии и Северной Монголии — там, где Потрясатель Вселенной — Чингисхан впервые поднял свое девятибунчужное белое знамя.

С какой целью Батый отправил князя Константина в это далекое и опасное путешествие? Несомненно, в этом был тонкий рас-

чет хитроумного политика. Батый не был совершенно независимым правителем. Он признавал себя подданным великого хана — вначале Угедея (1229—1241), а затем его вдовы Туракины, управлявшей империей до 1246 г., когда монгольская знать избрала своим предводителем старшего сына Угедея — Гуюка. Отношения между Батыем и центральным правительством в 1240-е гг. были крайне напряженными. Взаимная ненависть в любой момент могла перейти в вооруженное столкновение. Однако Батый не желал войны, так как не имел столько воинов, сколько мог выставить против него Каракорум. Именно поэтому и Батый, и его преемник хан Берке признавали свои владения — «улус Джучи» — областью монгольской империи. Лишь в 60-е годы XIII в. «улус Джучи» становится полностью самостоятельным. На его основе возникает сильное и независимое государство, известное в истории под названием Золотой Орды.

Впрочем, все это было впереди... А пока русские князья не по своей воле превратились в настоящих землепроходцев. Константин Ярославич, преодолев в общей сложности около 10 тыс. верст, вернулся из Монголии в 1245 г. А вскоре Батый вновь вызвал к себе русских князей. Настал черед самому Ярославу Всеволодовичу по следам сына ехать на поклон к великому хану, в Монголию. На сей раз путь был уже не столь опасным и неизвестным: Ярослава, конечно же, сопровождали люди из свиты Константина, только что вернувшиеся из Забайкалья.

Однако смертельная опасность для великого князя владимирского таилась в самой обстановке «двоевластия» в степях. При дворе великого хана на Ярослава смотрели как на ставленника ненавистного Батыя. Да и среди самих русских князей не было единства. Даже попав под власть «поганных», правители Руси не перестали враждовать друг с другом. Более того, борьба приняла невиданно жестокий, низменный характер. И если раньше главным средством решения княжеских споров было сражение «в чистом поле», то теперь все чаще применялось новое, страшное оружие — донос Батю или самому великому хану на своего недруга.

Все это, конечно, знали и учитывал князь Ярослав Всеволодович. Отправляясь в Монголию, он понимал, что едва ли вернется живым. Однако выбора у него уже не было. Князь явился ко двору великого хана, пробыл там несколько месяцев и умер 30 сентября 1246 г. на обратном пути, где-то в безлюдных степях Южной Сибири. В источниках есть сведения, что его отравили. Поводом для расправы послужил донос одного из бояр. Рассказывали, что мать великого хана Гуюка Туракина поднесла Ярославу чашу с ядом медленного действия. Таким образом правители Каракорума надеялись избежать упреков со стороны Батыя. Кто знает, отчего мог умереть 56-летний русский князь много дней спустя после отъезда из ставки Великого хана?

О чем думал, приближаясь к последним верстам своего земного пути, князь Ярослав? Должно быть, там, среди ржавых осенних степей Джунгарии, он вспоминал о далекой Руси: «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская!» Только в разлуке можно узнать всю силу ее притяжения. Конечно, вспоминал Ярослав и о до-

ме, об умершей незадолго до его отъезда жене — княгине Ростиславе. Ярослав верил: она ждет его там, в горнем мире, в небесных селениях.

Но более всего думал Ярослав о сыновьях. В них видел князь продолжение себя, своего дела: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева. Что стрелы в руке сильного, то сыновья молодые. Блажен человек, который наполнил ими колчан свой! Не останутся они в стыде, когда будут говорить с врагами в воротах» (Псалтирь, 126, 3—5).

Ярослав и вправду «наполнил колчан свой»: семь сыновей-наследников должны были получить согласно его завещанию самостоятельные уделы в Северо-Восточной Руси. Но конечно, более всего думал князь о старшем сыне, Александре...

Оглядывая весь круг деяний неевского героя, легко заметить: он удивительно схож с послужным списком его отца. Во всех своих делах и походах Александр не был первопроходцем; он шел буквально «след в след» за отцом, повторив его судьбу даже в деталях. Однако его победы выглядят несравненно ярче не только из-за перемены исторического фона — они словно вспышки во мраке всеобщего отчаяния! — но и благодаря его молодости, блеску личного мужества и какой-то особой, веселой дерзости.

По свидетельству древнегреческого историка Плутарха, Александр Македонский, подбадривая одного молодого воина, которого также звали Александром, сказал ему: «Твое имя обязывает тебя быть мужественным»⁹. Первый из русских князей, носивший имя Александра, уже в юности в полной мере оправдал свое громкое имя.

Александр Ярославич узнал о кончине отца лишь спустя несколько месяцев. Он немедленно приехал во Владимир, где и встретил печальную процессию. Засмоленную дубовую колоду с телом князя поместили в белокаменный саркофаг. Как и другие великие князья, Ярослав был погребен в стенах Владимирского Успенского собора.

Прощаясь с отцом, Александр уже знал: отныне в его судьбе многое должно перемениться. Хочет он этого или нет, но ему предстоит тяжелая борьба за власть. Его соперниками станут не только младшие братья отца — Святослав, Иван, но и собственные братья — Андрей, Михаил, Ярослав, Константин, Василий, Даниил. Так уж издавна повелось в княжеских семьях: властолюбие неизменно торжествует над братолюбием, желание занять лучший, богатейший «стол» оказывается сильнее страха «впасть в грех» и тем навлечь на себя гнев Божий, о котором так часто говорили призывавшие к миру церковные проповедники.

Единственный способ выйти из борьбы, сохранив достоинство и жизнь, — принять монашество. Именно так поступил некогда черниговский князь Святослав Давыдович. Не желая участвовать в кровавой игре честолюбцев, он затворился в стенах Киево-Печерского монастыря. Вместо того чтобы побеждать других, князь решил победить самого себя: слолив гордыню, он облачился в грубую монашескую рясу и стал самым смиренным из печерских иноков. Родичи вначале смеялись над ним, затем пытались силой забрать его из монастыря — но Святослав был непреклонен. Жестокое законы «мира сего» уже не властны были над его преобразившейся душой. Твердо и радостно он шел по избранному пути самоотречения и власти над собой...

Александр с почтением вспоминал о князе-иноке, причисленном к лику святых. Но путь монашества, конечно, был не для него. Он был в расцвете своих сил, чувствовал себя призванным для совершения великих подвигов. Кто не знал тогда о его блестящих победах над шведами, немцами и литовцами! Он готов был сразиться с любым противником и победить его, как побеждал когда-то своих врагов его знаменитый тезка — Александр Македонский.

Оглянемся и мы на ранний, «новгородско-перемыславский» период жизни Александра, полюбуемся его блестящими победами, которые служили тогда единственным утешением для израненной, обескровленной Руси...

Летом 1240 г. шведские корабли пошли в Неву. Поход этот, как полагают, не был обычным, рядовым морским набегом потомков древних викингов на земли соседей. Он имел стратегическое значение¹⁰. Именно в эти годы шведская знать, поощряемая католическим духовенством, готовилась подчинить себе финское племя тавастов. Но и новгородцы уже давно стремились установить свой контроль не только над Карельским перешейком (это им удалось еще в XII в.), но и над внутренними областями Южной Финляндии, где жили тавасты. В русских летописях они известны под именем «емь».

В 1240 г. шведы решили воспользоваться тем, что Новгород был лишен обычной военной помощи со стороны владими́ро-суздальских князей, и одним ударом отрезать от него не только Южную Финляндию, но и Карельский перешеек. Закрепившись на берегах Невы, шведы могли не только без помех освоить земли, лежавшие к северу от Невы, но и со временем продолжить с этого рубежа наступление на собственно новгородские земли.

Появление шведов в Неве должно было крайне встревожить новгородцев и по другой причине. Именно Нева, по которой некогда проходил знаменитый путь «из варяг в греки», была главной доро-

гой внешней торговли Новгорода. Появление на этой дороге шведской заставы грозило подрывом благосостояния многих боярских и купеческих семейств, связанных с балтийской торговлей.

Несомненно, шведские воеводы во многом рассчитывали на внезапность своего нападения. Неожиданным ударом они надеялись овладеть крепостью Ладогой, располагавшейся близ устья Волхова. Однако уже в начале похода их подстерегала неудача. Появление шведских кораблей в устье Невы было замечено местными жителями, в обязанности которых входило наблюдение за всеми проплывавшими по реке судами и оповещение новгородцев о появлении «судовой рати». Старейшина племени ижора Пелгусий отправил в Новгород гонца с тревожной вестью.

Узнав о вторжении шведов, новгородцы немедленно принялись собирать войско для отпора врагу. И если в мирное время роль князя в жизни Новгорода была весьма скромной, то в случае опасности все взоры обращались на него. Узнав о случившемся, Александр с небольшим конным отрядом — «в мале дружине» — выступил навстречу шведам. Одновременно водным путем — по Волхову и далее через Ладогу в Неву — отправился другой отряд новгородских воинов. Вероятно, конная дружина Александра шла по берегу Волхова и Ладожского озера, не теряя из виду «судовой рати». Такое решение удлиняло путь. Однако оно имело два важных достоинства. Новгородцы не могли разминуться со шведами; их конная и судовая рать все время находились рядом.

Между тем шведы, не подозревая о движении новгородцев, стали лагерем близ устья речки Ижоры — неподалеку от восточной окраины современного города Санкт-Петербурга. Здесь и напал на них князь Александр со своим войском.

По мнению некоторых историков, Александр приказал своим воинам, плывшим на кораблях, сойти на берег на значительном отдалении от шведского лагеря. После этого он неприметно, лесом подвел свое собравшееся воедино войско к месту предстоящего сражения¹¹.

Внезапное появление русских вызвало смятение в рядах шведов. В то время как конная княжеская дружина громила их лагерь, пешее войско отрезало врагу путь к кораблям. Сражение началось около 10 часов утра в воскресенье 15 июля 1240 г. Шведы были опытными, стойкими воинами. Несмотря на неожиданность атаки русских, они сумели собраться с силами и оказать ожесточенное сопротивление. Вероятно, на их стороне было и численное преимущество.

Среди русских воинов особенно отличились своими подвигами шесть «храбрых мужей». Вот что рассказывает об этом древнее «Житие Александра Невского»:

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александрова.

Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им

схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со схода вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел вон из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александровых, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался¹².

Битва затихла лишь с наступлением темноты. Шведы отступили к своим кораблям, однако сумели сохранить небольшой участок берега. Ночью они перенесли на корабль тела знатных воинов, павших в битве, а рядовых похоронили в общей могиле. После этого весь уцелевший флот отчалил от берега и двинулся вниз по течению Невы — к морю.

Так бесславно закончилось первое после Батыева нашествия вторжение «латинян» в новгородские земли.

Каковы были подлинные масштабы этой битвы? Какое место она занимает среди других знаменитых сражений Средневековой Европы и Руси? Ответить на этот вопрос не так-то просто из-за отсутствия достоверных сведений о численности шведского и русского войска и других обстоятельствах.

По-видимому, это сражение отнюдь не принадлежит к числу крупнейших по количеству участников. О его подлинных масштабах дает представление число погибших. По свидетельству летописи, в битве пало 20 новгородцев и ладожан. В это число входят как знатные, так и рядовые воины¹³. О скромных масштабах Невской битвы косвенно свидетельствует и молчание шведских хроник о походе 1240 г.¹⁴

Разумеется, все это ничуть не умаляет ни героизма русского войска, ни заслуг его юного предводителя. Однако, отдавая им должное, мы все же должны стремиться к тому, чтобы увидеть события в их «тогдашнем» масштабе. Известно, что со временем пропорции часто искажаются: одни события вырастают в глазах потомков, становятся символами, другие, напротив, бледнеют и как бы уменьшаются в своем значении.

Образ Александра Невского вызывает дискуссии среди историков и публицистов. В источниках сохранились очень мало достоверных сведений о его личности и деятельности. Поэтому любая оценка носит характер гипотезы, более или менее убедительного предположения.

Превращение Александра Невского в символ воинской доблести, патриотизма и преданности православной вере придает науч-

ным спорам привкус идейно-политической борьбы. Критиков Александра упрекают в «идеологической диверсии», а его апологетов — в «квасном патриотизме».

Даже среди специалистов, занимающихся этой эпохой, нет единения. Одни историки увлеченно разрушают «исторический миф» об Александре Невском, подвергая сомнению масштаб и значение его военных побед, уличая его в том, что он «фактически положил конец действительному сопротивлению русских князей Золотой Орде на многие годы вперед»¹⁵. Истоки этих взглядов можно найти в современной западноевропейской историографии¹⁶. Другие, напротив, находят основания утверждать, что народное восстание против власти Орды в 1262 г. было подготовлено Александром Невским¹⁷. Третьи не отрицают выдающихся военных успехов князя, но при этом отмечают, что «в действиях Александра Ярославича нет оснований искать какой-то осознанный судьбоносный выбор. Он был человеком своей эпохи, действовал в соответствии с мировосприятием того времени и личным опытом. Александр был, выражаясь по-современному, «прагматиком»: он выбирал тот путь, который казался ему выгодней для укрепления его земли и для него лично»¹⁸. Традиционная, приподнято-пафосная оценка заслуг Александра Невского также имеет своих приверженцев среди историков и публицистов¹⁹. В новейшем вузовском учебнике содержится краткая и умеренно-оптимистическая характеристика деяний Александра: признание его военных заслуг при полном отказе от церковно-патриотической риторики²⁰.

Споры об исторических заслугах Александра Невского не прекратятся до тех пор, пока спорящие не уяснят, что говорят о разных предметах. В русской истории существуют как бы два человека с этим именем. Один — подлинный, живой человек, о котором мы почти ничего не знаем и едва ли узнаем больше. Другой — идущий сквозь века огромный, закованный в железное рыцаря. Если бы эти двое вдруг повстречались, то их встреча была бы похожа на встречу пушкинского Руслана с головой богатыря. Каждый из них необходим на своем месте и в своей роли. Первый — добыча «грызущей критики» историков, второй — один из ключевых образов особой, народной истории, которая складывается веками по своим непостижимым законам. Образы этой народной истории не подлежат научной критике, равно как и цеховые споры историков не подлежат широкому распространению.

И всё же: как возник этот богатырский тезка у князя Александра Ярославича?

Из школьного учебника физики каждому известно явление резонанса. Когда внешние удары по частоте совпадают с внутренними колебаниями тела, происходит внезапное многократное увеличение их силы. Невская битва вызвала на Руси своего рода «психологический резонанс». Ее реальное значение умножалось на то напряженное ожидание добрых вестей, благих предзнаменований, которое так характерно было для страны в первые, самые трагические десятилетия чужеземного ига.

Победа князя Александра Ярославича над шведами стала богатой темой для светлого мифотворчества. Оно шло главным образом по двум направлениям: украшение всевозможными яркими подробностями личного подвига Александра и выявление таинственного символического смысла этой победы путем сопоставления ее с различными событиями, описанными в Библии. На пер-

вом направлении были созданы такие эпизоды, как встреча Александра с немецким рыцарем Андреашем, якобы приехавшим в Новгород только для того, чтобы увидеть знаменитого русского князя; гордый вызов на бой, посланный шведским «королевичем» Александру в Новгород; единоборство Александра с ярлом Биргером. Все эти сюжеты, как показывает критический анализ источников, имеют чисто литературное происхождение²¹.

Второе направление исторического осмысления Невской битвы — через призму библейских сказаний — необычайно ярко проявилось в «Житии Александра Невского». Автор жития, работавший в конце XIII в., сравнивает князя со многими знаменитыми героями Библии — самой популярной книги Средневековья, главного источника всякого знания о мире в ту эпоху. С помощью Библии человек Средневековья постигал причины событий, пытался заглянуть в будущее и понять таинственные пути Господни, управляющие миром.

Вернувшись в Новгород победителем, Александр вскоре узнал горькую истину: люди не прощают чужой славы. Невская победа привела к обострению его отношений с новгородским боярством. «Отцы города» опасались усиления князя, роста его популярности в народе. Источники умалчивают о подробностях конфликта. Однако результат его известен: через несколько месяцев после своей победы над шведами Александр покинул берега Волхова. Вместе с ним уехали его мать, старая княгиня Ростислава Мстиславна, и жена — княгиня Александра.

О жене Невского известно очень мало. В 1239 г. князь Ярослав женил сына на княжне Александре — дочери полоцкого князя Брячислава. Свадьба была сыграна как бы в «два действия» — вначале в Торопце, затем в Новгороде. Здесь, в Торопце, у истоков Западной Двины, княжил некогда дед Александра — Мстислав Удалой. Вероятно, Ярослав не случайно избрал именно Торопец местом бракосочетания сына: со временем Александр по примеру деда мог стать правителем этого беспокойного, но стратегически важного края.

Замысел Ярослава оказался верным. Вскоре Торопец стал для Александра своего рода «точкой опоры» в борьбе с грабительскими набегами на русские земли литовских князей.

Брак Александра с дочерью полоцкого князя, как и большинство других княжеских браков в ту эпоху, был заключен «по расчету», с политическими целями. Дальновидный Ярослав явно готовил сына к деятельности в Северо-Западной Руси. Родство с полоцкими князьями позволяло ему стать своим в этих краях. Вместе с тем этот брак создавал и определенную личную заинтересованность Александра в борьбе с немецкой агрессией в Прибалтике. Именно полоцкие князья в XII в. собирали дань и строили крепости в низовьях Западной Двины — там, где теперь хозяйничали рыцари-меченосцы и католические епископы. Основание города-крепости Риги в 1201 г. закрыло для полоцких, да и вообще русских купцов свободный выход на Балтику через устье Западной Двины.

Отъезд Александра из Новгорода совпал с усилением немецкого наступления на Псков. Обосновавшись на территории современной

Эстонии, крестоносцы попытались захватить и псковскую землю. В этом была своя логика. Всякая экспансия имеет тенденцию к развитию. Кроме того, внезапное появление русских войск в Эстонии — как, например, поход князя Ярослава Всеволодовича в 1234 г. — было постоянной угрозой для «божьих дворян», как называли крестоносцев русские летописцы.

Вторжение монголо-татар в Северо-Восточную Русь в 1237—1238 гг., разорение ими Южной Руси в 1239—1240 гг. подорвали военное могущество страны. Великий князь владимирский уже не имел прежних возможностей для оказания военной помощи боярским республикам. Положение на северо-западе усложнялось извечной враждой между Новгородом и его «младшим братом» Псковом. Случалось, что Псков во имя своих военно-политических и торговых интересов искал дружбы с Орденом. За походы новгородцев в Ливонию приходилось расплачиваться псковичам, земли которых лежали вдоль границы. Объединить силы Новгорода и Пскова для борьбы с немцами было весьма трудным делом.

Уже в 1240 г. крестоносцы штурмом овладели Изборском — одним из древнейших русских городов. По преданию, именно здесь княжил брат знаменитого Рюрика — Трувор. Изборская крепость — одна из немногих каменных крепостей тогдашней Руси — была расположена всего лишь в 40 км к западу от Пскова. Возникла реальная угроза безопасности самого Пскова. Попытка отбить Изборск потерпела неудачу: 16 сентября 1240 г. подоспевшее из Пскова войско было разбито крестоносцами. Потеряв около 600 воинов, псковичи в беспорядке отступили²².

Вскоре немцы и помогавшие им в этом походе датчане подошли к стенам Пскова. Расположенный на высоком, хорошо укрепленном мысу между реками Великой и Псковой, город был для рыцарей «крепким орешком». Однако изменники из числа местной знати открыли ворота чужеземцам, пошли на сговор с ними. Оставив во Пскове двух своих наместников и небольшой гарнизон, крестоносцы вернулись в Эстонию.

Успех псковской кампании воодушевил «божьих дворян». Следующей их целью стал Новгород. Возможно, и там у них была «пятая колонна» из местных бояр. Следующий удар немцы нанесли из района реки Нарвы. Крестоносцы овладели многими селениями Вотской пятины — одной из пяти областей, на которые делилась новгородская земля. Вотская пятина находилась к северо-западу от Новгорода, простираясь до Финского залива.

В погосте Копорье, расположенном в 11 верстах от берега моря, на холме, защищенном глубоким оврагом, немцы выстроили деревянную крепость. Это был их обычный способ освоения чужой территории: строить замок, опираясь на который подчинять себе всю округу. Закрепившись на побережье, рыцари вдоль реки Луги двинулись на юго-восток, к Новгороду. По пути они разоряли села и деревни, угоняли скот, захватывали пленных. Вскоре они приблизились к Новгороду на расстояние в 30—40 верст²³.

Оказавшись перед лицом грозной опасности, новгородцы, забыв старые счеты, обратились к великому князю владимирскому за помощью. Ярослав Всеволодович не хотел в столь тревожное время

отпускать далеко от себя самого надежного из своих сыновей — Александра. Поэтому он поначалу послал в Новгород его брата — Андрея. Но задача оказалась ему явно не по плечу. Вскоре сам новгородский архиепископ Спиридон явился к Ярославу, умоляя послать против немцев другого сына — Александра.

И вот вновь вступил Александр под гулкие своды Новгородской Софии, где сверху, из купола, грозно взирал на людей Вседержитель; вновь поднялся князь на помост посреди вечевой площади, услышал с детства знакомый беспокойный гомон собравшейся толпы. Вероятно, Александр по-своему любил этих своенравных, мужественных людей, среди которых он вырос и возмужал, среди которых прожил он страшную зиму 1237—1238 гг., когда полчища Батыея стояли в какой-нибудь сотне верст от Новгорода...

Свой план войны с крестоносцами Александр построил на внезапности, стремительности ударов. Трудно удержаться от исторической параллели: в его искусстве побеждать было много такого, что пять веков спустя возродил в своих походах Суворов. Глубоко символично, что прах великого Суворова покоится в стенах обители, посвященной святому Александру Невскому.

Яростной и неожиданной атакой Александр овладел Копорьем. Построенный немцами замок был разрушен по его приказу. Попавших в плен врагов князь отослал в Новгород: за них можно было получить выкуп или же обменять их на попавших в плен к немцам знатных новгородцев.

В результате похода на Копорье земли Вотской пятины были очищены от крестоносцев. Но это было далеко не все, что предстояло совершить Александру. Следующей, куда более сложной задачей было освобождение Пскова.

Опытный и прозорливый политик, князь Ярослав Всеволодович понимал, что захват немцами Пскова таит в себе опасность не только для Новгорода, но и для всей Руси. С огромным трудом он собрал в суздальской земле «множество воинов» и отправил их под началом другого сына, Андрея, на помощь Александру.

Получив подкрепление, Александр выступил из Новгорода на Псков. Его воины перекрыли все дороги, ведущие к городу. Своим любимым приемом — внезапной атакой, «изгоном», — Александр овладел городом. После этого, не теряя времени, он пошел на Изборск и дальше — «в землю Немецкую», т.е. на территорию современной Эстонии. Тем же путем (Новгород — Псков — Изборск — Юрьев) хаживали прежде и отец Александра Ярослав, и его дед Мстислав Удалой. Оба они возвращались из походов в эти края со славой и богатой добычей. Теперь настал час Александра...

Узнав о вторжении русских, епископ Дерпта спешно призвал на помощь рыцарское войско. Вскоре на холмистых берегах реки Эмбах раскинули свои походные шатры сотни «божьих дворян». Каждый из них был облачен в длинный белый плащ с черным крестом на спине. Такова была одежда, предписанная самим Римским Папой рыцарям Тевтонского ордена. Впрочем, иные предпочитали донашивать привычное облачение упраздненного в 1237 г. Ордена меченосцев: тот же белый плащ, но с изображением

красного меча и креста. Потерпев сокрушительное поражение от литовских князей в битве при Сауле, оставшиеся в живых меченосцы вынуждены были вступить в ряды рыцарей Тевтонского ордена, обосновавшегося в Пруссии²⁴.

Вступив на земли, находившиеся под властью немцев, Александр по обычаю того времени распустил свои полки «в зажитья», т.е. предоставил им самостоятельно добывать себе пищу и трофеи. Один из таких русских отрядов наткнулся на рыцарское войско и был почти полностью уничтожен. Узнав об этом, князь собрал свои силы воедино и отвел их на три-четыре десятка верст к востоку — на самый берег Чудского озера. Рыцарское войско шло следом за ним. Оба полка вступили на занесенный снегом лед...

«Место военных действий — это шахматная доска генерала, именно его выбор обнаруживает способности или невежество военачальника», — говорил Наполеон²⁵. Александр Невский выбрал место для сражения так удачно, что сама природа оказалась на его стороне.

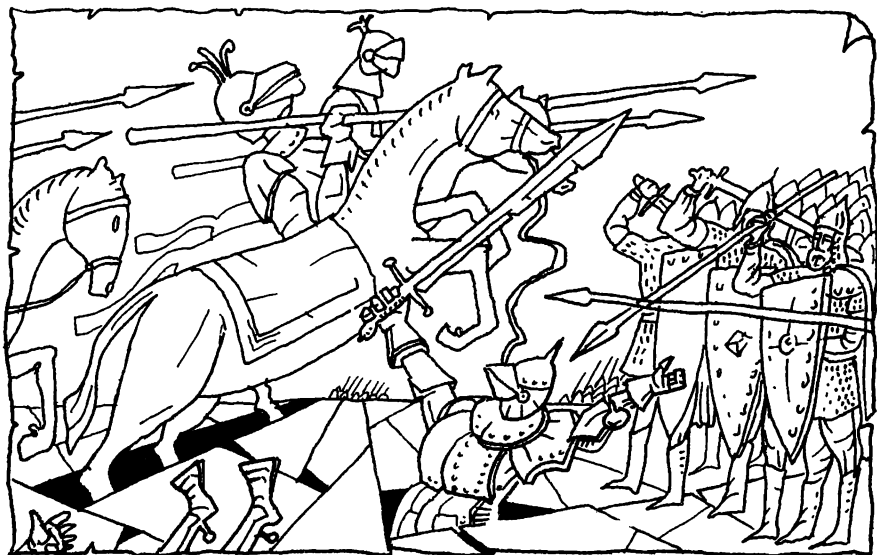
Вероятно, этот отход Александр совершил умышленно: в его сознании уже появилась дерзкая мысль — дать немцам сражение на льду. Именно так — на льду реки Эмбах — дал бой немцам и победил их в 1234 г. отец Александра. Несомненно, князь Ярослав рассказывал сыну об этом сражении и о том, как неуклюже держатся на льду закованные в броню с головы до ног немецкие рыцари.

Александр вполне удалось осуществить свой замысел. Утром 5 апреля 1242 г. его войско встретило врага, выстроившись на льду Чудского озера, «на Узмени, у Вороньего камня». Крестonosцы построились треугольником, острие которого было направлено на русских. На концах и по сторонам этого живого треугольника — «великой свиньи», по ироническому выражению русских летописцев, — встали закованные в латы конные рыцари, а внутри него двигались легковооруженные воины.

В составе рыцарского войска находились и отряды, состоявшие из представителей прибалтийских народностей — ливов и леттов.

Осыпав противника дождем стрел, воины Александра раздвинулись, пропуская «великую свинью», а затем яростно ударили по ее флангам. «И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью», — повествует неизвестный автор «Жития Александра Невского». Вероятно, в основе этого произведения лежит воинская повесть о подвигах князя, в которой подробно описаны были все его победы²⁶.

Вскоре ослабевший к весне лед начал давать трещины. Кое-где, не выдержав тяжести людей и боевых коней, он стал проваливаться. Первыми шли ко дну самые знатные, богатые рыцари: их тяжелые доспехи весили по два-три пуда. Упав с коня, рыцарь, закованный в латы, уже не мог подняться без посторонней помощи. Русские цепляли его крючьями и волокли по льду, точно санки с железными полозьями.

Глядя на все это, Александр, вероятно, испытал радость охотника, в капкан которого попала крупная дичь: поставив свое войско «на Узмени», в районе горловины, соединяющей Чудское и Псковское озера, он учитывал и то, что именно здесь лед всегда бывает более тонким, чем на самих озерах. Для крестоносцев это было самое что ни на есть «гиблое место». Именно сюда он и завлек их своим притворным отступлением. Русские преследовали рыцарей «семь верст по озеру до Соболицкого берега»²⁷. Победа Александра была полной. Согласно русским летописям, около 500 немцев погибло в битве, а 50 знатных пленников он привел с собой во Псков, где встречен был колокольным звоном и всеобщим ликованием²⁸.

Значение этой победы Александра трудно переоценить. Вот что говорит о ней известный историк академик М. Н. Тихомиров: «В истории борьбы с немецкими завоевателями Ледовое побоище является величайшей датой. Эту битву можно сравнить только с Грюнвальдским разгромом тевтонских рыцарей в 1410 г. Борьба с немцами продолжалась и далее, но немцы никогда не могли уже нанести сколько-нибудь существенного вреда русским землям, а Псков оставался грозной твердыней, о которую разбивались все последующие нападения немцев»²⁹.

Непосредственным результатом битвы на Чудском озере стало заключение договора между немцами и Псковом, согласно которому крестоносцы уходили из всех захваченных ими русских волостей и возвращали всех пленных. Со своей стороны, псковичи отпускали всех взятых Александром пленных немцев.

Впрочем, эти переговоры, по-видимому, уже мало интересовали Невского. Сделав свое дело, он вернулся в Новгород, а оттуда поехал к отцу, в Северо-Восточную Русь. Причины его срочного отъез-

да источники не освещают. Однако, по некоторым сведениям, Александр в 1242 или 1243 г. должен был поехать на поклон к Батю вместе с другими русскими князьями³⁰.

И все же главной ареной деятельности его по-прежнему оставалась новгородская земля. В 1245 г. он успешно действовал против литовцев, нападавших на ее южные области. Поскольку литовцы еще не имели в ту пору сильной великокняжеской власти, Александру пришлось иметь дело лишь с относительно небольшими отрядами, совершавшими набеги с целью грабежа сельских волостей. Для такого бойца, как Александр, они не представляли много чести. Но оставлять безнаказанными их набеги — или, по выражению летописца, «пакости» — он не собирался.

Словно ястреб за мышами, Александр принялся охотиться за этими не в меру осмелевшими мелкими хищниками. Как-то раз он на протяжении одного рейда «победил семь ратей» литовских князьков. «И начали они с того времени бояться имени его», — с удовлетворением заключает свой рассказ летописец³¹.

* * *

Слава отважного воина, которую стяжал Александр, защищая западные рубежи Руси, была лишь частью его заслуг перед Русью. Совершенно иначе, но не менее достойно он проявил себя как правитель обескровленной, разоренной татарами владимирской земли.

После кончины отца — вероятно, в начале 1247 г. — Александр и его младший брат Андрей отправились в ставку к Батю. Во время этой поездки Батый проявил особый интерес к братьям Ярославичам, которым надлежало возглавить «русский улус».

Летописи не сохранили описаний приема русских князей в ханской ставке. Наши источники вообще до странности скупы на рассказы о жизни Орды. И все же в распоряжении историков есть два старинных повествования на эту тему. Автор первого из них — итальянец Джиованни дель Плано Карпини. В качестве посла Римского Папы Иннокентия IV он посетил великого хана Гуюка в 1246 г. Второе сочинение о монголах принадлежит перу фламандца Гильома Рубрука. Монах из ордена миноритов, он был послан к монголам для проповеди христианства французским королем Людовиком IX в 1253 г.

Оба путешественника побывали в Монголии и благополучно вернулись в Западную Европу. Каждый из них написал подробные воспоминания об увиденном и услышанном в степях. Вот как описывает Гильом Рубрук свою встречу с Батием.

...Когда увидел двор Бату, я оробел, потому что, собственно, дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье (13,5—18 км). И как в израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома с повозок. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится посередине их людей, за исключением того, что прямо к

югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора. Итак, нас отвели сперва к одному сарацину (мусульманину. — *Н. Б.*), который не позаботился для нас ни о какой пище. На следующий день нас отвели ко двору, и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко... Затем он отвел нас к шатру, и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома... Тогда нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением коленей, как обычно делают послы. Итак, мы стояли перед ним столько времени, во сколько можно произнести «Помилуй мя, Боже», и все пребывали в глубочайшем безмолвии. Сам же он сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели там и сям, направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполнили мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак, Бату внимательно осмотрел нас, а мы его... Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконец, он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колени и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить...³²

Мужественный Рубрук и перед самим Батыем держался с достоинством. Некоторые выражения в его речи показались хану дерзкими. Однако он сдержал ярость и ответил иронической улыбкой. Придворные, внимательно следившие за выражением лица своего повелителя, поняли смысл этой улыбки и «начали хлопать в ладоши, осмеивая нас», вспоминает Рубрук. Переводчик посла, хорошо знавший, чем могут окончиться такие «аплодисменты», оцепенел от страха. Однако Батый позволил монаху закончить свою речь.

Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая еще больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение, или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руку щекой или подбородком. Затем мы вышли, и спустя немного к нам пришел наш проводник и, отведя нас в назначенное помещение, сказал мне: «Господин король просит, чтобы ты остался в этой земле (для проповеди христианства. — *Н. Б.*), а этого Бату не может сделать без вельможи Мангу-хана (т.е. великого хана в Монголии. — *Н. Б.*). Отсюда следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану; а твой товарищ и другой человек вернутся ко двору Сартаха (сына Батыя. — *Н. Б.*), ожидая там, пока ты не вернешься...»³³

Так принимал Батый посланника одного из самых могущественных монархов Европы. Но можно представить себе, сколь высокомерен был он с князьями «русского улуса», всецело зависевшими от его воли.

Не желая лишний раз вызывать гнев великого хана своей самостоятельностью, Батый не стал решать вопроса о великом княжении владимирском единолично. Он принял Ярославичей, беседовал с ними, но в итоге — как и в случае с Ярославом Всеволодовичем, а еще раньше — с Константином Ярославичем — отправил русских князей ко двору великого хана Гуюка (июль 1246 — весна 1248) для окончательного решения дела.

В 1247—1248 гг. Александру и Андрею пришлось совершить многомесячное путешествие по бескрайним пространствам Евразии. Перед ними открылся совершенно незнакомый для русского человека прекрасный и загадочный мир. Заснеженные горные вершины Тянь-Шаня, прозрачные стремительные реки Алтая, уходящие до самого горизонта холмистые равнины Монголии... На их пути встречались десятки больших и малых народов, каждый со своей речью и своими нарядами.

В ясную погоду воздух степей был так прозрачен и чист, что трудно было правильно определить расстояние: казалось, что до ближайшей гряды холмов не более 10 верст, а между тем не всегда удавалось достичь ее и за целый день пути. По ночам над головами путников сияли яркие и как будто совсем близкие звезды. Александр вглядывался в их расположение и с трудом узнавал знакомые с детства созвездия. Казалось, кто-то перемешал их могучей невидимой рукой.

Дикое, первозданное величие этого безлюдного мира, словно только что сотворенного Всевышним и еще теплого, дымящегося, невольно подавляло непривычного к таким картинам путника, заставляло почувствовать себя песчинкой на ладони Творца. Ощутил ли Александр это тоскливое, подобное страху чувство собственной ничтожности посреди бескрайней, как Вселенная, Великой Степи? Дерзкий до самонадеянности, он в повседневной жизни неизменно следовал наставлению своего пращура, князя-философа Владимира Мономаха: «Смерти, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужеское, как вам Бог пошлет». Однако он был сыном трагического и потому истово-религиозного века. Всемогущество Творца, явленное в Его деяниях и творениях, несомненно, повергало Александра в трепет. Впрочем, и сам великий Мономах не раз испытывал подобное чувство и учил детей благоговейному смирению: «Что такое человек, как подумаешь о нем?.. Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои...»

День за днем Александр и его спутники продвигались все дальше и дальше на восток. Между провинциями и столицей монгольской империи была налажена система надежной связи, основой которой были постоянные дворы, находившиеся на расстоянии 60—70 верст один от другого. Именно такой путь мог преодолеть за день всадник, спешащий с вестью или иным делом ко двору великого

хана. Эти постоянные дворы монголы называли «ям». Здесь путник мог найти крышу над головой, скромную трапезу и корм для лошадей. Здесь же мог он разузнать дорогу до следующего яма или же нанять проводника.

Исправность ямской службы подкреплялась свирепым указом отца Гуюка великого хана Угедая: за малейшую оплошность ямщиков ожидала жестокая кара. Был определен перечень вещей, которые должны были быть в каждом яме. «И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого неостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа»³⁴.

Монгольские ханы и в середине XIII в., создав крупнейшую в истории человечества империю, по образу жизни и привычкам были близки к своим предкам — безвестным кочевникам из рода Борджигид. Они лишь изредка, главным образом зимой, жили в Каракоруме. Основное время великий хан проводил в кочевой ставке — на коне или же в огромной, поставленной на повозку юрте, медленно передвигавшейся по степям вслед за табунами лошадей и отарами овец. Можно думать, что именно там, в кочевой ставке, принял хан Гуюк прибывших к нему князей из «русского улуса».

Уже само пребывание при дворе хана таило для русских большую опасность. Все здесь было проникнуто тайной и явной ненавистью одних «сильных людей» к другим. В Каракоруме они поняли, что между Гуюком и Батыем идет давняя вражда. Не зная всех хитро-сплетений придворных интриг, Александр и Андрей легко могли попасть в ловушку, ненароком нажить себе влиятельных врагов.

Однако великий хан Гуюк и его окружение проявили «милость» к Ярославичам: оба они были подобру-поздорову отпущены на Русь с ярлыками — особыми ханскими грамотами, дававшими право на то или иное княжение. Однако по каким-то неясным причинам (возможно, не желая следовать советам Батыя) старший из братьев, Александр, получил Киев и Новгород, а младший, Андрей, — стольный Владимир. Такое решение должно было посеять вражду между братьями и заставить каждого из них заискивать перед великим ханом.

Как бы там ни было, Александр не стал жить в разоренном и обезлюдевшем Киеве и вскоре по возвращении на Русь отбыл в Новгород. Там он занялся привычными для него заботами Северо-Западной Руси.

В самом начале 50-х гг. Александр, находясь в Новгороде, вел переговоры с норвежским королем Хаконем. Их главной темой был намечавшийся брак старшего сына Александра, отрока Василия, и дочери Хакона Кристины. Этот брак, как и вообще дружба с норвежцами, укреплял позиции Александра в борьбе со Швецией.

В 1251 г. в Новгород прибыло ответное посольство короля Хакона. Вот что рассказывает об этом событии древняя скандинавская сага. «Прибыли они летом в Хольмгард (Новгород). И конунг (князь. — *Н. Б.*) принял их хорошо; и установили они тут же мир между своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни

кирьялы, ни финны; и продержалось с тех пор это соглашение недолго. В то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгарда. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того как они (норвежские послы. — *Н. Б.*) исполнили порученное им дело, поехали они с востока обратно с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда прислал Хакону конунгу³⁵.

Желание Александра Невского породниться со скандинавами лишний раз свидетельствует о том, что он не был принципиальным противником Запада. В политике нет безусловных союзников и абсолютных врагов. Для достижения своей цели правитель может пойти на любой союз, предоставив придворным книжникам искать оправдание своих действий. Известно, что Александр в 1248—1249 гг. имел контакты с представителями Папы Иннокентия IV, который предлагал ему свою поддержку³⁶. Возможно, эти переговоры стали продолжением связей, установленных папским престолом с отцом Александра — князем Ярославом Всеволодовичем. Однако реальная политическая обстановка не благоприятствовала развитию этих контактов. Призывы Папы начать крестовый поход против татар оставались без ответа. Не питая иллюзий относительно «помощи Запада», Александр в то же время просчитывал и свои собственные перспективы. Имея родственников в Скандинавии, он всегда мог найти у них пристанище в трудную минуту. В случае перемены судьбы и немилости хана Александр мог точно так же уйти «за море», как Даниил Галицкий уходил от татар в Венгрию и Польшу. Именно так поступил в 1252 г. младший брат Александра Андрей, бежавший с семьей в Швецию.

«Нападение татар», о котором упоминает скандинавская сага, отмечено и всеми русскими летописями. То была страшная «Неврюева рать», изменившая судьбу не только самого Александра и его детей, но и всей Северо-Восточной Руси. Рассказ об этом событии следует начать с небольшой предыстории.

Важнейший вопрос тогдашних междукняжеских отношений — кому из Ярославичей владеть каким «столом» — необычайно усложнялся тем, что при его решении можно было исходить из трех различных мнений на сей счет — великого хана, хана Батыея и покойного великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. Кроме того, существовало, разумеется, и личное мнение каждого из Ярославичей. Наконец, имел свой взгляд на дело и общий соперник Ярославичей — их дядя Святослав Всеволодович, княживший в

Юрьеве-Польском. Строитель великолепного белокаменного собора, лично принимавший участие в его оформлении, этот князь-каменотес также не смог устоять перед демоном честолюбия и вступил в борьбу за великое княжение владимирское. Возможно, именно он жаловался Батюю на Андрея Ярославича и своими жалобами вызвал опустошительную «Неврюеву рать»³⁷.

Все это до такой степени запутывало и обостряло ситуацию, что каждый день можно было ожидать вспышки междоусобной войны или же карательного татарского набега. Понимая это, Александр поступил в высшей степени благоразумно: он уехал в Новгород и тем самым на время «вышел из игры».

Но и на берегах Волхова Александр внимательно следил за событиями в Северо-Восточной Руси. Он видел: там происходят перемены, которые могут иметь трагические последствия для десятков тысяч русских людей.

Вернувшись из Монголии, Андрей, ссылаясь на волю великого хана, подтвержденную согласием Батыя, прогнал из Владимира своего дядю Святослава Всеволодовича и занял великокняжеский «стол». Ему пришла мысль укрепить свое положение, женившись на дочери самого могущественного в те годы князя Юго-Западной Руси — знаменитого Даниила Галицкого.

Этот брак противоречил церковным канонам. Андрей и его невеста, имя которой источники не сохранили, состояли в близком родстве: их матери были родными сестрами. Однако в 1250 г. сам митрополит Кирилл обвенчал Андрея с юной Данииловной. Свадьба состоялась во Владимире-на-Клязьме. Летописец отмечает, что празднества прошли очень весело. Однако был ли на них Александр — неизвестно.

Едва ли Александр был доволен тем, что брат его сблизился с Даниилом. Он понимал, что свадьба Андрея — звено в цепи дипломатических ходов, предпринятых многоопытным галицким князем после его поездки к Батюю в 1245 г.³⁸ Даниил не мог примириться с зависимостью от татар, которые не только требовали дани, но и постоянно грабили окраины его владений. Гордый наследник Романа Галицкого не мог забыть унижения, которое ему пришлось пережить во время встречи с Батыем. Но воевать с татарами в одиночку было делом явно безнадежным из-за их многократного численного превосходства. И потому Даниил исподволь начал искать союзников для будущей войны с Ордой.

Через своего печатника — т.е. главу княжеской канцелярии — Даниил вел переговоры о женитьбе сына на дочери венгерского короля Белы IV. Вскоре тот же печатник Кирилл благодаря поддержке Даниила был утвержден Патриархом на престоле митрополита Киевского.

Вскоре после 1250 г. Кирилл приехал в Новгород, где встретился с Александром Ярославичем. Вероятно, митрополит надеялся вовлечь и его в намечавшийся антиордынский союз. Однако достичь этого ему не удалось. И дело было не только в том, что Даниил уже давно стремился овладеть Киевом, который татары передали под власть Александра. Корни разногласий между двумя выдающимися полководцами лежали гораздо глубже.

Оба они — Даниил и Александр — мечтали о возрождении могущественной, независимой Руси. Однако условия, в которых им приходилось действовать, а вместе с ними и пути, которыми они пытались достичь своей цели, были совершенно различны.

Александр, проехав из конца в конец империю потомков Чингисхана, воочию убедился в могуществе степных владык. Он понял, что Русь не сможет собрать достаточно сил, чтобы отразить новое нашествие. Александр не разделял надежд Даниила на помощь с Запада, от Римского Папы и католических государей соседних с Русью стран. Своей главной задачей он считал предотвращение любого конфликта между Русью и монголо-татарами.

В 1252 г. на Северо-Восточную Русь обрушилась посланная Батыем карательная «Неврюева рать».

Что вызвало гнев Батые? Узнал ли он о тайных замыслах Андрея и Даниила? (Если, конечно, эти замыслы существовали.) Или же этот поход был результатом гонений на ставленников Гуюка и его вдовы-регентши Огул-Гаймиш после прихода к власти в 1251 г. нового великого хана — близкого с Батыем Менгу? Можно думать, что оба предположения содержат долю истины. Главная цель нашествия состояла в том, чтобы запугать русских, сломить их волю к сопротивлению.

В «Истории» Татищева есть уникальное сообщение, взятое, вероятно, из какой-то не дошедшей до нас летописи: Александр донес сыну Батые Сартаку о том, что Андрей утаивает часть собранной для татар дани. Следствием этого доноса и стала «Неврюева рать»³⁹.

Известие Татищева ложится темным пятном на безупречную репутацию святого, омрачает светлый образ «заступника Руси». В его достоверности можно сомневаться: летописи полны злословий и наветов. Кроме того, Татищев мог неверно понять какое-то глухое известие летописи о событиях 1252 г. Наконец, у такого человека, как Александр, несомненно, было много врагов, желавших очернить его перед потомством. Что же касается князя Александра, то здесь уместно будет вспомнить и другое известие Татищева. По его сведениям, вернувшийся на Русь в 1256 г. князь Андрей был принят старшим братом «с любовью». Александр выхлопотал у татар прощение для Андрея, а позднее передал ему в удел Суздаль⁴⁰.

Узнав о приближении ордынского войска, Андрей (которого летописи рисуют человеком легкомысленным и эгоистичным) бежал из Владимира на северо-запад⁴¹. Близ Переяславля-Залесского 24 июля 1252 г. дружину Андрея настиг посланный вдогонку за ним татарский отряд. Князь был разбит и едва успел ускользнуть из рук победителей. Он пытался найти убежище в Новгороде или Пскове, но везде встретил холодный прием. Никто в Северо-Западной Руси не хотел навлечь на себя нашествие татар. В конце концов Андрей со своей княгиней вынужден был бежать в Швецию.

Изгнав Андрея из Владимира, Батый решил заменить его Александром. Он получил в Орде великокняжеский ярлык, а вместе с ним право старшинства среди русских князей и обширные территории, входившие в состав великого княжения владимирского. Вскоре он уже въезжал в разоренную татарами столицу Северо-Восточной Руси. У древних Золотых ворот, построенных еще Андреем Боголюбским, Александра встречало с крестами и хоругвями все уцелевшее после погрома местное духовенство во главе с митрополитом Кириллом.

Нашествие принесло горе не только простонародью. От него пострадала и знать. Один из младших братьев Александра — Ярослав, в будущем родоначальник династии тверских князей, — во время нашествия потерял семью. Сам он успел уйти от татар. Но его княгиня с малолетними детьми попала к ним в руки. В плену она держалась столь гордо и вызывающе, что татары в ярости убили ее, а детей увели с собой в степь, надеясь получить за них большой выкуп.

Взойдя на великое княжение, Александр «церкви отстроил и людей собрал»⁴². Постепенно Владимирская Русь стала залечивать раны, нанесенные ей «Неврюевой ратью».

На период пребывания Александра на великом княжении владимирском приходится упорядочение системы монгольского владычества над Русью — перепись 1257—1259 гг. Исходя из этого, некоторые историки изображают его чуть ли не главным виновником установления ига, задушевым другом Батые и Сартака. По мнению современного английского историка Джона Феннела, книга которого издана и в нашей стране, получение Александром великого княжения «знаменовало... начало новой эпохи подчинения Руси татарскому государству... Так называемое татарское иго началось не столько во время нашествия Батые на Русь, сколько с того момента, как Александр предал своих братьев»⁴³.

Особое значение придавал восточной политике Александра Невского и создатель оригинальной концепции древней истории Евразии историк Л. Н. Гумилев. Он считал, что Русь в 40-е гг. XIII в. была не в состоянии отразить натиск западных соседей. «Ее ожидала судьба Византии, захваченной в 1204 г. крестоносцами и разграбленной до нитки. Организованные рыцарские армии, с латной конницей и арбалетчиками, настолько превосходили раздробленные дружины русских князей, что выиграть можно было одну-другую битву, но не длительную войну. А такая война была неизбежна, потому что Папа объявил крестовый поход против православия.

В этих обстоятельствах князь владимирский Ярослав в 1243 г. собрал съезд князей и предложил им признать «каана» царем и заключить союз с главой рода Борджигидов — Батыем. Это признание ни к чему не обязывало — Ярослав просто вышел из войны, которую объявил монголам в 1245 г. на Лионском соборе Папа Иннокентий IV. Сын Ярослава, Александр Невский, достиг большего, заключив с ханом Берке оборонительный союз. Крестовый поход на Русь не состоялся. Так Русская земля вошла в состав улуса Джучиева, не потеряв автономии и без ущерба для культуры, унаследованной от Византии»⁴⁴.

Построения Л. Н. Гумилева весьма спорны. Характер отношений между Русью и Ордой в XIII в. определяли все же не побежденные, а победители. Кроме того, Русь доказала свою способность без чужой помощи остановить натиск «римлян» в битвах на Неве, Чудском озере и под Ярославлем в 1245 г.

Впрочем, здесь уместно будет вспомнить суждение академика Д. С. Лихачева в предисловии к книге Гумилева: «Спорить с Л. Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л. Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно принимать или не принимать как целое»⁴⁵.

В 1254 г. вспыхнул конфликт между Александром и его младшим братом Ярославом. О причинах ссоры летописи не сообщают. Тверской князь с боярами бежал в новгородские земли. Поначалу он обосновался в Ладоге, затем перебрался во Псков. В следующем году новгородцы изгнали сидевшего у них на княжении сына Александра — отрока Василия, а на его место приняли Ярослава.

События приобретали весьма опасный для Александра оборот. Признание в Новгороде было для него не только вопросом престижа. Оно давало и весьма ощутимые материальные блага. Помимо содержания, которое получал князь от новгородского правительства, он имел здесь и иные статьи дохода: судебные пошлины, всякого рода дары и подношения от бояр. Наконец, князь через своих доверенных лиц, вероятно, принимал участие в торговле на Балтике и в различных лесных промыслах на новгородском Севере.

Потеряв новгородский «стол», Александр лишился бы и значительной части своих доходов. А между тем именно деньги — как в чистом виде («серебро»), так и в виде пушнины или иных ценных в Орде товаров — решали судьбу князя в ханской ставке. Хан, его жены и дети, его приближенные — все ожидали и даже требовали от русского князя щедрых подарков. Скупость здесь была губительна: ярлык на княжение получал лишь тот, кто мог щедро заплатить за него.

Все это и заставило Александра, узнав о новгородской «измене», немедленно взяться за меч. Как всегда, он действовал стремительно и напористо. Вместе с сыном Василием и двоюродным братом Дмитрием Святославичем Александр занял Торжок — южные ворота новгородской земли. Вскоре он уже стоял у стен самого Новгорода.

Ярослав не решился выступить против брата и бежал из города. Ожесточенная борьба боярских кланов, в которой приняли участие и рядовые новгородцы, завершилась победой сторонников Александра. Новгород без боя открыл ворота перед ним, вновь признал его власть.

Между тем события в Орде — смерть Батия, приход к власти Сартака — заставили Александра покинуть Новгород. Он должен был ехать вместе с другими князьями на поклон к новому хану. Но именно в этот момент он получил тревожные вести, которые заставили князя вновь вернуться на берега Волхова.

Весной 1256 г. шведские корабли вошли в устье реки Нарвы, отделявшей новгородские земли от датских владений на севере Эстонии. Вторжение шведов было поддержано войском крупнейшего феодала Северо-Восточной Эстонии Дитриха фон Кивеля. Главной целью похода был захват новгородских земель и постройка крепости в устье реки Нарвы. В случае успеха этого замысла пути русской балтийской торговли оказывались под угрозой.

Новгородское правительство спешно собрало ополчение и направило его к Нарве. Александр с дружиной выступил из Владимира на помощь новгородцам. В Орду он отправил лишь щедрые дары и грамоты с извинениями за свое вынужденное отсутствие.

Новое шведское вторжение закончилось столь же бесславно, как

и поход 1240 г. На сей раз дело даже не дошло до битвы. Узнав о приближении новгородского войска и выступлении в поход великого князя владимирского, шведы вместе с отрядом Дитриха фон Кивеля спешно покинули Русскую землю. Недостроенная крепость на правом, новгородском берегу Нарвы была брошена на произвол судьбы.

Весть о бегстве шведов, конечно, обрадовала Александра. Однако он понимал, что должен вернуться во Владимир с каким-то военным успехом. Иначе ему трудно будет оправдать свой отказ от поездки в Орду. К тому же и войско, собранное для войны со шведами, рвалось в бой.

И тогда Александр задумал смелый набег на территорию современной Юго-Восточной Финляндии, в землю финского племени тавастов (еми). Еще в 1227 г. отец Александра Ярослав утвердил в землях еми русское влияние. Однако в конце 40-х гг. XIII вв. шведы подчинили себе эти края.

Поход в землю еми с военной точки зрения был задуман и осуществлен блестяще. Вновь главным условием успеха Александр поставил внезапность, стремительность и скрытность передвижения. Во главе суздальско-новгородского войска он выступил из Новгорода к погосту Копорье на берегу Финского залива. Казалось, князь готовится нанести ответный удар по датским владениям в Северо-Восточной Эстонии. Однако из Копорья Александр повернул совсем в другую сторону — на север. По льду Финского залива русские перешли на Карельский перешеек и двинулись по заснеженным лесам — несомненно, на лыжах — в землю еми.

Зимний поход оказался настолько тяжелым, что часть воинов Александра — в первую очередь новгородцы — отказались следовать за ним и из Копорья повернули обратно. Но оставшиеся достигли цели. Шведские гарнизоны в земле еми были застигнуты врасплох и уничтожены. Те, кто ускользнул от русских, были схвачены самим местным населением. Со славой и трофеями Александр возвратился в Новгород. Теперь князь имел средства почтить нового хана и оправдать свое отсутствие на торжествах по случаю его прихода к власти. Оставив в Новгороде своего сына Василия, он вернулся во Владимир, а оттуда в 1257 г. отбыл, наконец, в Орду.

Зимний поход Александра на емь имел не только военное, но и политическое значение. Он наглядно показал шведским правителям, что русские способны совершать неожиданные, глубокие рейды в центральные районы Финляндии, выходя к Ботническому заливу. Для укрепления шведского владычества в этом крае требовались крупные силы. Завоевание Карелии становилось явно нереальным. Поход научил шведов осторожности: вплоть до начала 90-х гг. XIII в. они не пытались вновь испытывать прочность русских рубежей.

Вся жизнь Невского прошла в постоянном движении. От природы наделенный кипучей энергией, он не знал ни минуты покоя. Едва успевал он управиться с одним делом, как тут же принимался за другое. Судьба словно испытывала Александра, бросая с севера на юг и с запада на восток. После трескучих морозов финских лесов его ожидал палящий зной выгоревших от солнца степей Ниж-

ней Волги. Летом 1257 г. Александр вместе с братом Андреем и ростовским князем Борисом Васильковичем отправился на поклон к малолетнему сыну Сартака Улавчию, от имени которого правил Ордой младший брат Батыя Берке⁴⁶.

Князья вернулись на Русь с тревожной вестью: «поганные» задумали провести перепись всего населения страны, определить точные размеры дани.

Великий хан Менгу (1251—1259) решил пресечь злоупотребления в финансовых делах, а также упорядочить призыв в монгольскую имперскую армию воинов из покоренных народов. С этой целью в 1250-е гг. была проведена перепись населения «улуса Джучи». Все взрослое мужское население было разделено на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумены), что позволяло в случае необходимости быстро провести полную или частичную мобилизацию.

В Южных районах (Северный Кавказ) перепись началась в 1254 г. Однако из-за недостатка опытных в этом деле людей, глухого сопротивления местного населения и смены ханов в Сарае дело затянулось. Лишь в 1259 г. удалось провести перепись на Крайнем Севере «улуса Джучи» — в новгородской земле.

Хан Менгу внимательно следил за ходом переписи в русских землях. В 1253 г. он поручил руководство этим делом некоему Бицик-Берке — своему доверенному лицу. Позднее, в 1257 г., хан назначил верховным сборщиком налогов на Руси своего родственника Китата⁴⁷.

Русским людям татарская перепись казалась не только унижением, но и религиозным преступлением, вероотступничеством. Страна вскипела возмущением. Поэтому ордынские чиновники проводили перепись при содействии самих русских князей, и в первую очередь великого князя владимирского. Вот как рассказывает об этих событиях летописец: «В лето 1257 зимою приехали татарские численники и пересчитали всю землю суздальскую, и рязанскую, и муромскую, и поставили десятников, сотников, тысячников и темников, и поехали в Орду. Не пересчитали только игуменов, и чернецов, и попов, и клирошан тех, кто зрит на Святую Богородицу»⁴⁸.

Но если в Северо-Восточной Руси Александру удалось провести перепись без особых осложнений и конфликтов, то совсем иначе сложилась обстановка в новгородской земле. Здесь не испытали татарского погрома, не видели воочию страшной лавины с воем несущейся вперед ордынской конницы. И потому новгородцев куда труднее было заставить принять у себя ханских чиновников-переписчиков.

«В лето 1257 пришла в Новгород весть из Руси злая, что хотят татары тамги и десятины от Новгорода. И волновались люди все лето. А зимой новгородцы убили Михалка-посадника. Если бы кто сделал другому добро, то добро бы и было, а кто копает под другим яму, сам в нее ввалится.

В ту же зиму приехали послы татарские с Александром и начали послы просить десятины и тамги. И не согласились на то новгородцы, но дали дары для царя Батыя и отпустили послов с миром»⁴⁹.

Понимая, что строптивость новгородцев может вызвать ханский гнев и новое нашествие на Русь, Александр в 1258 г. вновь отправил-

ся в Орду. Вместе с ним поехали к Улавчию братья — Андрей и Ярослав — и князь Борис Ростовский.

Но как ни щедры были русские князья на дары и лесть ханским вельможам, решение великого хана о проведении переписи по всей Руси оставалось в силе. Князья только-только вернулись из Орды, а вслед за ними пожаловали во Владимир и ханские «численники» для переписи новгородской земли.

Александр знал, что на сей раз именно он — как великий князь владимирский — непременно должен заставить новгородцев смириться с переписью. В то же время князь не хотел доводить дело до вооруженного столкновения с новгородцами, проливать русскую кровь. Да и мог ли он навести татарскую рать на Новгород — город, с которым связана была вся его жизнь?

Задача, стоявшая пред Александром как полководцем и политиком, была крайне сложной: гордые новгородцы поклялись скорее умереть, чем признать над собой власть «поганных». Казалось, ничто не может подорвать их решимость. Однако князь хорошо знал этих людей — столь же храбрых, сколь и легкомысленных, впечатлительных. Скорые на слово, новгородцы были по-крестьянски неторопливы на дело. К тому же их решимость сражаться отнюдь не была единодушной. «Вятские люди» — бояре, купцы, зажиточные ремесленники — хотя и не решались открыто призывать к благоразумию, но в душе готовы были откупиться от татар.

В начавшейся бескровной или, выражаясь современным языком, «психологической» войне с новгородцами Александр решил прибегнуть к средству, которое точнее всего было бы в данном случае определить как военную хитрость. В Новгород был послан некий Михайло Пинешинич — новгородец, преданный Александру. Он уверил земляков, будто на них уже послано татарское войско. Оно стоит во владимирской земле и в любой момент готово двинуться на Новгород.

Это известие произвело на новгородцев очень сильное впечатление. Перед лицом страшной опасности они дрогнули, вновь обрели здравый смысл и согласились принять татарских «численников».

Зная изменчивость настроений новгородцев, Александр поспешил закрепить достигнутый успех. Он не только сам прибыл в Новгород вместе с «численниками», но и привел с собой сильнейших князей Северо-Восточной Руси — своих братьев Андрея Суздальского и Ярослава Тверского, а также Бориса Ростовского. Все они, разумеется, явились на берега Волхова в сопровождении многочисленных дружин. Обо всем этом, а также о завершении переписи лаконично и выразительно повествует новгородский летописец.

В лето 1259 зимою приехал с Низа (т.е. из владимирской земли. — *Н. Б.*) Михайло Пинешинич со лживым посольством, говоря так: «Соглашайтесь на число, не то полки татарские уже на Низовской земле». И согласились новгородцы на число. В ту же зиму приехали окаянные татары сыроядцы Беркай и Касачик с женами своими и иных много. И был мятеж велик в Новгороде. И по волости много зла учинили, когда брали тамгу окаянными татарам. И стали окаянные бояться смерти и сказали Александру: «Дай нам

сторожей, чтобы не перебили нас». И повелел князь сыну посадникову и всем детям боярским стеречь их по ночам.

И говорили татары: «Дайте нам число, или мы уйдем прочь». Чернь не хотела дать числа, но сказала: «Умрем честно за Святую Софию, за дома ангельские».

Тогда раздвоились люди: кто добрый, тот стоял за Святую Софию и за православную веру. И пошли вятские против меньших на вече и велели им согласиться на число. Окаянные татары придумали злое дело, как ударить на город — одним на ту сторону, а другим — озером на эту. Но возбранила им, видимо, сила Христова и не посмели.

Испугавшись, новгородцы стали переправляться на одну сторону к Святой Софии, говоря: «Положим головы свои у Святой Софии».

А наутро съехал князь с Городища, и окаянные татары с ним. И по совету злых согласились новгородцы на число, ибо делали бояре себе легко, а меньшим зло. И начали ездить окаянные татары по улицам и переписывать дома христианские. Взяв число, уехали окаянные, а князь Александр поехал после, посадив сына своего Дмитрия на столе⁵⁰.

Летописец явно сочувствует тем, кто готов был положить голову за честь «Господина Великого Новгорода». Действительно, настроения новгородцев не могут не вызывать сочувствия. Но значит ли это, что Александр Невский действовал в данном случае вопреки интересам Руси? Отнюдь нет. Князь «любил» ордынцев не более, чем восставшие против «численников» горожане. Но он был правитель — и потому не мог поступать как все. Гордость и мужество — эти коренные свойства натуры Александра — толкали его на путь мятежа. Однако, став кормчим Руси, он потерял право быть самим собой.

«...Добродетели государя, противные силе, безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели», — заметил Карамзин⁵¹. В этом суждении историка открывается вечное, непримиримое противоречие власти и совести, правды земной и правды небесной. Вся религиозно-этическая мысль Древней Руси вращалась вокруг этого печального парадокса. И даже такой человек дела, как Александр, не мог не думать о нем. Случайно ли, что жизнь свою он окончил монахом? То было явное, хотя и запоздалое, покаяние...

Заставляя новгородцев согласиться на уплату ордынской дани, Александр тем самым спасал новгородскую землю от погрома, подобного тому, что испытала Северо-Восточная Русь в 1237—1238 и 1252 гг. Для достижения этой благородной цели князь привлек весь свой опыт обхождения с новгородцами. Он использовал самые различные приемы воздействия на боевой дух противника — впечатляющие демонстрации военной силы, распускание панических слухов, разжигание внутренних противоречий и привлечение на свою сторону влиятельных лиц из вражеского стана. Вероятно, не обошлось и без тайной дипломатии — подкупа, посулов, интриг. Все шло в ход для умиротворения мятущегося города.

И наконец Александр одержал победу — быть может, не менее трудную, чем победа над шведами или немцами. Новгород принял на себя ордынскую дань и выплачивал ее вместе с другими русскими землями вплоть до освобождения страны от чужеземного ига.

Летописец с возмущением отмечает, что новгородские бояре, перешедшие на сторону князя, постарались переложить основную тяжесть ордынской дани на плечи «меньших», т.е. простонародья. Князю пришлось закрыть глаза на эту несправедливость: мог ли он в критическую минуту выступить против своих союзников-бояр? Да и по самому своему положению Александр, конечно, был ближе к новгородской знати, «вятшим», нежели к «меньшим». Он, вероятно, и не представлял мир иначе, как разделенным на «больших» и «меньших», богатых и бедных. Таким создал мир Всевышний. И могут ли люди усомниться в мудрости Его замысла?

Здесь мы предлагаем читателю отвлечься на время от внешних событий биографии Александра Невского и попытаться увидеть его живым человеком, понять его отношение к происходившим событиям.

* * *

Как часто историкам приходится сожалеть о том, что вещи не могут видеть, слышать, помнить и говорить! Многое могла бы рассказать об Александре Невском знаменитая икона Федоровской Богоматери. Согласно церковному преданию, она была его любимой молельной иконой. Ей доверял он самые сокровенные свои радости и горести. Удивительна судьба этого древнего образа. Кажется, это единственная из великих русских чудотворных икон, оставшаяся в распоряжении верующих. Ее «сродницы» — Владимирская, Казанская, Смоленская, Тихвинская, Курская, Толгская — сгнули в недавнее лихолетье или стали украшением музейных витрин. И лишь одна Федоровская, почерневшая от времени и неудачных «реставраций», и доныне посылает луч надежды молящимся ей в старинной Костромской церкви Воскресения на Дебре.

Но вещи — даже столь одухотворенные, как эта! — обречены на вечную немоту. Погруженная в золотистое сияние свечей и лампад Федоровская по-прежнему остается таинственно безмолвной. В ее пугающей черноте словно сквозит непроглядный мрак минувшего...

Как понимал Александр окружающий мир и свое место среди людей? В чем видел он свое призвание? Дошедшие до нас письменные источники той эпохи не позволяют дать сколько-нибудь детальный ответ на эти вопросы. Однако некоторые черты все же угадываются. О многом говорит, например, засвидетельствованная летописями близость Александра с митрополитом Кириллом (1246—1280).

В истории Русской церкви Кирилл занимает особое место. Со времен Крещения Руси Константинопольский Патриарх избирал кандидатов на кафедру киевских митрополитов только из числа своих придворных клириков, греков по происхождению. Византийцы очень ценили эту привилегию и не утверждали на митрополию тех кандидатов (русских по происхождению), которых выдвигали русские князья.

Кирилл стал первым русским, утвержденным Константинопольским Патриархом на киевской митрополии. Его успех был обусловлен целым рядом обстоятельств политического характера — поддержкой могущественного князя Даниила Галицкого, бедственным положением самого Патриарха, вынужденного пересечь из

захваченного «латинянами» Константинополя в провинциальную Никею, а также установлением монгольского владычества на Руси. Однако не последнюю роль в решении Патриарха сыграли, по-видимому, и личные качества Кирилла. Это был человек широко образованный, умный, способный энергично отстаивать интересы православия в эту тяжелую для него пору.

По убедительному предположению исследователей древнерусской литературы, именно митрополит Кирилл был заказчиком «Жития Александра Невского»⁵². Его представления о заслугах князя и значении его деятельности определили идейную направленность произведения.

В церковной традиции Александр Невский предстает прежде всего как борец за веру. В соответствии с Божьим промыслом весь жизненный путь князя определялся одной целью — защитой русского православия от угрозы со стороны католичества. Для русского человека той эпохи идея «латинской угрозы» отнюдь не была книжной, умозрительной. Напротив, она явно «носила» в воздухе». Не забудем, что весь XIII в. прошел под знаком военно-политического наступления «латинян». Утратив Иерусалим в 1187 г., потеряв надежду завоевать Святую землю, крестоносцы стали искать более легкую добычу на окраинах Европы и в Северной Африке.

В 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь. На Руси все понимали, что совершилось историческое событие — одно из тех, в которых приоткрывается таинственный Божий промысел о всем человечестве. Многие русские летописи включили в свой текст обширную «Повесть о взятии Царьграда». Ее автор — безымянный русский путешественник, очевидец событий — заканчивает свое произведение горькими словами, звучащими как предупреждение соотечественникам: «Вот так и погибло царство богохранимого города Константинова и земля Греческая из-за распрей цесарей, и владеют землей той фряги»⁵³.

Если на юге натиск крестоносцев был остановлен уже в 1205 г., когда болгарский царь Калоян нанес им тяжелое поражение в битве под Адрианополем, то на севере решить эту задачу оказалось значительно сложнее. «Латиняне» — шведы и немцы — сумели подчинить себе обширные территории, населенные преимущественно «язычниками», а затем вторглись на территорию православной Руси. Лишь победы Александра Невского в 40-е и 50-е гг. XIII в. остановили «латинян». В сознании современников, да и его самого, они неизбежно должны были иметь не только военное, но и религиозное значение.

Правильно понять значение, которое придавали современники Александра Невского «латинской» теме, можно лишь учитывая и то, что во второй половине XIII в. католические миссионеры активно действовали и на территории собственно Орды. В начале XIV в. здесь существовало 12 францисканских монастырей.

Составлением жития и прославлением Александра как святого митрополит Кирилл не только чтит память своего друга и единомышленника. Всем этим он как бы призывал и других князей следовать примеру Александра — хранить святую веру и в награду получить по кончине венец святости.

В то время как борьба с наступлением «римлян» поощрялась церковью как дело необходимое и «богоугодное», любое восстание против власти Орды рассматривалось ею как «богоборчество». Такая позиция церкви определялась многими причинами. Вероятно, определенную роль сыграло то, что монголо-татары во всех завоеванных ими странах — в том числе и на Руси — освобождали священнослужителей от податей и повинностей. Таков был завет самого Потрясателя Вселенной — прозорливого Чингисхана.

И все же основные причины «примиренческого» отношения Русской церкви к монголо-татарам отнюдь не в этом. Было бы неверно думать, что наше духовенство «продалось» чужеземцам и за дарованные ему льготы верой и правдой служило «поганым», призывая народ к покорности.

В действительности позиция церкви объяснялась прежде всего самой реальностью тогдашней Руси. Призыв к восстанию против власти Орды в тех условиях был равносильен призыву к массовому самоубийству. Иное дело — борьба против «римлян». Жизнь показала, что остановить и разгромить этого врага вполне возможно. Необходимо лишь единомыслие князей, всеобщее единение во имя «святого дела».

Борьба против Орды не только в практическом, но и в «теоретическом» плане означала нечто совсем иное, чем борьба с «римлянами». Крестоносцев послал на Русь и другие православные страны не Бог, а человек — римский первосвященник, возмнивший себя «земным богом». Сражаясь с ними, русские могли надеяться на поддержку Небесных сил. Для людей той эпохи даже надежда на это значила немало.

Совершенно иначе понимали тогда владычество Орды. Нашествие неведомых, живущих «на краю земли» народов неоднократно описано в Библии. Ветхозаветные пророки Исайя, Иеремия, Иезекииль говорили об этом так, словно они были очевидцами батыевщины. Не менее яркие описания нашествия и чужеземного ига давала и самая популярная из ветхозаветных книг — Псалтирь: «Боже! язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, Иерусалим превратили в развалины; трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела святых Твоих — зверям земным; пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их. Мы сделались посмешищем у соседей наших, поруганием и посрамлением у окружающих нас. Доколе, Господи, будешь гневаться непрестанно, будет пылать ревность Твоя, как огонь?» (Псалтирь, 78, 1—5).

Согласно христианским представлениям о мире, Библия служит как бы ключом, с помощью которого открывается сокровенный смысл любого события в истории человечества. Происходящее сегодня — лишь очередное повторение «прообраза» — того или иного события, описанного в Библии. Следуя этой системе познания, всякий христианин понимал нашествие и владычество над Русью «злейшего из народов» как проявление гнева Божьего.

Монголо-татары явились «от края земли» не сами собой, не по воле своих предводителей. Их привел Бог. Они — бич в руках Всевышнего. И потому бороться с ними так же безумно, как бороться с Самим Богом.

Избавить Русь от ига «иноплеменников» может только Тот, Кто привел их, — Сам Всевышний. Но Он сменит гнев на милость лишь тогда, когда люди перестанут нарушать Его заповеди. Только

возвратившись на путь добродетели, можно заслужить избавление от вездесущего гнева Божьего.

Так по-разному смотрела церковь на действия западных и восточных врагов Руси. Этот взгляд запечатлен во всех без исключения летописях той поры, во многих литературных памятниках. И если ее взгляд на Запад особенно ярко выразился в «Житии Александра Невского», то взгляд на Восток наиболее отчетливо и полно изложил современник Александра Невского Владимирский епископ Серапион — один из самых известных проповедников Средневековой Руси. Вот небольшое извлечение из проповедей Серапиона: «Страшно, дети, подпасть под Божий гнев. Почему не думаем, что постигнет нас, в такой жизни пребывающих? Чего не навлекли на себя? Какой казни от Бога не восприняли? Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупem на землю? Не уведены ли женщины наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уж к сорока годам приближаются страдания, и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и власть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сущат нам кости. Кто же до этого нас довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша! Молю вас, братья, каждого из вас: вникните в помыслы ваши, узрите очами сердца дела ваши, — возненавидьте их и отриньте, к покаянию придите. Гнев Божий престанет, и милость Господня изольется на нас, и все мы в радости пребудем на нашей земле...»⁵⁴

Умиротворив новгородцев, Александр вскоре покинул берега Волхова, оставив здесь вместо себя сына — Дмитрия. 12 марта 1260 г. он уже въезжал в Ростов, где был торжественно встречен местными князьями Борисом и Глебом.

Ткань повествования летописца сплетена главным образом из черных и красных нитей. В 1260 и 1261 гг. не было ни больших войн, ни вестей о кончине кого-либо из тех, чье существование привлекает внимание многих. И потому некоторые летописи в эти годы ограничивались одной лишь традиционной фразой — «бысть тишина».

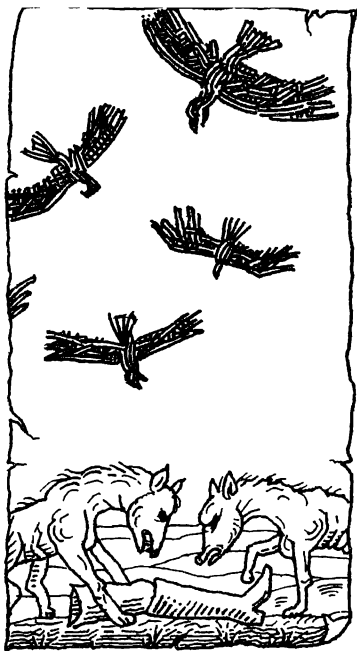
Впрочем, события, конечно, происходили и в эти годы. Но они были мирными и, с точки зрения летописца, довольно заурядными. Ростовский владыка Кирилл по старости и немощи покинул кафедру. На его место был назначен новый иерарх — Игнатий.

В столице Орды — городе Сарае, располагавшемся в низовьях Волги, — в 1261 г. была открыта православная епархия. Отныне русские люди, волей или неволей оказавшиеся в Орде, имели своего архипастыря, духовного главу.

В семье великого князя Александра в 1261 г. родился еще один сын — Даниил, будущий основатель династии московских князей.

Казалось, жизнь вошла в мирную колею и ничто не предвещает новых потрясений. Однако Александр понимал: это была тревожная, предгрозовая тишина...

В 1262 г. одновременно в нескольких городах Северо-Восточной Руси полыхнуло народное восстание против чужеземного владычества. Вот как рассказывает об этом летописец. «В лето 1262 избавил Бог людей Ростовской земли от лютого томления басурманского и

вложил ярость в сердца христианам, не могли дольше терпеть насилия поганых. И созвонили вече, и выгнали басурман из Ростова, из Владимира, из Суздалья и из Ярославля. Ибо те басурмане откупали дань у татар и оттого творили людям великую пагубу. Люди христианские попадали в рабство в резах (т.е. за неуплату процентов от суммы долга. — *Н. Б.*). И басурмане уводили многие души христианские в разные земли.

В то же лето убили Зосиму, преступника. То был монах образом, но сосуд сатаны, пьяница и сквернослов. Он отрекся от Христа и стал басурманином, вступив в прелесть ложного пророка Магомета. В то лето приехал на Русь злой басурманин Титян от царя татарского именем Кутлубей. По его наущению окаянный Зосима творил христианам великую досаду, ругался над крестом и святыми церквями.

Когда же люди по городам распалились гневом на своих врагов и восстали на басурман, изгнали их из города, а других убили, тогда и Зосиму, этого скверного беззаконника, законопреступника и еретика, убили в городе Ярославле. Тело его стало пищей псам и воронам, и ноги его, быстрые на все злое, псы влчили по городу, всем людям на удивление»⁵⁵.

Какова была роль князя Александра в этих событиях? На этот вопрос можно ответить лишь предположительно. По-видимому, следует принять мнение некоторых историков о том, что выступление было направлено против чиновников великого хана⁵⁶. В Монголии в это время была в полном разгаре война между новым правителем империи ханом Хубилаем и его братом Ариг-Бугой. Занятый борьбой с мятежником, а также дальнейшим покорением Китая, Хубилай мало внимания уделял далекому «улусу Джучи».

Правитель этого улуса хан Берке именно в эти годы был крайне заинтересован в том, чтобы избавиться от чиновников, присланных из Монголии. В связи с подготовкой к войне против Хулагу он нуждался в деньгах и не хотел ни с кем делиться русской данью. Однако хану удобнее было избавиться от имперских чиновников не прямо, личным повелением, а с помощью русских. При таком повороте событий он всегда мог оправдаться перед великим ханом, свалив всю вину за мятеж на русских князей. Вероятно, Берке дал понять князю Александру, что не будет гневаться на изгнание из русских земель доверенных лиц великого хана.

В источниках есть сведения, что Александр и другие русские князья участвовали в подготовке мятежа⁵⁷. Однако большинство летописцев изображают восстание как случившийся по воле Божьей внезапный взрыв народного негодования. Но уже то, что выступле-

ние произошло одновременно в нескольких городах, заставляет задуматься. Примечательно и то, что, по свидетельству летописца, «бесермен» выгнали из городов, но, по-видимому, сохранили им жизнь, предав казни лишь таких русских изменников, как бывший монах Зосима. Такая умеренность разъяренной толпы по части расправы с «бесерменами» возможна была лишь в том случае, если власти держали под контролем весь ход событий.

Участие русских князей в восстании 1262 г. — не более чем гипотеза. Однако и при таком понимании событий поездка Александра Невского в Орду в 1262—1263 гг. имела огромное значение и для всей Руси, и для него самого. На этот раз, как и предполагал Невский, хан потребовал прислать русских воинов для участия в походе на Иран. Об этом важном обстоятельстве кратко сообщает автор «Жития Александра Невского»: «Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды»⁵⁸.

Князь стремился любой ценой уберечь русских воинов от принудительной мобилизации. Желая задобрить хана богатыми дарами и одновременно показать, что русским и так хватает забот по охране западных границ «улуса», Александр осенью 1262 г. отправил свои полки под началом сына Дмитрия в поход на «Западные страны». Направление этого похода было вполне обычное — в Ливонию, на Дерпт (Юрьев). Русским на этот раз удалось взять город внезапной атакой. Местная знать спаслась, укрывшись в цитадели. С богатой добычей русские вернулись в Новгород. На общерусский характер похода указывает весьма широкий состав его участников. Кроме воинов Александра и его сына Дмитрия, на Дерпт ходил брат Александра Ярослав Тверской, его зять Константин Ростиславич, полоцкий князь Товтивил, а также многочисленное новгородское ополчение. В походе принимали участие и несколько сотен литовских воинов.

Источники не сохранили сведений о том, как прошла встреча Александра с ханом Берке осенью 1262 г., о чем они говорили в золоченой юрте повелителя «всех, кто живет за войлочными стенами». Единственной живой деталью, имеющей отношение к этому сюжету, может служить словесный портрет Берке, сделанный около 1266 г. одним очевидцем:

В это время царю Берке было от роду 56 лет. Описание его: жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в одном ухе золотое кольцо с ценным семиугольным камнем; на нем (Берке) шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом⁵⁹.

Можно полагать, что хан Берке не благоволил к Александру. Он помнил, что князь получил высшую власть на Руси по воле Батыя и его сына Сартака. Обоих уже не было на свете, однако Берке — как и любой правитель — предпочитал людей, обязанных своим возвышением лично ему.

Была и еще одна причина, заставлявшая хана косо смотреть на русского князя. Если Батый придерживался «черной веры» отцов, молился Вечному Небу и был безразличен по отношению к остальным религиям настолько, что даже не препятствовал своему сыну Сартаку исповедовать несторианство — одно из неортодоксальных течений христианства, то Берке всем остальным религиям предпочитал ислам. Он всячески покровительствовал мусульманским священнослужителям, почитал их как своих учителей. Помимо чисто политических расчетов, трудно было найти что-либо общее между ханом Берке и Александром Невским. Русские летописи сообщают, что Берке вообще не был милостив к Руси. Лишь с его кончиной ослабло на время «насилие бесерменское».

Однако, как ни зол и упрям был Берке, князь сумел-таки добиться своего. Хан отказался от идеи провести набор русских воинов в свою армию, готовившуюся выступить против Хулагу.

И все же «царь Беркай», как называли Берке русские летописцы, по-видимому, очень недоверчиво относился к Александру. Он задержал князя в своей ставке почти на год. Лишь осенью следующего, 1263 года князю было позволено вернуться на Русь. Вероятно, это произошло лишь после того, как на Кавказе Берке одержал победу над Хулагу и отбросил его войска за реку Куру. Известно, что эта битва произошла в 1263 г.

Вероятно, Александр, как и другие правители подвластных Орде земель, сопровождал Берке в походе на Хулагу. На Русь он возвращался в самое неблагоприятное для путешествий время — поздней осенью, когда грунтовые дороги тонули в непролазной грязи, а по рекам вот-вот готов был двинуться лед. Князь спешил домой и потому не жалел выбившихся из сил лошадей и людей. Наконец в начале ноября 1263 г. маленький отряд достиг Нижнего Новгорода.

Этот восточный форпост Владимирской Руси был основан в 1221 г. дядей Александра, великим князем Юрием Всеволодовичем. Небольшая бревенчатая крепость на Синичих горах, у впадения Оки в Волгу, гордо смотрела в хмурую заволжскую даль. Точно свечи, тянулись вверх нижегородские белокаменные храмы Спаса и Михаила Архангела. В их затейливой резьбе Александр с радостью узнавал знакомые владимирские мотивы: выющиеся ветви лозы — символ бессмертия христианского учения; грозных львов, готовых вступить в бой с силами зла; сказочных птиц и невиданных чудовищ. Возможно, был здесь и Александр Македонский, изображения которого встречаются в резьбе владимирских храмов.

Только здесь, на Руси, Александр в полной мере почувствовал усталость. Успех поездки к хану был достигнут не только благодаря золоту, серебру и собольему меху. Другой, неисчислимой ценой было невероятное напряжение всех душевных и телесных сил. Оно не могло пройти бесследно даже для такого крепкого, ко всему привычного человека, как Александр.

В Нижнем Новгороде князь ощутил в себе первые признаки недомога. Однако он не мог позволить себе отдохнуть, отлежаться в жарко натопленных покоях великокняжеского подворья. Заботы

власти гнали его вперед. За время его отсутствия накопилось множество неотложных дел. Привыкнув полагаться на свое богатырское здоровье и на милость Божию, Александр приказал собираться в путь. Через несколько дней он был уже в Городце — небольшой крепости на левом берегу Волги, верстах в 60 выше Нижнего Новгорода.

Куда спешил он в эти последние дни своей беспокойной жизни? Отчего не поехал из Нижнего во Владимир торной дорогой — вдоль Оки и Клязьмы? Уж не в Новгород ли за новой славой и новыми дарами для ненасытной Орды торопился князь? Кто знает...

А между тем дни его были уже сочтены. В Городце болезнь князя усилилась. Он уже не мог двигаться. Вскоре стало ясно: сама смерть стояла у изголовья неевского героя.

Многие тогда обратили внимание на странное повторение судьбы деда, отца и сына. Мстислав Удалой и Ярослав Всеволодович также умерли в пути. Несомненно, в этом была примета времени: редкий из князей того беспокойного века умирал дома, в своей постели. Перед кончиной Александр захотел принять великую схиму — самый полный вид монашеского пострижения.

Разумеется, пострижение умирающего — да еще в высшую монашескую степень! — противоречило самой идее иночества⁶⁰. Однако для Александра было сделано исключение. Позднее, следуя, его примеру, многие русские князья перед кончиной принимали схиму. Это стало своего рода обычаем. Для самого Александра примером, вероятно, и здесь послужил его дед: Мстислав Удалой перед смертью также принял схиму⁶¹.

14 ноября 1263 г. Александр скончался. Весть о его кончине разнеслась мгновенно. Скорбь была всеобщей и неподдельной. Новгородский летописец сопроводил сообщение о смерти Александра несколькими прочувствованными словами: «Дай, Господи милосердный, видеть ему лицо Твое в будущий век со всеми угодниками, так же отдававшими жизнь свою за Новгород и за всю Русскую землю»⁶².

Тело умершего князя понесли во Владимир. За несколько верст от города, в Боголюбове, его встретил народ и все местное духовенство во главе с митрополитом Кириллом. На отпевании Кирилл, обращаясь к собравшимся, сказал: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли суздальской!»⁶³

24 ноября тело Александра было предано земле в соборе Владимирского Рождественского монастыря. Обычно великих князей владимирских хоронили в кафедральном Успенском соборе. Однако здесь был особый случай: князь, став монахом, по-видимому, пожелал быть погребенным в монастыре. Вероятно, и сам постриг Александра в великую схиму совершил кто-то из клириков Рождественского монастыря — главного монастыря стольного Владимира.

Князю Александру суждено было обрести вторую, посмертную жизнь. Его имя стало символом боевой доблести. Окружавший князя ореол святости, созданный митрополитом Кириллом, позволял ждать от Невского и Небесного заступничества. Там, где люди истово просили чуда, — оно непременно случалось. Князь-святый вставал из гробницы и ободрял соотечественников накануне Куликовской битвы

и во время страшного набега крымских татар в 1571 г. В 1547 г. он был включен в число святых, память которых отмечалась во всех без исключения храмах Русской церкви.

Особенно часто вспоминали об Александре Невском тогда, когда шла война со шведами или немцами. Петр Великий, более 20 лет воевавший со Швецией, посвятил Александру Невскому главный монастырь новой столицы России и в 1724 г. перенес туда его святые мощи. В XIX в. три русских царя носили имя Александр и считали Невского своим небесным покровителем. Образ князя стал своего рода сакральным знаком Российской империи. Ему посвящали храмы, строившиеся там, где поднимался русский флаг и торжествовало русское оружие. В XX столетии две великие войны с Германией вновь вызвали грозную тень Александра Невского.

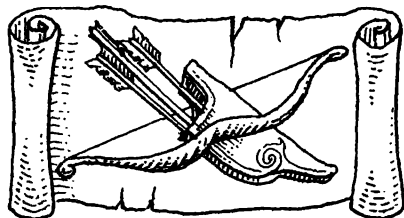
Почти утратив реальные черты, Александр превратился в своего рода историко-патриотическую икону. Историков, робко пытавшихся напомнить о здравом смысле, никто не желал слушать. Однако любая крайность с неизбежностью порождает другую, противоположную крайность. Создавая кумиров, люди со временем испытывают острую потребность их разрушать. По мере преодоления доверчивого идолопоклонства как формы усвоения исторических знаний все чаще будут появляться желающие «развенчать» Александра Невского. Что ж, каждый волен по-своему понимать то, о чем умалчивают источники...

И все же не следует забывать, что в истории нашей страны существуют как бы два Александра Невских: умерший поздней осенью 1263 г. в Городце на Волге усталый, измученный болезнью человек — и отброшенная им в будущее огромная тень. Человек этот был, конечно, не безгрешным, но при этом и отнюдь не худшим сыном своего жестокого века. Завершая рассказ о нем, нам хотелось бы предложить читателю три положения, в истинности которых едва ли можно усомниться:

— это был полководец, успехи которого стали результатом соединения богатого военного опыта, накопленного его предками, с выдающимися личными бойцовскими качествами;

— это был далекий от сентиментальности политический деятель средневекового типа;

— это был правитель, в тяжелейшее время обеспечивший своей стране десять лет мирной жизни.

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших.

Владимир Мономах

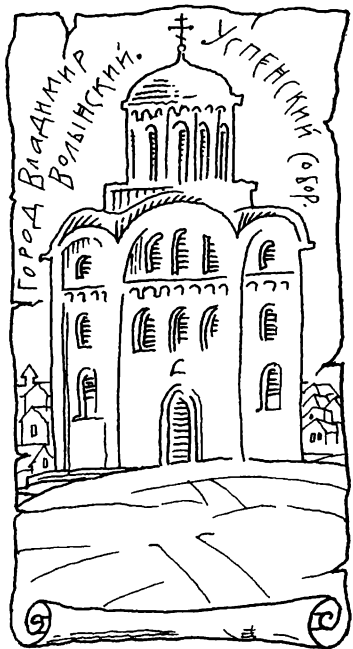
елику мятежу воставшу в земле Руской...» — такими словами безымянный южнорусский летописец XIII столетия начал рассказ о жизни и подвигах князя Даниила Галицкого. И хотя «мятеж», о котором он говорит, вспыхнул в 1206 г., когда Даниил имел лишь четыре года отроду и был пока лишь игрушкой в чужих руках, но до седых волос, до самой своей кончины в 1264 г. этот человек оставался вечным мятежником, не желавшим покоряться обстоятельствам, склонять голову перед чужой силой.

Будущий король Галиции родился в 1202 г. в семье знаменитого князя Романа Мстиславича — правнука Владимира Мономаха по отцовской линии и внука объединителя Польши князя Болеслава Кривоустого по линии матери. Сам Роман был женат на дочери одного из волынских бояр Анне.

Стольный Владимир — древний город, основанный еще крестителем Руси князем Владимиром Святославичем на берегу тихой речки Луги, притока Западного Буга, — стал цитаделью Романа. Здесь он обосновался в 1170 г. после недолгого княжения в Новгороде. Отсюда отправлялся в походы за славой и золотом.

Далекое прошлое вызывает к будущему не только со страниц летописей. Его свидетели—древние здания и сооружения — полны желания поделиться своими воспоминаниями. Нужно только уметь слушать и понимать их глухую, невнятную речь. Память о временах Романа и Даниила и доныне хранит величавый Успенский собор во Владимире-Волынском. Здесь, в сумрачной нише, вырубленной в толще стены, лег на вечный покой строитель храма князь Мстислав — отец Романа; здесь, у могилы деда, так часто стоял в раздумье доблестный Даниил.

Поставленный на широкой ладони взгорья, собор, словно корабль, плывет над зелеными равнинами Волыни. И чудится, будто океан времени шумит и пенится около его тяжелых холодных стен. А рядом, чуть поодаль — могучий венец земляного города. Заросший бурьяном и кустарником, исхоженный и засиженный скупаю-

щими обывателями, он подобен свернувшемуся кольцом огромному дремлющему зверю. И, может быть, снятся ему черные толпы идущих на приступ литовцев и татар, всполохи пожаров, тревожное гуденье колоколов...

Славен и богат был в древности Владимир. Но нет предела человеческим страстям: «Того добыв, другого желаем!» — сокрушался еще в XIII в. епископ Серапион. Неуемн был в своих желаниях и князь Роман. Тесен стал ему стольный град Волыни. В 1199 г. он перебрался на княжение в Галич — столицу Юго-Западной Руси. Жестоко расправившись с богатым и властным галицким боярством — казнив одних и выслав других, он стал правителем обширной и многолюдной области.

Стремясь объединить под своей рукой всю Южную Русь, Роман в 1202 г. согнал с киевского «стола»

представителя смоленской династии князя Рюрика Ростиславича и заменил его своим ставленником — князем Ингваром Луцким. Политический кругозор Романа был очень широк. Не ограничиваясь победами над внутренними врагами, он предпринял успешную войну с половцами, завязал дружеские отношения с Византией. С ним вынуждены были считаться правители Венгрии, Польши и Литвы. В 1205 г. Роман втянулся в польско-немецкие конфликты и задумал далекий поход на запад: через Малую Польшу он хотел пробиться в Саксонию. Однако в битве у Завихоста с войском своих двоюродных братьев Лешко Краковского и Конрада Мазовецкого Роман был убит.

Военные успехи Романа, его впечатляющие замыслы и неистощимая энергия поражали современников. Сообщая о его кончине, летописец восклицает: «Он победил все языческие народы мудростью своего ума, следуя заповедям Божиим: устремлялся на поганных, как лев, свиреп был, как рысь, истреблял их, как крокодил, проходил их землю, как орел, храбр был, как тур, следовал деду своему Мономаху, который погубил поганных измаильтян, называемых половцами...»¹

Достоинства Романа признавали и его враги. Яркое и лаконичное описание жизни и гибели этого князя дал средневековый польский хронист Матвей Стрыйковский: «Сей Роман Галицкий храбростию и свирепостию многие грады руские себе покори, Ятвяж и Литву колико крат победы, киевского великого князя за непокорность сверже и постриже, многое имение собрал и всем окрестным был страшен; он себя королем руским именовал. В 1204 г. иде в Польшу и около Люблина повоевал, в Сандомирской земле многое разорение учинил и неколико городов, взявше,

укрепил; в 1205-м иде второе за Вислу и, разоряя, стоял при Завихосте. Тогда приидоша Лешек, король польский, и Конрад, князь мазовецкий, с войски немалыми на неустроившагося Романа и, внезапно нападше, первое под ним лошадь убили, потом он сел на другую, мужественно наступал, и тут от гоняющих убит в день Гервасия и Протасия (14 октября)» (перевод В. Н. Татищева).

Как это часто бывало в ту эпоху, с кончиной правителя рухнула и вся созданная им держава. Стремясь сохранить Галич за своими малолетними сыновьями, вдова Романа княгиня Анна обратилась за помощью к венгерскому королю Андрею II. Однако это не помогло. Галицкие бояре хорошо помнили тяжелую руку Романа и не хотели видеть у себя его сыновей. Княгиня с детьми вынуждена была бежать из Галича к себе на Волынь. Но и там она не обрела покоя. Узнав о намерении местной знати выдать ее галицким боярам, Анна тайно уехала из Владимира. Маленького Даниила вывез из города его воспитатель («дядька») Мирослав, посадив его перед собой на коне и укрыв плащом. Городской страже не велено было выпускать семью Романа. Младшего брата Даниила, Василька, спасла кормилица и некий «поп Юрий»: они вынесли младенца через дыру в городской стене.

Для сыновей Романа и их матери началась горькая пора скитаний, жизни на положении «бедных родственников» при дворе той или иной правящей особы. Поначалу их приютил князь Лешко Краковский — недавний враг Романа, косвенный виновник его гибели. Вскоре он отправил Даниила к венгерскому королю Андрею II, а его мать и брата оставил у себя.

Между тем в Галичине и на Волыни у власти оказались мелкие князья, прежде служившие Роману, а также приглашенные местным боярством Владимир, Роман, Святослав и Ростислав Игоревичи — сыновья главного героя «Слова о полку Игореве». Они враждовали друг с другом, призывая на помощь венгров и поляков. А в это время северные соседи — ятвяги и литовцы — совершали опустошительные набеги на Волынь.

Устав от постоянных войн и чужеземных вторжений, городское население и часть знати Волыни и Галичины все чаще вспоминало о находившихся в изгнании сыновьях Романа. Одни связывали с ними надежду на установление мира и порядка, другие надеялись, пользуясь их малолетством, править за их спиной. Развитие событий ускорила неосмотрительная политика Игоревичей. Чувствуя скорый конец своей власти, они учинили в Галиче настоящую резню, уничтожив около пятисот бояр и их слуг. Позднее им пришлось жестоко поплатиться за эту расправу. В 1211 г. уцелевшие бояре, не пожалев средств, выкупили Романа и Святослава Игоревичей из венгерского плена и повесили их.

В 1209 г. власть Романовичей признал один из крупнейших городов Волыни — Берестье. В 1211 г. по просьбе некоторых бежавших от Игоревичей галицких бояр венгерский король послал на Галич войско, которое овладело городом. Прибывший с венграми Даниил был провозглашен галицким князем. Вскоре в Галич вернулась и его мать. Однако уже через год они вынуждены были покинуть Галич и вер-

нуться в Венгрию. В Галиче провозгласил себя князем боярин Володислав.

В 1214 г. венгерский король, заключив союз с краковским князем Лешко, захватил Галич и посадил здесь князем своего четырехлетнего сына Коломана, незадолго до этого обрученного с трехлетней дочерью Лешко. Примерно тогда же Даниил с матерью при помощи поляков вернулись в столицу Волыни — Владимир.

Лишь в 1219 г. русские князья Мстислав Удалой и Владимир Рюрикович Киевский очистили Галичину от венгров. Мстислав прочно и надолго занял галицкое княжение (1219—1228). Волынь по-прежнему оставалась под властью Анны и ее сыновей.

В 1219 г. Даниил женился на дочери Мстислава Удалого Анне. Согласно представлениям того времени, это означало начало его самостоятельного правления, полное совершеннолетие. Вскоре его мать приняла монашеский постриг и отошла от участия в политической борьбе. Став зятем Мстислава Удалого, Даниил обрел в его лице покровителя и хорошего наставника в полководческом искусстве. При молчаливом одобрении Мстислава Даниил в 1219 г. вытеснил поляков из западных областей Волыни. Вскоре они вместе действовали против венгров.

Авторитет Даниила возрастал. Союза с ним искали литовские князья, которых он умело использовал в своей борьбе с польскими притязаниями. В ту пору воины служили не отвлеченной идее, а конкретному лицу. Многое в судьбе политического деятеля зависело от его личных качеств. Даниил был смел и удачлив. Постепенно вокруг него складывается ореол героя. Когда в 1219 г. он с небольшим отрядом шел на соединение с Мстиславом Удалым, на их пути встал полк боярина Глеба Васильевича. В ходе боя Даниил лично погнался за вражеским предводителем и «гнал его больше поприща. Тот убежал от него благодаря резвости своих коней. Когда Даниил возвращался, он ехал один среди врагов, а те не смели на него напасть»².

Когда Даниил встретился наконец с Мстиславом, тот в знак высочайшего уважения подарил ему своего лучшего коня. Судьба готовила двум героям новое, самое тяжкое испытание: в приазовских степях появился неведомый и оттого особенно страшный враг — татары.

Уходящий 1222 год киевский летописец проводил лаконичной фразой: «Не бысть ничто же»* — «Не было ничего»³. Это означало, что год прошел на редкость спокойно, без обычных княжеских усобиц и набегов степняков.

Не часто встречались в летописях начала XIII в. такие записи, не часто выпадали мирные годы. Русская земля жила в этот год своей обычной жизнью. Крестьяне поднимали пашню, бросали в землю семена будущего урожая. В городах трудились искусные ремесленники, подсчитывали доходы оборотистые «гости» — купцы. В Новгороде приняли на княжение сына владимирского князя Юрия — молодого Всеволода Юрьевича, «и бысть мирно», с удовлетворением замечает летописец. В Ростове строили новый белокаменный собор; в Суздале золотили дивные церковные двери, укра-

шенные затейливым орнаментом и сценами из Священного Писания; в Нижнем Новгороде на холме у слияния Оки и Волги возводили мощную крепость — опору русского влияния на Средней Волге. По всей Русской земле, куда ни посмотри, шла непрерывная созидательная работа...

В то время как Русская земля доживала последний год мира и покоя, в степях между Доном и Волгой уже началась небывалая война. Вырвавшись из кавказских ущелий на степной простор, монгольское войско, которым командовали опытные полководцы Чингисхана — Джэбэ и Субэдэй, разгромило выступивших против них аланов — предков современных осетин. Вслед за этим завоеватели набросились на обитателей приазовских степей — половцев.

В самом конце XII в. русско-половецкие войны затихают. Князья все чаще ищут дружбы с половцами, стремясь использовать их в усилившихся междоусобных войнах. Одновременно идет христианизация половцев. Примечательно, что сильнейший из половецких ханов начала XIII в., сын Кончака, носил христианское имя Юрий.

Помощью степняков не раз пользовался и Мстислав Удалой. Женатый на дочери половецкого хана Котяна, он был в дружеских отношениях со многими половецкими предводителями. Именно они помогли ему в 1221 г. вернуть занятый венграми Галич. Вполне понятно, что теперь, когда опасность нашествия чужеземцев нависла над половцами, они обратились за помощью прежде всего к Мстиславу Удалому.

Связанный с половцами родством и союзом, Мстислав весной 1223 г. не смог отказаться от рискованного похода в глубь степей. Конечно, не остались без внимания и богатые дары, принесенные половцами.

Согласившись помочь степнякам, Мстислав начал действовать по всем правилам междукняжеских отношений. Согласно древней традиции, борьба с натиском кочевников считалась общим делом всех русских князей. Перед лицом степной угрозы забывались старые счеты, прекращались усобицы. Для обсуждения плана совместных действий Рюриковичи собирались на «снем» — княжеский съезд. И хотя на сей раз врагом оказались не половцы, а какие-то неведомые «татары», о которых «никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры»⁴, — порядок действий оставался тем же.

На княжеском съезде в Киеве весной 1223 г. первыми говорили три старших по положению князя, три Мстислава — Мстислав Мстиславич Удалой, князь галицкий, его двоюродный брат Мстислав Романович, князь киевский, по прозвищу Мстислав Старый, и Мстислав Святославич Черниговский.

Мстислав Старый, так же как и Удалой, происходил из рода смоленских князей. Это был князь-бродяга, сменивший немало княжеских «столов» и княжений, прежде чем попасть в Киев. Будучи близкими по крови, часто выступая заодно, Мстислав Удалой и Мстислав Старый не любили друг друга. Тлевшая между ними

вражда вспыхнула ярким пламенем во время совместного похода против татар весной 1223 г.

Третий Мстислав, князь черниговский и козельский, был довольно скромным представителем буйного племени черниговских Ольговичей. Его прадед, знаменитый черниговский князь Олег «Гориславич», считался главным зачинателем княжеских усобиц на Руси. Правнук же ничем особенным не отличался, кроме одной победной схватки с литовцами. Он был женат на осетинке и потому должен был испытывать к татарам, только что разгромившим аланов (осетин), особую неприязнь.

Кроме трех Мстиславов, на совете в Киеве присутствовали «молодые» князья — Даниил Романович Волынский, Михаил Всеволодович Черниговский, сын Мстислава Старого Всеволод и другие.

Княжеский съезд выслушал мнение Мстислава Удалого. «Поможем половцам, — говорил Удалой. — Если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них»⁵.

Слушая речь Удалого, одобрительно кивал и Мстислав Старый. Ведь совсем недавно, узнав о победах татар в Хорезме, Персии и на Кавказе, он при всех гордо заявил: «Пока я нахожусь в Киеве — по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная татарской сабле не махать»⁶. Своим изречением Мстислав хотел сказать, что, пока он жив, пока княжит в Киеве, татары нигде не посмеют напасть на Русь.

Пройдет совсем немного времени, и летописцы припомнят Мстиславу, уже мертвому, казненному татарами на берегу Калки, его горделивую фразу: своим хвастовством князь накликнул беду.

Не все князья соглашались идти в опасный и трудный поход на татар ради защиты половцев. На съезде в Киеве разгорелись споры. Половцы клялись в дружбе, подносили князьям богатые дары. Половецкий князь по имени Бастый, чтобы доказать свою преданность Руси, здесь же, в Киеве, принял крещение. И наконец княжеский съезд принял решение: без промедления выступить на помощь половцам.

По всей Южной Руси запели боевые трубы, зазвенели боевые доспехи, развернулись на ветру громадные, «словно облаки», княжеские знамена.

Три Мстислава послали гонцов на север, к могущественному князю Юрию Всеволодовичу Владимирскому, чей златоверхий терем за много верст виден был на высоком берегу Клязьмы. Далеко было Юрию до половецких степей, мало трогали его призывы о помощи старых соперников — князей киевского и черниговского. И все же не посмел владимирский князь отказаться от участия в общерусском деле: выслал на помощь трем Мстиславам своего племянника — ростовского князя Васильку с дружиной. Но трудны были весенние дороги сквозь московские и брянские леса. Едва успел Василько добраться до Чернигова, как уже пришла страшная весть о гибели русского войска «в земле незнаемой», на берегах никому прежде не ведомой речки Калки...

Судьба подарила князю Васильку еще 15 лет жизни. Но настает и его час сложить голову под татарскими саблями. Такой же

солнечной, дружной весной 1238 г. плененный воинами Батыея Василько был казнен ими где-то в дремучих лесах за Волгой...

Три Мстислава решили двигаться навстречу врагу, сразиться с татарами в «поле половецком», как называли тогда половецкие степи. Узнав о русско-половецком союзе, татары направили послов к русским князьям. «Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев, — говорили послы. — А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные Богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем»⁷.

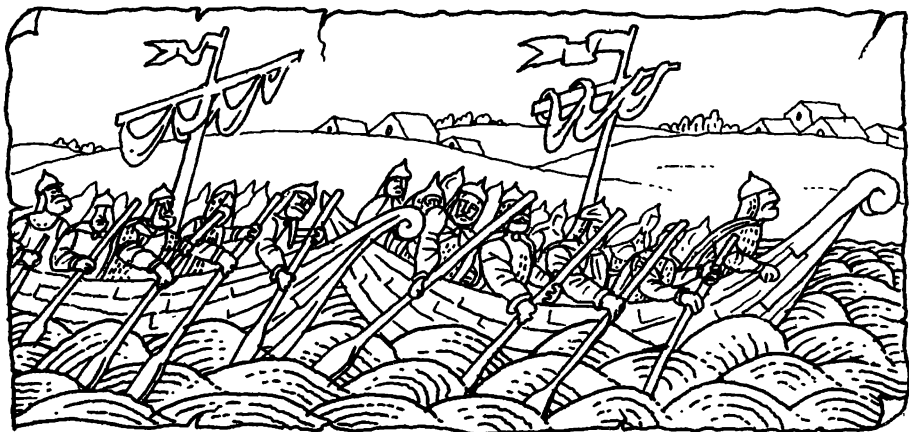
Эти вкрадчивые, лстивые слова были очень похожи на те речи, с которыми всего лишь год назад, готовясь напасть на аланов, обращались татары к самим половцам. «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие, — говорили тогда монголы. — Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам»⁸.

Русские князья остались верны своему слову. Второе монгольское посольство, как и первое, осталось без ответа. Три Мстислава шли по правому берегу Днепра все дальше на юго-восток, навстречу неведомому врагу. Возле острова Хортицы, на расстоянии около 500 километров от Киева, русские дружины соединились с половцами. Вскоре на другом берегу показались татары. Мстислав Удалой с тысячей воинов, перейдя Днепр вброд, внезапно напал на татарский сторожевой отряд и разбил его. Оставшиеся в живых татары заняли оборону на вершине древнего кургана. Окруженный со всех сторон русскими и половцами, предводитель татарского сторожевого отряда Гемябек решил спасти свою жизнь. Он спрятался в яме и велел воинам забросать его землей. Вскоре русские и половцы овладели курганом. Половцы обнаружили заживо погребенного. Получив разрешение героя этой схватки Мстислава Удалого, они казнили хитрого воеводу.

Татарские отряды были отброшены от Днепра. Теперь можно было начинать переправу основных сил. Это была непростая задача. Множество ладей двинулось по быстрым водам широко разлившегося Днепра, внимательно следили за переправой три князя, три Мстислава.

Повсюду слышен был скрип уключин, насадные крики гребцов. Вот ткнулась в береговой песок еще одна ладья. В ней — храбрые путивличи. С высоких берегов Сейма привыкли они далеко глядеть в степь. Им ли остановиться на краю «поля половецкого»!

А вот и «галицкие изгнанники» — мятежные бояре, бежавшие от гнева своего князя Романа Мстиславича и поселившиеся с семьями, со дворами и слугами в низовьях Днестра. И они решили послужить общему делу: собрали множество воинов и, снарядив

тысячу ладей, поплыли вниз по Днестру в море, потом вдоль берега моря до устья Днепра, а оттуда вверх по Днепру — к Хортице. Во главе «выгонцев галичских» — опытные воеводы Юрий Домашерич и Держикрай Владиславич.

А вот сходят на берег, сдерживая вздрагивающих коней, дружинники из Курска. Это о них говорил герой «Слова о полку Игореве» «буй-тур» Всеволод, князь курский:

А мои-то куряне — опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены,
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы.

И не раз, должно быть, вспоминалось русским князьям в этом походе знаменитое «Слово». Ведь и они, подобно князю Игорю, шли в глубь степей, в самое сердце «поля половецкого». Конечно, сил у них было куда больше, чем у Игоря, но ведь и враг был не тот, что прежде. Он страшен был уже одной своей неизвестностью, загадочностью. Недаром же говорили книжники-монахи, что неведомые пришельцы, сокрушившие аланов и половцев, и есть те самые племена медиантов, которые некогда были побеждены и изгнаны в пустыню Ефривскую библейским полководцем Гедеоном. Это о них, говорили монахи, пророчествовал в древности Мефодий, епископ Патарский: «Придет время — явятся они снова и пленят всю землю... И возложат они тяжкое ярмо на выю всем другим людям, и не будет народа или царства, которое смогло бы противостоять им...»

Переправившись на левый берег Днепра, русско-половецкое войско двинулось на восток. Вскоре впереди показался татарский

отряд. Первыми его заметили ехавшие впереди «молодые» князья. Бой с татарами был недолгим. Обратившись в бегство, они оставили победителям свои стада и имущество.

Первая крупная победа вдохновила воинов. Всем хотелось завершить столь удачно начавшуюся войну полным разгромом врага. Не теряя времени, армия трех Мстиславов двинулась по следам татар. Восемь дней длилось преследование. Кругом лежала бескрайняя цветущая степь. Наконец, впереди заблестела полоска воды. Это была небольшая степная речка Калка. Здесь, недалеко от Азовского моря, утомленные русские полки остановились и разбили лагерь. Высланные вперед дозоры вскоре заметили татар. Стало ясно, что враг где-то неподалеку...

Найти истину среди противоречивых свидетельств различных летописей иногда бывает очень трудно. Примером может служить описание битвы на Калке. Одни летописи возлагают вину за поражение на Мстислава Удалого, другие — на Мстислава Киевского, третьи — на половцев. Сопоставляя летописные известия, можно лишь в общих чертах представить ход событий.

Узнав о близости татар, Мстислав Удалой вместе со своим зятем Даниилом Волынским переправился на другой берег Калки. Там они и поставили свои шатры, отдалившись на значительное расстояние от основного войска.

31 мая 1223 г. произошла печально знаменитая битва на Калке. Первыми двинулись татары. Увидев приближающиеся татарские полки, Мстислав Удалой бросился вперед. Два других Мстислава оставались в главном лагере, ничего не зная о начавшейся битве. Однако победить татар на это раз оказалось совсем не так просто, как думал Мстислав Удалой. Ведь недаром Джэбэ и его товарищ Субэдэй-багатур уже двадцать лет ходили в походы под «великим белым знаменем» одного из крупнейших завоевателей в истории Азии. Громадный боевой опыт полководцев Чингисхана умножался стойкостью рядовых всадников. Татары сражались в чужой земле, за много дней пути от дома, и не могли надеяться на спасение в случае неудачи. Они сражались с яростью обреченных.

Постепенно битва разгоралась. В нее втягивались новые и новые русские полки. Подоспели Олег Курский и Мстислав Немой со своими дружинами. Впереди всех геройствовал тяжело раненый, но не замечавший этого в пылу схватки Даниил Волынский. В первых рядах начали битву половцы. Однако вскоре они дрогнули и обратились в бегство, сметая шатры и обозы русского лагеря. На протяжении всей битвы дружины Мстислава Киевского и его родичей стояли на месте. Мстислав понял, что Удалой хотел опередить его, и теперь, стоя на вершине холма, злорадно наблюдал, как редуют галицкие полки, как, истекая кровью, покидает поле битвы Даниил Волынский.

Собрав остатки своих дружин, Мстислав Удалой и Даниил решили поскорее уходить назад, к Днепру. Судьба хранила их: оба живыми вернулись на Русь.

Мстислав Киевский решил укрепиться на высоком каменистом берегу Калки и ждать, пока татары уйдут прочь. Возможно, Мстислав Старый надеялся, что все татары кинутся в погоню за бегущими, оставив поле боя. Но князь ошибся. В то время как большая часть татарского войска бросилась в погоню за русскими и половцами, два воеводы — Чегирхан и Тешухан — остались осаждать лагерь Мстислава.

Три дня штурмовали татары эту наспех сооруженную из бревен и камней крепость, но взять ее так и не смогли. Тогда они прибегли к хитрости. Среди них оказался русский воевода, изменник по имени Плоскиня. По поручению татар он вступил в переговоры с осажденными, обещая Мстиславу жизнь и свободу. Послушав Плоскиню, Мстислав приказал прекратить сопротивление. Расплата за малодушие оказалась скорой и жестокой. Перебив безоружных русских воинов, татары уложили связанных князей на землю и придавили толстыми досками. Предсмертные хрипы князей заглушались веселым гогом победителей: рассевшись на досках, они принялись за обед...

Тяжелы были потери, понесенные Русью в битве на Калке. Преследуя отступавшие русские дружины, татары перехватили и убили шестерых князей, в их числе и третьего Мстислава, князя черниговского.

Из рядовых воинов домой вернулся лишь каждый десятый. Отряды Джэбэ и Субэдэя дошли до Днепра, захватили многие городки по южным окраинам Руси. Пощады не было никому. Татары убивали даже тех, кто, поверив их обещаниям, сдавался без боя. «И был плач и вопль во всех городах и селах», — заканчивает летописец⁹.

И все же в 1223 г. Джэбэ и Субэдэй не решились глубоко вторгаться в русские земли. Пограбив окраины Руси, они повернули коней на восток и ушли за Яик, на соединение с основными силами армии Чингисхана.

Вслушав отчет о действиях «моих дворовых псов», как называл он за их преданность, Джэбэ и Субэдэя, Чингисхан решил, что степи Восточной Европы уже покорены. Он передал их во владение своему старшему сыну Джучи, который был очень обрадован таким подарком. «Во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих», — говорил он о половецких степях.

Однако по-настоящему завладеть Восточной Европой Джучи не успел. Он умер в начале 1227 г. Ходили слухи, будто своенравный Джучи, осмелившийся спорить с отцом, был отравлен по приказанию Потрясателя Вселенной. Уважая волю Чингисхана, его наследник великий хан Угедэй объявил, что все земли к северо-западу от Хорезма — Половецкая степь, Русь и далее, «куда только дойдут монгольские кони», — будут принадлежать роду Джучи. Однако прежде эти земли нужно было еще завоевать...

Поражение на Калке не повлияло на расстановку политических сил в Юго-Западной Руси. И Мстислав, и Даниил сохранили свои владения. В 1220-е гг. власть Даниила на Волыни окрепла, распространилась на новые области.

В 1229—1230 гг. Даниил вместе с братом Василько принял участие в усобице польских князей, начавшейся после убийства боярами краковского князя Лешко в ноябре 1227 г. Волынский князь со

своим войском прошел в центральные районы Польши. Здесь он вместе с Конрадом Мазовецким осадил крепость Калиш. Во время осады Даниил действовал очень энергично, рискуя жизнью, лично ездил к городским стенам, отыскивая лучшее место для штурма. Устрашенные решимостью русских, горожане сдались без боя. Оценивая итоги похода Даниила в Польшу, летописец заметил: «Никакой другой князь не входил так далеко в землю Ляшскую, кроме Владимира Великого, который крестил Русскую землю»¹⁰.

В 1230-е гг. Даниил основное внимание уделял борьбе за Галич. В 1230 г. он взял город, но в 1232 г. вынужден был отдать его венграм. В ходе этой войны Даниил счастливо избежал ловушки: заманив его в один из замков на пир, бояре намеревались убить князя.

В 1232 г. близ городка Шумск в Южной Волини произошла битва между Даниилом и венгерским королевичем Андреем, на стороне которого выступили и многие галицкие бояре. Летопись сохранила красочное описание этого боя, который закончился не очень удачно для Даниила, однако ярко обнаружил его принципы ведения боя. «Так как королевич шел по равнине, то Даниилу и Васильку нужно было съехать с высоких гор; некоторые советовали остаться на горах и охранять спуски. Но Даниил сказал: «Как говорит Писание — кто медлит идти в битву, у того робкая душа». И, принудив их, скорее спустился вниз.

Василько пошел против угров, Демьян тысяцкий и другие полки шли слева, а Даниил со своим полком шел посредине. Велик был его полк, ибо состоял из одних храбрецов со сверкающим оружием. Угры, увидев его, не захотели с ним сражаться, а повернулись против Демьяна и на другие полки. Приехали стрельцы с тараном, люди не устояли, были перебиты и разбежались. Когда Демьян сразился с Судиславом, князь Даниил заехал к ним в тыл, и они сражались копьями, Демьяну же показалось, что это все враги и они бегут перед ним. Даниил вонзил свое копье в воина, и копье сломалось, и он обнажил свой меч. Он посмотрел туда и сюда и увидел, что стяг Василька стоит и тот доблестно борется и гонит угров; обнажив меч свой, пошел Даниил на помощь брату, многих он ранил, а иные от его меча погибли. Съехались они с Мирославом; увидев, что угры собираются, наехали на них вдвоем. Те же не выдержали и отступили; другие приехали и сразились, и те не выдержали. Преследуя врагов, они разъехались. Потом он увидел брата, доблестно боровшегося, с окровавленным копьем и изрубленными мечами древком копья.

...Глеб Зеремеевич собрал угров и поехал к стягу Василька. Даниил же приблизился к ним, чтобы вызвать на бой, и не увидел у них воинов, а только отроков, державших коней. Те же, узнав его, пытались мечами убить его коня. Милостивый Бог вынес его из вражьих рядов без ран, только концом острия меча на бедре его коня срезана была шерсть. Он приехал к своим и принудил их выступить против них.

Васильков полк гнал угров до станов их, и стяг королевича подрубил, а другие многие угры бежали, пока не достигли Галича.

Пока они стояли — эти на горе, а те — на равнине, Даниил и Василько понуждали своих людей съехать на них. Но Бог так пожелал за грехи: дружина Даниила обратилась в бегство, а угры не посмели его преследовать, и не было урона в полках Даниила, кроме пяти убитых.

Даниил утром собрался, но не знал о брате, где он и с кем. Королевич же вернулся в Галич, потому что был большой урон в его полках: много угров бежало, пока не достигли Галича»¹¹.

В 1234—1235 гг. Даниил вновь овладел Галичем, но и на этот раз вскоре был вынужден покинуть город и уехать к себе на Волынь, а потом и в Венгрию — для заключения союза с новым королем Белой IV. В Галиче тем временем сел княжить приглашенный боярами черниговский князь Михаил Всеволодович с сыном Ростиславом. Однако в 1238 г. Даниил, вернувшись из Венгрии, изгнал их из Галича и окончательно вокняжился здесь. Его поддержало большинство населения города, уставшее от усобиц. Однако благополучное управление Даниилом единой Галицко-Волынской землей длилось недолго: на востоке уже разворачивалось наступление полчищ Батыя на Русскую землю. Близок был час испытаний и для юго-западных ее областей...

В последовавшие за битвой на Калке полтора десятилетия татары не беспокоили Русь своими набегами. Они были заняты насущными делами, откладывая поход на запад до более благоприятного времени. В 1223—1227 гг. Чингисхан вел одновременно три войны. На западе его войска завершили завоевание территорий, входивших в состав державы хорезмшахов, на востоке шла борьба с государством тангутов и северокитайской Золотой империей. Война с тангутами оказалась настолько тяжелой, что Чингисхан лично должен был возглавить армию, поручив персидские и китайские дела своим полководцам. В 1227 г. тангутская держава пала. Но в этом же году скончался вначале Джучи, а затем и сам Чингисхан. Лишь через два года на престоле утвердился новый великий хан Угедей.

На курилтаях 1227 и 1229 гг. монгольская знать приняла планы новых завоеваний. Удары наносились на разных направлениях: на юге — по Северному Китаю, на западе — по Закавказью и восточным, прикаспийским половцам. В 1229 г. 30-тысячный отряд Кукдая и Субэдэя разгромил кочевавших на территории современного Северного Казахстана половцев, остатки которых бежали в пределы Волжской Болгарии. В 1232 г. был нанесен удар по самой Волжской Болгарии. Под этим годом русская летопись кратко сообщает: «Приидоша татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарского*». В 1234 г. монголы завершили завоевание Северного Китая. Теперь они могли бросить все силы на запад.

1235 г. состоялся курилтай, утвердивший давно ожидаемый кочевой знатью поход на богатые страны Запада. Наступление должно было вестись одновременно на двух направлениях: из района Закавказья и современного Северного Ирана — на Малую Азию; из прикаспийских степей — на Волжскую Болгарию и далее на Русь и степи Северного Причерноморья. Конечной целью на этом направлении была «земля франков» — Западная Европа. Второму, русско-половецкому направлению монголы придавали особое значение. Руководство походом было поручено сыну Джучи Бату. Беспощадно и последовательно принялся он за выполнение стоявшей перед ним задачи.

Поход на Запад был объявлен общим делом всего рода Чингисхана. В ставке Бату собрался цвет монгольской аристократии. Одних только «царевичей» — сыновей, внуков и правнуков Чингисхана — здесь было около десятка. Каждый из них привел с собой тысячи воинов. По словам персидского историка Джувейни, «от множества войск земля стонала и гудела»¹². В конце 1236 г. Батый двинул свою более чем 100-тысячную армию в поход.

Первый удар полчищ Батыя приняли на себя волжские болгары. Они мужественно защищали свою землю, однако силы были слишком неравны. Разгром Волжской Болгарии был быстрым и неотвратимым. Столица государства, «Великий город», как величали ее русские летописцы, была сожжена. Уничтожены были и многие другие богатые торговые города — Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар. Одновременно монголы подчинили себе другие народы Поволжья и Прикамья: башкир, мордву, буртасов.

Осенью 1237 г. монгольские тумены вплотную подошли к юго-восточным границам Руси.

Первыми на границах своей земли встретили татар мужественные рязанские князья. Летописи не сообщают никаких подробностей этой битвы. И все же, используя все имеющиеся в распоряжении историков источники, мы можем представить ход сражения, вооружение и боевые приемы русских воинов и монголо-татар.

Основу рязанского войска составляли отважные и опытные воины-дружинники, «удальцы и резвцы», «узорочье рязанское», как называет их летописец. Они были отлично вооружены, искусны в борьбе с кочевниками. Корпус воина защищали кольчуга или пластинчатый доспех. Голову закрывал крепкий железный шлем, у некоторых воинов украшенный медными или позолоченными изображениями святых. Чаще всего на шлемах изображали предводителя небесного воинства Михаила Архангела, а также святого, имя которого носил воин. Острое, длинное навершие шлема — «еловец» — иногда украшалось маленьким флажком.

На боку дружинника висел меч в кожаных ножнах. Мечом можно было наносить колющие и рубящие удары. Некоторые из воинов имели сабли — любимое оружие кочевников. Скользящий удар сабли, нанесенный умелой рукой на всем скаку, был страшнее удара мечом. У пояса в колчане из бересты, обтянутой кожей, воин хранил несколько десятков стрел, а за спиной — тугой лук. Перед боем тетиву лука натягивали до предела, приводя оружие в боевую готовность.

Притороченные к седлу тонкие длинные копыя служили в самом начале боя. Если не удавалось в первом столкновении издалека поразить врага стрелой, воин брался за сулицу — короткое метательное копьё, оружие ближнего боя.

По мере сближения конного дружинника с противником одно оружие сменяло другое: издалека он осыпал врага стрелами, сблизившись, стремился выбить из седла метко брошенной сулицей, затем шло в дело копьё и, наконец, сабля или меч.

Военное искусство монголо-татар, их приемы ведения боя подробно описал итальянский дипломат и путешественник Плано

Карпини, побывавший у монголов в середине XIII в.: «Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи... У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит сделан у них из ивовых или других прутьев...»¹³

«Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, а только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство... За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления и они очень искусны в розысках...»¹⁴

Очевидно, что воины рязанского князя ни в чем, за исключением жестокости, не уступали завоевателям. Сила и стойкость рязанцев умножалась тем, что они сражались за свободу, за жизнь и честь своих родных и близких. И все же победа досталась монголо-татарам. Вот как рассказывает об этом современник событий, рязанский летописец: «Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингваревич, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские...»¹⁵

Захватив Рязань, татары по Оке двинулись на северо-запад, в сторону Коломны. Там, на границе владений владимирского князя, их уже ждал с войском сын Юрия Всеволодовича, юный князь Всеволод. Он смело вступил в бой с татарами. В битве за Коломну пал старый владимирский воевода Еремей Глебович. Молодой князь едва смог выбраться из окружения. Ускользнув от погони, он с небольшим отрядом вернулся во Владимир. В боях за Коломну татары потеряли одного из своих «царевичей», побочного сына самого Чингисхана Кюлькана.

Штурмом овладев Коломной, завоеватели двинулись по льду Москвы-реки на север, туда, где среди лесов и болот таилась будущая столица земли Русской.

В Москве готовился к схватке с завоевателями другой сын Юрия Всеволодовича — Владимир. После пяти дней борьбы татары захватили Москву. Владимирский воевода Филипп Нянько погиб в бою, князь Владимир попал в плен.

В начале февраля 1238 г. татары штурмом взяли Владимир. После этого Батый разделил свое войско на несколько отправившихся в разные стороны отрядов. Вскоре были захвачены все крупные города Владимирщины и Верхнего Поволжья. Маленькие деревянно-земляные крепости, построенные для защиты от внезапных нападений соседних князей или волжских болгар, могли противостоять двум-трем тысячам воинов, но оказывались легкой добычей для многотысячных, оснащенных китайскими стенобитными машинами отрядов Батыя. Последней надеждой Северной Руси оставалось войско, которое князь Юрий вывел из Владимира перед приходом татар. Далеко в заволжских лесах терялись следы владимирского князя. Но татары из отряда воеводы Бурундая напали на след владимирской дружины. 4 марта 1238 г. на берегах речки Сить, что протекает в глухих лесах к северо-западу от Углича, разыгралась ожесточенная битва. Полки владимирского князя и дружина пришедших к нему на помощь князей были уничтожены войском Бурундая.

Продолжая завоевание, Батый двинул свои полки на северо-запад. Уже пал Торжок, южные ворота новгородской земли, уже всего лишь сто верст оставалось до Новгорода, когда завоеватели внезапно остановились и повернули назад. «Несокрушимый» понял, что его ослабевшая, потерявшая десятки тысяч воинов армия едва ли сумеет покорить густонаселенные северо-западные области Руси. К тому же и весенняя распутица могла со дня на день превратить новгородские леса и болота в западню для отяжелевшей от добычи монгольской армии.

Повернув на юг, Батый раскинул свое войско в виде огромной петли, стремясь захватить все, что уцелело в Центральной Руси. Однако далеко не таким легким оказался отход Батыя на юг. Большой татарский отряд был уничтожен под Смоленском. В народе родилась легенда о том, что победил татар и спас Смоленск только один воин — прекрасный юноша по имени Меркурий.

Семь недель сражались с врагом жители Козельска, старинного племенного центра вятичей. Смелой ночной вылазкой они уничтожили более 4 тыс. врагов. Под стенами Козельска нашли смерть три знатных воеводы из армии Батыя. Когда враги все-таки ворвались в город, защитники бросились в рукопашную.

Лето 1238 г. Батый провел в половецких степях. После тяжелых боев на Руси войскам необходим был отдых и пополнение. Лишь в 1239 г. завоеватели смогли возобновить действия против Руси. Они вновь вторглись во владимирские земли, разорили Муром и Гороховец, воевали по Клязьме. В Южной Руси отряды, посланные Батыем, захватили Чернигов и Переяславль, опустошили многие области по левому берегу Днепра.

Большое наступление монголо-татар на Восточную Европу началось в 1240 г. Перейдя Днепр, поздней осенью татары осадили Ки-

ев. По словам летописца, в городе люди не слышали друг друга из-за невообразимого шума, поднятого движением орды. Скрип тележных колес, рев верблюдов, ржание коней заглушали голоса людей.

Киевляне захватили «языка» — татарина по имени Товрул. От него они узнали, что под стенами Киева стоят все «сильные воеводы» Батыея. Здесь был и старый Субэдэй, лучший полководец Чингисхана, и молодой, но уже известный своими победами Бурундай. Вместе с Батыеем пришел его брат Орду. Привел свои войска и будущий великий хан, внук Чингисхана Менгу. Отдельно от других поставил свою богато украшенную юрту хан Гуюк, старший сын правившего тогда всеми монголами великого хана Угедея. Все они, потомки Чингисхана, чью священную кровь не полагалось проливать на землю и кого в случае нужды казнили только одним способом — душили, плотно завернув в войлок, — все они горели желанием овладеть Киевом. Красота и величие города поразили завоевателей. Стремясь сохранить для себя в целости все, что находится в этом прекрасном городе, они предложили киевлянам сдаться, обещая даровать жизнь. Киевляне ответили отказом. Возглавлявший оборону города воевода князя Даниила Галицкого по имени Дмитр был гордым и непреклонным воином. Он сам сражался в первых рядах и был ранен. Целые сутки длился бой на улицах и площадях Киева. Наконец, в руках защитников остался только небольшой район вокруг Десятинной церкви. Как и в других русских городах, каменный собор стал последним прибежищем и братской могилой осажденных. Не выдержав тяжести взбравшихся на них людей, своды Десятинной церкви рухнули, похоронив под собой тех, кто укрывался внутри.

Что предпринял Даниил, узнав о падении Киева и приближении Батыея к его землям? Увы! На первый взгляд он действовал не слишком героически: как и его давний соперник в борьбе за Киев князь Михаил Черниговский, Даниил вместе с сыном отправился в Венгрию, а оттуда в Польшу. Там в тщетной надежде получить помощь против татар он провел страшную зиму 1240—1241 гг., когда татары опустошили Волынь и Галичину.

Причину бездействия Даниила летописец объясняет кратко и четко: «Он не мог пройти в Русскую землю, потому что с ним было мало дружины»¹⁶. Во всеобщей сумятице, вызванной нашествием, Даниил долго не имел сведений о судьбе своей семьи. «Он прошел из Угорской земли (Венгрии. — *Н. Б.*) в Ляшскую землю через Бардуев и пришел в Сендомир. Он узнал о своем брате, и о детях, и о княгине своей — что ушли они из Русской земли к ляхам от безбожных татар, и бросился искать их, и нашел их на реке под названием Полка, — они порадовались о своем соединении и горевали о поражении земли Русской и о взятии множества городов иноплемениками»¹⁷.

Покорение Галицко-Волынской Руси потребовало от татар большого напряжения сил. На своем пути они встретили ожесточенное сопротивление. Города-замки Данилов и Кременец им взять не удалось; Колодяжен и Каменец были захвачены обманом; Галич и Владимир пришлось брать штурмом. Впрочем, татары спешили пос-

корее добраться до Венгрии, которая была важнейшей целью всего похода. Поэтому они не долго задерживались в Юго-Западной Руси, оставив ее «освоение» на будущее.

Вернувшись в свои владения весной 1241 г., Даниил увидел повсюду страшные следы нашествия. Когда он вместе с братом Василько приехал к Берестю (современный Брест), то не смог стать лагерем под городом «из-за смрада от множества убитых». В столице Волыни, Владимире, «ни единого живого человека не осталось... церковь Святой Богородицы была наполнена трупами, другие церкви были полны трупов и мертвых тел»¹⁸.

Как и другие русские князья, Даниил внимательно следил за действиями Батыя в Венгрии и Польше. В апреле 1241 г. в битве при Легнице отдельный монгольский корпус разгромил объединенные войска южнопольских феодалов, в состав которых входили и немецкие рыцари. Предводитель этой разноплеменной армии князь Генрих Благодетельный погиб в бою. Два дня спустя в битве при Шайо венгерский король Бела IV потерпел сокрушительное поражение от основных сил Батыя. Центральная Европа жила в ожидании страшного погрома. Передовые отряды завоевателей дошли до Вены и Адриатического моря. Но тут случилось неожиданное. В 1242 г. победоносное степное войско остановилось и, выполняя приказ хана, начало отходить обратно, на восток.

Главной причиной, заставившей монголов прекратить нашествие на Европу, было резкое ослабление их армии в результате упорного сопротивления народов Восточной Европы и в первую очередь — русского народа. Об этом с присущей ему исторической интуицией писал еще А. С. Пушкин: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся Просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»¹⁹

После нашествия Батыя русские земли лежали в развалинах. Дымилась пепелища городов, немногие уцелевшие жители хоронили убитых, строили из золотистой сосны новые избы и терема, распахивали запустевшую пашню. Всем хотелось верить, что «поганные» ушли навсегда. Однако прошло три года — и они вернулись. В начале 1243 г. на Русь прибыли татарские послы, потребовавшие, чтобы все русские князья явились в ставку Батыя.

Память о пережитом погроме была совсем свежа. Сил для сопротивления новому нашествию не было. Пришлось русским князьям, забыв былую гордость, отправляться в путь. В Орде — так называлась кочевая ставка хана — благосклонно приняли дары, с великим трудом собранные в опустевшей земле Русской. Все князья получили ярлыки. Отныне вся Русь оказалась в политической зависимости от Орды. Все важнейшие вопросы внутривластной жизни, а также внешняя политика страны постепенно оказались под контролем чужеземцев. Одной из немногих областей Руси, где не признали власть «поганных» и выступали против них с оружием в руках, были владения Даниила Галицкого.

Твердой рукой восстановив свою власть над Волынью и Галичиной, пошатнувшуюся в результате новых боярских смут и неурядиц, вызванных нашествием Батыя, Даниил быстро обрел прежнее могущество и самоуверенность. Однако вскоре он узнал, что вернувшийся из похода Батый не забыл о нем.

Галицко-волынская летопись под 1243 г. сообщает: «Когда Даниил был в Холме, прибежал к нему половчанин по имени Актай, говоря: «Батый вернулся из Угорской земли и послал двух богатырей искать тебя — Манымана и Балая». Даниил запер Холм и поехал к брату своему Васильку, взяв с собой митрополита Кирилла. Татары разорили все до Валодавы и по озерам много зла учинили»²⁰. Город Володава находился примерно в 80 верстах севернее Владимира.

Впрочем, этим набегом Батый лишь желал припутнуть не признавшего его власть галицко-волынского князя. Большая война с Даниилом требовала много сил и средств и не входила в ближайшие планы правителя Орды. Внимание Батыя было приковано к событиям в Каракоруме, где власть оказалась в руках у его давних врагов — вдовы великого хана Угедая Туракины и ее сына Гуюка.

Между тем разорение Руси татарами породило новые надежды у ее западных соседей. Летом 1245 г. они попытались захватить галицко-волынские земли. Объединенное польско-венгерское войско вторглось в Галичину. С ним шел и давний враг Даниила князь Ростислав Михайлович Черниговский, женатый на дочери венгерского короля Белы IV.

Первая же русская крепость на пути завоевателей — городок Ярослав в 100 км западнее Львова — оказала мужественное сопротивление. Осада Ярослава затянулась. Воспользовавшись этим, князь Даниил, не дожидаясь помощи, обещанной ему литовцами и Конрадом Мазовецким, подошел к городу и переправился на левый берег реки Сан. 17 августа 1245 г. близ Ярослава произошло кровопролитное сражение — одно из важнейших в русской военной истории XIII столетия.

Русскими полками, кроме самого Даниила, командовали его брат Василько и дворский (управляющий княжеским двором. — *Н. Б.*) Андрей. Венгерское войско возглавлял князь Ростислав Черниговский и опытный старый воевода Фильней (в летописи — *Филя*). Предводителем польской части войска завоевателей был воевода пан Флориан Войцехович.

Каждая из сторон имела свой план сражения. Даниил поставил свои лучшие силы на левом фланге, намереваясь в ходе боя выйти в тыл неприятеля. Центр занял полк дворского Андрея. Он должен был принять на себя главный удар и своей стойкостью решить исход битвы. На правой руке против поляков Флориана стоял со своим полком князь Василько — верный и мужественный соратник Даниила во всех его воинских и государственных делах. Замысел неприятеля сводился к тому, чтобы, имея в тылу запасной рыцарский полк, которым командовал Фильней, обрушить основную массу войск на центр русской позиции. При этом особое пешее войско было оставлено у ворот Ярослава, чтобы не дать возможности жителям города прийти на помощь Даниилу.

Яркое описание битвы под Ярославом сохранила Галицко-волынская летопись. Она создавалась и редактировалась на протяжении всего XIII столетия. С ее страниц звучат живые голоса современников Даниила:

Скоро, собрав воинов, Даниил и Василько выступили. Послали вперед Андрея, чтобы он увидел врагов и подбодрил город, что близко спасение. Не доходя до реки Сана, воины сошли с коней в степи, чтобы вооружиться. И было знамение над полком такое: слетелись орлы и множество воронов, подобно огромному облаку, раскричались птицы, клекотали орлы, паря на крыльях своих, но-сились по воздуху, как никогда и нигде не бывало. Это знамение на добро было.

Даниил вооружился, взял своих воинов и пошел к реке Сану. Брод был глубоким, и первыми пошли половцы и, переехав, увидели стада. У врагов не было сторожевых отрядов у реки. Половцы не посмели разграбить их без княжеского повеления. А те увидели их и скрылись в свои станы вместе со своими стадами. Даниил и Василько тоже не медлили, но быстро перешли реку. Построив конников и пехотинцев, пошли, не торопясь, в битву. Сердца их были тверды в битве и устремлены на битву. Так как Лев (сын Даниила. — *Н. Б.*) был ребенком, он был поручен Васильку, храброму и сильному боярину, чтобы тот стерег его в бою.

Ростислав же, увидев приход ратников, построил своих воинов — русских, угров и ляхов — и пошел против Даниила и Василька, а пехотинцев оставил у города стеречь ворота, чтобы из города не вышли на помощь Даниилу и не изрубили пороки (стенобитные машины. — *Н. Б.*). Исполчившись, Ростислав прошел овраг глубокий. Пока он шел против Даниила, дворский Андрей поспешил сразиться с Ростиславовым полком, потому что хотел предотвратить сражение с полком Даниила. Крепко копья ломались, как от грома треск был, и от обоих полков многие, пав с коней, погибли, а другие были ранены в этом жестоком копейном бою.

Даниил послал двадцать избранных мужей на помощь Андрею. Василий же Глебович, Всеволод Александрович, Мстислав, в то время как Андрей изнемогал, бежали назад к Сану. Андрей же, оставшись с малой дружиной, скача взад и вперед, крепко бился с врагами.

Видел Даниил, что ляхи упорно наступают на Василька и поют «корелеш», а в их полку громко редела труба.

Наблюдая Даниил вблизи битву Ростислава, в то время как Филия в заднем полку стоял со знаменем и говорил: «Русские стремительны в нападении: выдержим их натиск — они не могут выдержать долгого боя». Но Бог не услышал его похвалы: и пришел на него Даниил с Яковом Марковичем и с Шелвом. И вот Шелв был ранен, а Даниил захвачен, но вырвался он из рук Фили и оставил сражение. Однако, увидев утрина, скачущего на помощь Филе, пронзил его копьем, так что оно, вонзившись в него, сломалось, тот упал и умер. А о того гордого Филю сломал свое копье юный Лев. Даниил вскоре снова напал на Филю, разбил его полк и разорвал пополам его знамя. Увидев это, Ростислав побежал и угры обратились в бегство.

Пока Василько сражался с ляхами, братья разошлись и не видели друг друга. Ляхи ругались, говоря: «Гони долгобордых!» Василько же воскликнул: «Ваши слова лживы! Бог нам помощник».

Он прищпорил своего коня и поскакал. Ляхи не устояли и побежали от него. Тем временем Даниил погнался через глубокий овраг за уграми и русскими и избивал их, скорбя о брате, ибо не ведал о нем. Увидев же по его знамени, что он гонит ляхов, он сильно обрадовался.

Когда стал Даниил на холме против города, Василько к нему приехал. Даниил хотел преследовать врагов, Василько же воспрепятствовал этому. А Ростислав, видя свое поражение, оборотил коня своего на бег. Угры и ляхи многие были перебиты и захвачены в плен, и от всех многие были взяты в плен. Тогда же и Филя гордый был взят в плен дворским Андреем, и был приведен к Даниилу, и был убит Даниилом. Жирослав же привел Владислава, злого мятежника земли. В тот же день и он был убит и многие другие были убиты, в гнев. Даниил и Василько не пошли в город, и Лев стал на месте битвы, среди трупов, являя свою победу. Пока воины, устремившиеся в погоню, возвращались, вплоть до полуночи, привозя много добычи, всю ночь не кончались крики разыскивающих друг друга²¹.

Историческое значение битвы под Ярославом очень велико. Вот как оценивает его современный историк: «17 августа 1245 г. под стенами Ярослава состоялась одна из крупнейших битв в истории Европы XIII в. Кроме этого, в событиях тех дней завершилась (окончательно и бесповоротно) бушевавшая более 40 лет перманентная гражданская война на западе Руси. Династия Романовичей утвердилась как в Галиче, так и на Волыни. Ни о каких других претендентах на эти столы мы более не услышим»²².

В том же году Даниилу предстояло еще одно суровое испытание. И если в битве под Ярославом проявились его полководческие способности, то теперь ему необходимо было преобразиться в проницательного и осмотрительного дипломата. Батый прислал к нему своего посла, воеводу Мауци, с кратким требованием: «Дай Галич!» Доселе власть Орды простиралась лишь на киевскую и болховскую землю, лежавшую восточнее владений Даниила. Князь не платил дани татарам, хотя и не вел против них активных боевых действий. Теперь он оказался перед выбором: унижительный мир с Батыем — или смелая, но безрассудная война?

Победа под Ярославом была куплена дорогой ценой. Войско Даниила потеряло своих лучших бойцов. Воевать с татарами было попросту некому. Но и отдать Галич на разорение татарам Даниил не мог. Взвесив все, он принял мужественное решение: лично явиться в ставку Батыя и попытаться установить с ним мирные отношения.

Об этой поездке Даниила довольно подробно рассказывает Галицко-волынская летопись. Отдавая себя во власть татар, Даниил

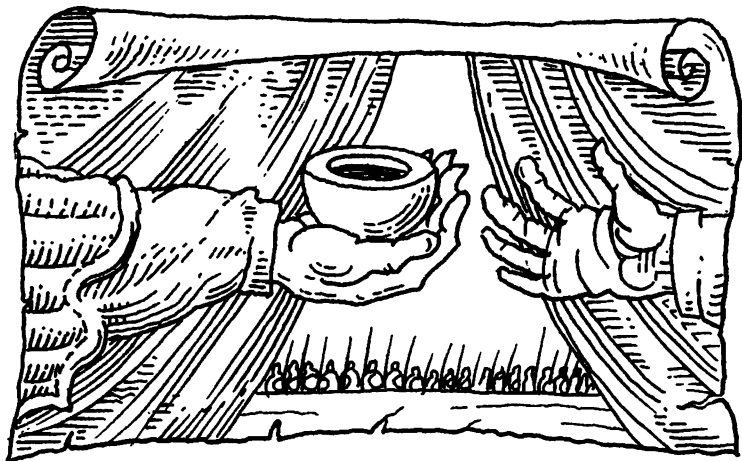
был готов ко всему. По дороге он часто молился, прося Бога и всех святых уберечь его от беды. Прибыв к Батыю, князь выполнил все обычаи, предписанные этикетом ханского двора. Правитель Орды принял его в своей походной юрте и встретил насмешливым — но с тайной угрозой — вопросом: «Даниил, почему ты раньше не приходил?» Помолчав, он добавил уже миролюбиво: «А сейчас пришел — это хорошо. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?» Даниил сказал: «До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью». Согласно представлениям того времени, православные христиане не должны были пить «нечистый» кумыс.

После приема у Батыя Даниил по обычаю Орды обошел с визитами и подарками всех влиятельных лиц ставки. Спустя двадцать пять дней после приезда он был отпущен назад. Орда признала его правителем галицко-волынской земли. Но признание это было куплено ценой унижения, подобного которому Даниилу не случалось прежде пережить. «Он пришел в землю свою, и встретил его брат и сыновья его, и был плач об обиде его и большая радость о здоровье его»²³.

Рассказав о поездке Даниила к Батыю, летописец не удержался от горестного послесловия: «О, злее зла честь татарская! Даниил Романович, великий князь, владел вместе со своим братом всей Русской землей: Киевом, Владимиром и Галичем и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом! Татары хотят дани, а он на жизнь не надеется. Надвигаются грозы. О злая честь татарская!»²⁴

Признание Батыем власти Даниила в галицко-волынской земле повысило его авторитет в глазах западных соседей. Венгерский король прежде отказывался выдать дочь замуж за сына Даниила Льва. Теперь он уступил. Летописец так прокомментировал решение короля: «Он боялся Даниила, потому что он был у татар, победил победою Ростислава и утров»²⁵.

Формально признав власть Орды, Даниил на деле принимал решения вполне самостоятельно. Его внимание занимали главным образом

литовские и центрально-европейские дела. Вместе с мазовецкими князьями он во второй половине 40-х гг. провел успешный поход во владения литовских князей. После того как великий князь литовский Миндовг в 1251 г. принял католичество, Даниил возобновил свои контакты с папской курией, начавшиеся еще в 1245—1248 гг. При помощи Рима он надеялся достичь прочного мира на своих западных границах и получить помощь соседних государств против татар. Папа Иннокентий IV охотно пошел на переговоры с Даниилом. В отличие от Александра Невского, резко отвергнувшего все предложения папских послов, само общение с которыми татары могли расценить как измену, Даниил подавал папским дипломатам определенные надежды. Логика внеш-

неполитических связей заставляла его искать поддержки на Западе. После четырехлетнего перерыва Даниил в 1252 г. возобновил переговоры с Римом. Одновременно он начал сложную дипломатическую игру, женив сына Романа на племяннице умершего в 1246 г. австрийского герцога Фридриха II Гертруде Баденберг. Решительным шагом со стороны Даниила должно было стать венчание присланным Папой королевским венцом. Понимая, что это вызовет ярость Орды, Даниил медлил. Однако в 1254 г. он решился. Коронация произошла в городе Дорогичине, на севере волынских владений Даниила.

К этому времени отношения Даниила с Ордой из формально верноподданнических превратились в откровенно враждебные. Князь изгнал татар из юго-восточной Галичины. В ответ Батый, положение которого укрепилось после прихода к власти в Монголии его союзника хана Менгу, в 1251 г. направил во владения Даниила войско под началом воеводы Куремсы. Дойдя всего лишь до Кременца, татары вскоре отступили без всякого успеха. Однако Понизье (юго-восточная часть галицкой земли) вновь перешло под их власть. Идти дальше, на Галич, татары не решались, зная могущество Даниила. Вскоре Даниил двинул войско в район верхнего течения Южного Буга («Побужье») и в верховья реки Случь. Эти области находились в подчинении у татар. Здесь, до самого Днепра на востоке, сложилась своего рода «буферная зона» между владениями Даниила и территорией собственно Орды.

В 1255 г. умер хан Батый. Это известие вызвало большую тревогу на Руси. Батый был относительно миролюбив и вполне доволен своей прежней воинской славой. После краткого правления сына Батыя Сартака к власти в Орде пришел хан Берке — брат умерше-

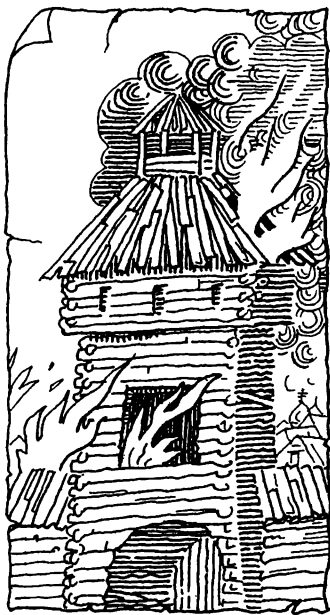
го. Он распорядился усилить наступление на северо-запад, выделив для этого дополнительные силы. В 1257 г. все тот же Куремса вновь вторгся на Волынь и осадил Луцк. Высланный им передовой отряд подошел к Владимиру, но был отогнан вооруженными горожанами. Даниил и Василько спешно собирали войска для отражения неприятеля. К несчастью, в новой столице Даниила, его любимом городе Холм, вспыхнул пожар, испепеливший все здания и укрепления. Вскоре татары сняли осаду Луцка и ушли из владений Даниила.

Однако в следующем году они вернулись. На этот раз во главе войска был поставлен опытный и энергичный Бурундай. «...Пришел Бурундай безбоянный, злой, со множеством полков татарских, хорошо вооруженных, и остановился в тех местах, где стоял Куремса, — повествует летописец. — Даниил воевал с Куремсой и никогда не боялся Куремсы, потому что Куремса никогда не мог причинить ему зла, пока не пришел Бурундай с большим войском. Послал он послов к Даниилу, говоря: «Я иду против Литвы. Если ты мой союзник, пойди со мной». Даниил с братом и с сыном стали думать в большой печали: знали они, что, если Даниил поедет, не будет добра. Посоветовались они, и поехал Василько вместо брата. Проводил его брат до Берестья и послал с ним своих людей»²⁶.

Коварный замысел ордынской дипломатии заключался в том, чтобы столкнуть между собой Даниила и литовских князей. Узнав об участии в походе Василька, литовцы захватили и убили сына Даниила князя Романа. Разорив несколько литовских областей, Бурундай ушел.

В 1259 г. татары применили тот же прием: войско Бурундая было послано на Польшу. Вступив в Галичину, он потребовал от Даниила и Василька: «Если вы мои союзники, встретьте меня. А кто меня не встретит, тот мой враг»²⁷. Даниил уклонился от встречи, выслав к татарам брата и сына Льва. Тогда Бурундай, выполняя указания хана Берке, потребовал от прибывших к нему русских князей: «Если вы мои союзники, разрушьте все укрепления городов своих». Не имея другого выхода, князья распорядились уничтожить укрепления Данилова, Стожка, Львова, Кременца и Луцка. Понимая, что татары мстят за его сопротивление Куремсе, Даниил почел за лучшее уехать в Польшу, а оттуда в Венгрию. Этим он надеялся спасти свою землю от дальнейшего разорения.

Однако Бурундай пожелал новых уступок. По его приказу Василько сжег укрепления Владимира. Вслед за этим он потребовал от князя отворить ворота Холма, жители которого готовы были к обороне. Князь на глазах у татар призвал осажденных к сдаче, но при этом условным знаком дал понять, что исполнять его требование не следует.

Убедившись, что Холм ему не взять, Бурундай двинул свое войско на Польшу. Там он захватил ряд городов, в том числе — Сандомир, где истребил всех без исключения жителей. После этого Бурундай увел своих татар обратно в степи.

После ухода ордынцев литовцы напали на Волынь. В ответ Василько предпринял успешный поход на некоторые литовские области. Захваченные в этом походе трофеи он отправил находившемуся в Венгрии Даниилу. Обрадованный вестью о победе и об уходе татар, Даниил вскоре вернулся на Русь. Последние три-четыре года его жизни прошли незаметно для современников. Летопись молчит о его деяниях. По-видимому, он отошел от дел и тихо доживал свой век в любимом замке Холм. Его мучали болезни и старые раны. Он размышлял о своей судьбе и очищал совесть молитвой, готовясь к скорой встрече со Всевышним...

Впрочем, в том, что Даниил «ушел в тень», был и определенный политический смысл. Его появление на политической сцене могло вызвать у татар новый приступ ярости, стать причиной еще одного похода Бурундая в галицко-волынские земли.

Там, в Холме (ныне город Хелм на территории Польши), Даниил и умер в 1264 г. Его тело было предано земле в построенной им церкви Успения Богоматери. Никаких следов ее до наших дней не сохранилось.

Исторические заслуги князя Даниила Галицкого несомненны. Объединив под своей властью Галицко-Волынскую Русь, он сумел обеспечить ее независимость в условиях сильнейшего давления со стороны враждебных соседей. Строительством новых городов — Львова, Холма, Данилова — он содействовал экономическому развитию края. Своей мужественной борьбой с татарами и западными соседями князь Даниил внес большой вклад в многовековую традицию борьбы русского народа за независимость.

Личность князя Даниила кратко и точно охарактеризовал известный русский историк прошлого столетия С. М. Соловьев. Его слова могли бы послужить своего рода эпитафией галицкому князю: «С блестящим мужеством, славолубием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединил способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, умением неуклонно стремиться к раз предложенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа»²⁸.

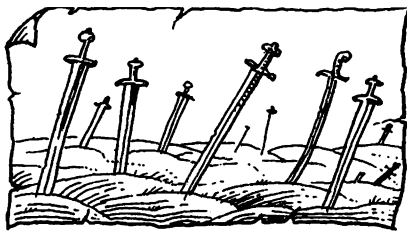
Сыновья и внуки Даниила не сумели сохранить целостности и независимости Галицко-Волинской Руси. Ее области уже в первой половине XIV в. были захвачены более сильными соседями. За долгие века они много раз переходили из одного подданства в другое. И все же подвиги князя Даниила не стерлись в памяти народа...

Время порой разительно меняет лик земли. Случается, что великие города умирают, пустеют. Даже и самое место, где они находились, не всегда возможно определить точно.

Древний Галич, где княжил когда-то Даниил, ныне неузнаваем. Он превратился в небольшое село Крылос, расположенное километрах в 10 от современного города Галича — районного центра Львовской области. Высокий холм, поднимающийся над торопливой речкой Луквой, уже не украшает венец из мощных стен и башен. Шум многолюдного города сменился глубокой тишиной сельского приволья. О далеком прошлом напоминают лишь земляные валы, раскрытые археологами фундаменты древних построек да всевозможные извлеченные из земли осколки и обломки, дремлющие в витринах небольшого местного музея.

Но более всего напоминает о былой славе исчезнувшего города поднявшийся близ Крылоса, у дороги Львов — Ивано-Франковск, рукотворный курган. Его венчает вонзенный в землю огромный меч. Символика этого простого, но выразительного монумента глубока. Курган — символ смерти и забвения; меч — символ мужества и славы. Из этих двух начал и возникает образ древнего Галича.

Своенравен и многоятежен был этот город. Огромных усилий требовала борьба с могущественными западными соседями, постоянно стучавшимися в его ворота. И потому не многим русским князьям удавалось получить и надолго сохранить галицкое княжение. Даниил был одним из тех, кому богатырский галицкий меч оказался по плечу.

ВНУК ИВАНА КАЛИТЫ

История мира — это биография великих людей.

Т. Карлейль

ысказывание знаменитого английского историка прошлого столетия Томаса Карлейля, вынесенное в эпиграф этой главы, быть может, слишком категорично. Однако в нем есть большая доля правды. Перефразируя известное евангельское изречение, можно сказать, что герои — соль истории. Как скучна, как пресна была бы она без этих выдающихся сынов человечества, без их ярких и, как правило, трагических судеб! Своей энергией и готовностью действовать герои воодушевляли народ, своей волей направляли к единой цели волю тысяч и тысяч людей.

Известный своим насмешливым отношением к великим людям прошлого русский историк В. О. Ключевский утверждал, что среди московских князей XIV—XV вв. не было выдающихся личностей. «Это средние люди Древней Руси, как бы сказать, больше хронологические знаки, чем исторические лица»¹.

Но для одного из них даже скептик Ключевский делал исключение. То был князь Дмитрий Иванович Донской. В шести поколениях московских князей он один «далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер 39 лет), исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня, четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону положили на него яркий отблеск Александра Невского...»²

О Дмитрие Донском, так же как и об Александре Невском, написано немало научных и научно-популярных трудов, художественных произведений. Трудно рассказать о нем, не повторяя тех немногих — и уже столько раз повторенных и истолкованных! — фактов, которые содержат источники. Эти факты — беглый конспект внешней стороны жизни Дмитрия. На их основе можно создать лишь бесплотный образ. Только вернув Дмитрия его эпохе, ее обстоятельствам и пред-рассудкам, ее верованиям и представлениям, можно «оживить» его, понять как личность.

Во вторник 12 октября 1350 г. в семье брата великого князя московского Семена Ивановича — 24-летнего Ивана и его жены,

княгини Александры, — произошло радостное событие: появился на свет первенец, сын. Младенца нарекли Дмитрием в честь святого воина Дмитрия Солунского, память которого по церковному календарю праздновалась 26 октября. Вероятно, родители княжича Дмитрия — как и всякие родители! — втайне мечтали о том, что их сыну суждено высокое предназначение. И они не ошиблись в своих ожиданиях.

Дмитрий Московский стал славен и знаменит во многом благодаря удачному стечению целого ряда внешних обстоятельств. В их числе следует отметить и религиозно-нравственную традицию московского княжеского дома, оказавшую огромное влияние на формирование его личности. Еще Ключевский верно отметил, что московские князья имели и бережно хранили «наследственный запас понятий, привычек и приемов княжения». Их действиями часто руководил «фамильный обычай»³.

В чем же заключалось это «отцовское и дедовское предание», эта коренная черта мировоззрения представителей московского княжеского дома?

При всем разнообразии лиц и характеров каждый из русских княжеских родов XIV в. имел какое-то трудноуловимое, но реальное, осознаваемое современниками своеобразие. Печать захудалости, а вместе с ней бедность, узость интересов, мелкие дразни стали в XIV столетии уделом некогда славного дома ростовских князей. К концу XIII в. род князя-философа Константина Ростовского (умер в 1218 г.) утратил две свои ветви — ярославскую и угличскую. Даже саму древнюю столицу, Ростов, правители около 1328 г. разделили на две половины, и в каждом «полу-Ростове» правила своя династия. Яркой отвагой и одновременно не знающей границ ненавистью друг к другу отмечены внутренние отношения рязанских и смоленских князей. Находясь «между молотом и наковальней», на степном и литовском порубежье, они жили в тревожном ожидании вражеского набега. Постоянное нервное напряжение выливалось порой в нечто похожее на приступы безумия.

Тверские князья уже в начале XIV в. по праву претендовали на роль политических руководителей Северо-Восточной Руси. Они первыми подняли знамя вооруженной борьбы с Ордой: в 1317 г. князь Михаил Тверской разгромил большой отряд татар в битве у села Бортенева близ Твери. Эхо этой битвы разнеслось по всей Руси. Однако гордый, своенравный род тверских князей отличался удивительной беспомощностью в сложной игре вокруг ханского престола. Кроме того, тверичи часто теряли чувство меры и брали на себя обязательства, выполнить которые они не могли. В итоге потомки Ярослава Ярославича Тверского (умер в 1272 г.) гибли один за другим от рук ханского палача и пополняли собой список чтимых церковью русских святых. В мужественной жертвенности тверских князей, их готовности сложить голову «за други своя» была какая-то безысходность. Это чувствовали и сами князья. Отчаяние толкало их на бессмысленные усобицы, которые разгорались уже в середине XIV в. В свои удельные споры тверичи все чаще вовлекали соседей — московских и литовских князей. Стяжавшие некогда славу мучеников, они теперь все чаще являются на сцене истории в роли заурядных себялюбцев.

В то время как тверские князья в начале XIV в. отличались на поприще святости, московские, напротив, запятнали себя целой чередой злодеяний. Младший сын Александра Невского, первый московский князь Даниил (1276—1304) не по праву завладел Переяславлем-Залесским и тем самым заронил семя будущей вражды между своими потомками и тверскими князьями. Его сын и наследник Юрий Данилович уморил в темнице пленного рязанского князя, подвел под нож ханского палача великого князя Михаила Ярославича Тверского (1285—1318).

Зная о готовящейся над ним расправе, Михаил не стал спасаться бегством «в иные земли», как это часто делали князья, навлекшие на себя гнев хана. Он мужественно явился на ханский суд и ценой своей жизни спас княжество от ордынского погрома. Вскоре после гибели Михаил стал почитаться в Твери как святой, мученически погибший «за христиан и отчину свою».

Юрий Данилович Московский провел свою жизнь в войнах и походах, добиваясь первенства. Желая обрести влиятельных покровителей, он женился в Орде на сестре хана Узбека. Крутого нрава Юрия побаивались даже его родные братья. Однажды семейный конфликт зашел так далеко, что братьям Юрия пришлось бежать из Москвы и искать спасения в Твери.

После гибели Юрия, убитого в Орде тверским князем Дмитрием Михайловичем 21 ноября 1325 г., московский престол занял его младший брат Иван. Он заложил основы могущества Москвы своей дальновидной и осторожной политикой. Став великим князем владимирским в 1328 г., Иван Данилович, по словам летописцев, даровал русским землям «великую тишину». Прекратились ордынские набеги, затихли княжеские усобицы. Иван решительно покончил с грабежами и разбоями на дорогах, укрепил феодальное правосудие. Словом, это был человек разума и порядка в мире, где властвовали буйные — то низменные, то возвышенные — страсти.

Все великие основатели новых форм человеческого общежития — а к их числу, несомненно, принадлежал и Калита — неизбежно сталкивались с нравственной проблемой, суть которой хорошо определил Э. Ренан: «Много великих целей не могло быть достигнуто иначе, как путем лжи и насилий. Если бы завтра воплощенный идеал явился к людям, для того чтобы править ими, — ему пришлось бы стать лицом к лицу с глупостью, которую надо обманывать, и со злостью, которую надо укрощать. Единственно безупречным является созерцатель, который стремится только открыть истину, не заботясь ни об ее торжестве, ни об ее применении»⁴.

Иван Данилович был не созерцателем, а политиком. В борьбе за власть он должен был не раз перешагивать через кровь. Дважды, в 1322 и 1327 гг., он сопровождал грабившие Русь ордынские «рати». Он подготовил казнь в Орде тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора в 1339 г. На его совести был настоящий погром Ростова, учиненный московскими воеводами в конце 20-х гг. Иван чаще других князей ездил в Орду, интриговал и заискивал там.

Но при всем том Иван был человеком идеи. Да и могло ли быть иначе? Ведь только вера в святость цели может хотя бы отчасти успокоить раненую совесть. Что же касается совести, то она — вопре-

ки распространенному мнению — в той или иной мере заложена в каждом из людей.

Итак, чем больше зла творил Иван, тем горячее была его вера. Он строил храмы и монастыри, искал случая услужить высшему духовенству и самому митрополиту Киевскому и всея Руси. Вероятно, и в этом была большая доля политического расчета: содействие или хотя бы невмешательство церковных верхов позволяло Ивану более уверенно идти к цели. Однако, как истинный сын своей эпохи, он часто думал о спасении души, боялся геенны огненной, ожидавшей грешников после смерти.

Желая примириться с Богом, Иван постоянно совершал то, что христианская мораль расценивала как добрые дела, которые смягчают участь грешника, позволяют надеяться на милосердие Всевышнего. Из висевшей на поясе сумы («калиты») он раздавал щедрую милостыню нищим, за что и получил свое оригинальное прозвище. Впрочем, источники донесли до нас и другое прозвище Ивана — Добрый⁵.

Устроив рядом со своим дворцом Спасский монастырь, князь стремился уподобиться иноку. Он постился, строго соблюдал обряды, простаивал ночи напролет в придворной молельне. По примеру своего деда — Александра Невского, Иван незадолго до кончины принял великую схиму. Вероятно, в память об отце он избрал монашеское имя Ананий. Так звали одного из «трех отроков» — мужественных сподвижников пророка Даниила. За отказ поклониться чужеземным кумирам три отрока — Ананий, Азарий, Мисаил — были брошены в огненную печь, а Даниил — в ров с голодными львами. Однако все они были спасены ангелом, посланным Богом.

Уже со времен Ивана Калиты причудливая смесь жестокости и расчетливости с истовым благочестием и «нищелюбием» стала родовой чертой московских правителей. Конечно, было бы неверно расценивать их склонность к покаянию как лицемерие. Несовместимость Власти и Евангелия воспринималась ими как личная трагедия, как постоянная глухая боль и угроза.

Украсив Москву россыпью новых каменных и деревянных храмов, устроив в ней достойную резиденцию для митрополита, Иван, по существу, превратил ее в церковную столицу Руси. В его сознании появилась мысль об особом покровительстве Москве со стороны Богородицы. Прежде ее любимым городом считался Владимир-Клязьме. Там, в посвященном ей Успенском соборе, хранилась чудотворная икона Владимирской Богоматери. С упадком Владимира и переносом резиденции великого князя в Москву Богородица должна была «переехать» на новое место. В 1326—1327 гг. в Москве для нее был построен новый белокаменный «дом» — собор Успения Богоматери. В источниках той эпохи его именно так и величают — «дом Пречистой Богородицы».

Духовное наследие Ивана Калиты сохранил и приумножил его сын, великий князь Семен Иванович (1340—1353). И по характеру, и по образу действий он весьма походил на отца. Властный и деспотичный, он по праву получил свое прозвище Гордый. В системе

христианской морали гордость считалась одним из главных пороков. Ее синонимами служили такие слова, как «дерзость», «наглость», «самонадеянность». В ту эпоху каждый знал грозные слова Священного Писания: «Бог гордым противится» (1 Пет., 5, 5).

Подобно отцу, Семен искал примирения с Богом на путях строительства храмов, «нищелюбия» и иных благих дел. Найдя общий язык с византийцами, он подготовил возведение на митрополичий престол московского монаха Алексея — сына черниговского боярина Федора Бяконта, приехавшего на службу к Даниилу Московскому в конце XIII в.

В глазах современников Семен, как и его отец, был великим грешником. На это указывали многочисленные проявления гнева Божьего, случившиеся в его княжение: неоднократно испепелявшие всю Москву пожары, страшные знамения в природе и наконец — «великий мор» начала 50-х гг. Жертвами неизвестной болезни — по-видимому, легочной чумы — стали все члены семьи великого князя, за исключением его третьей жены княгини Марьи. Сам Семен скончался 26 апреля 1353 г. В своем завещании он умолял наследников исполнить его распоряжения и не враждовать друг с другом, «чтобы свеча не угасла». В этих словах напоминание о святости московского дела — «собирания Руси».

Спустя месяца полтора после кончины Семена умер и его младший брат Андрей. И вновь люди заговорили о том, что гнев Божий не утихнет до тех пор, пока не истребит кровавый дом Даниила.

25 марта 1354 г., в самый праздник Благовещения, на великое княжение владимирское возшел по воле Орды последний оставшийся в живых сын Калиты — Иван, прозванный Красным, т.е. красивым. В это время московский княжеский дом по мужской линии состоял — не считая самого Ивана — из одних лишь малолетних детей: двух сыновей Андрея (Ивана и Владимира) и двух — Ивана (Дмитрия и Ивана). В случае внезапной смерти Ивана московскому делу грозили тяжкие испытания. Быть может, именно сознавая это, Иван как правитель был осторожен до робости.

Почувствовав слабость правителя, московские бояре принялись люто враждовать друг с другом. Дело дошло до политических убийств и массовых отъездов боярских семей из Москвы. Словно раздавленный непосильным для него бременем власти, Иван Красный умер, что называется, в расцвете сил, в возрасте 33-х лет. Это произошло 13 ноября 1359 г.

Своеобразие личности Ивана и то впечатление, которое он производил на современников, хорошо передает одна фраза из «Истории российской» В. Н. Татищева. В основе ее — характеристики летописцев. Под 1359 г. сообщается: «Преставился благоверный, христолюбивый, кроткий, тихий и милостивый князь великий Иван Иванович»⁶.

Оставшись без отца, князь-отрок Дмитрий обрел себе иных учителей жизни. Главным из них стал митрополит Алексей. Этот умный и властный иерарх вложил в сознание Дмитрия ту же мысль, которую два века спустя внушил юному Ивану Грозному его духовный наставник митрополит Макарий. То была мысль об особом предназначении, уготованном ему Богом.

«Горе тебе, земля, когда царь твой отрок», — восклицал библейский мудрец Екклесиаст (10, 16). Слова эти, должно быть, часто вспоминали в Москве в начале 60-х гг. XIV в. Ссылаясь на малолетство Дмитрия Московского, его тезка, 37-летний суздальский князь Дмитрий Константинович, в 1360 г. выхлопотал в Орде ярлык на великое княжение владимирское. 22 июня 1360 г. он торжественно въехал в древнюю столицу Залесья. Московским боярам и митрополиту Алексею стоило большого труда вернуть внуку Калиты утраченную верховную власть. Лишь в 1363 г. Дмитрий утвердился на великом княжении владимирском. Началась новая, героическая эпоха в истории Северо-Восточной Руси...

Рассказу о княжении Дмитрия Донского Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» предпослал такое рассуждение: «Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом, нежели силою: настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные Гением России: ибо гром их пробудил ее спящую славу и народу уничтоженному возвратил благородство духа. Сие важное дело не могло совершиться вдруг и с непрерывными успехами: Судьба испытывает людей и Государства многими неудачами на пути к великой цели, и мы заслуживаем счастье мужественною твердостью в противностях онаго»⁶.

Непривычно для нашего слуха звучит эта речь. Она отталкивает нас своей вышренностью, а более всего — искренним воодушевлением, которое в наш век безверия и бесплодной насмешливости кажется почти оскорбительным. Нам так и хочется одернуть автора, заставить замолчать, а еще лучше — сознаться в лицемерии, в желании заслужить своим патриотизмом милость самодержца и вместе с нею десяток деревень в Симбирской губернии.

Но не будем спешить с охулением и осмеянием. Старый Карамзин знал нечто такое, что недоступно не только нынешним глубоко-мысленным служителям Клио, но и равным ему по значению прежним мастерам историографии. Он знал, что вера есть дар, который грешно зарывать в землю. Он не прятался за кулисами ссылок на труды предшественников, но смело появлялся перед читателем со своими собственными чувствами и размышлениями. Карамзин верил в величие России, любил ее славу, скорбел о ее уничтожении — и не стыдился показывать это.

Убеденный, что история есть предмет не столько познания, сколько описания, он интересовался преимущественно людьми, творившими ее. Не имея в источниках достаточно материала для написания полнокровных, достоверных портретов деятелей, он в каждом из них выделял одну-две наиболее яркие черты (методика, отчасти сходная с приемами работы летописца).

Историки, пришедшие на смену Карамзину, решили познать прошлое — эту нереальную реальность, это отражение собственного лица в бездонном омуте вечности. Карамзин же был в душе поэт, и потому в нем жила бесхитростная мудрость ребенка. Не ожидая от яблони апельсинов, он требовал от истории лишь одного: она должна помочь нам жить. В «Истории государства Российского» каждый из деятелей прошлого словно бы дает читателю урок: добродетель благотворна, порок губителен.

Но Карамзин не ограничивался историко-портретной живописью. Он знал великую целительную силу созерцания потока вре-

мени. Тяжкие бедствия, выпавшие на долю наших предков, неизбежная смерть героев, падение целых государств — все это в какой-то мере примиряет нас с собственными несчастьями, с безрадостно и однообразно текущей жизнью. Историк как бы дарит углубившемуся в его труд читателю вторую жизнь — пусть иллюзорную, но зато полную подвигов, цветущую безрассудством и страстями. Преисполненный глубочайшего уважения к минувшему — чувства, почти незнакомо позднейшим историкам, — он стремился сделать свой стиль достойным предмета. В торжественной размеренности его многосложных фраз есть что-то от неторопливого движения священника в храме.

Дмитрий Донской был едва ли не самым любимым героем Карамзина. Да и могло ли быть иначе? Как ни в ком другом, красота действия сочеталась в этом князе с красотой и благородством цели. Историк говорит о Дмитрии тепло и проникновенно: «...Никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Дмитрий, за его великодушные, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие...»⁷

Но вернемся к рассказу о беспокойной юности князя Дмитрия: в эти годы он сформировался как правитель и воин. Суздальско-московский спор решался то военными, то дипломатическими средствами. Его напряженность усиливалась из-за отсутствия единой власти в Орде, где в конце 50-х гг. XIV в. началась затяжная династическая смута. Историки подсчитали, что за период с 1357 по 1381 г. на престоле Золотой Орды побывало 25 ханов.

Война между двумя Дмитриями завершилась совсем как в сказке: свадебным пиром. Суздальский князь Дмитрий Константинович почел за лучшее уступить москвичу великое княжение владимирское и заключить с ним союз. В знак вечного мира Дмитрий Московский женился на дочери суздальского князя Евдокии. Венчание состоялось в воскресенье 18 января 1366 г.⁸

Какие впечатления и мысли вынес Дмитрий Московский из этой первой в его жизни большой войны? Первое из них, несомненно, заключалось в том, что сила важнее права. В данном случае право — традиция престолонаследия, возраст, боевые заслуги — было на стороне суздальского князя, но сила — на стороне москвичей. И право уступило силе.

Впрочем, воспитатели Дмитрия, вероятно, позаботились о том, чтобы избавить его от укоров совести таким рассуждением: род Даниила имеет собственное, основанное на его заслугах перед Русью право считать великое княжение владимирское своей «вотчиной», т.е. наследственным, неотчуждаемым владением.

Второй урок суздальской войны вытекал из первого. Орда не в праве распоряжаться «вотчиной» московских князей — великим княжением владимирским. Ее власть не вечна. Ей можно повиноваться, а можно и оказывать сопротивление, отстаивая свою правду с оружием в руках. Юный Дмитрий размышлял: уже истекло более столетия «томления бесерменского». И не настал ли час для исполнения пророчества: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь

опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя» (Исайя, 33, 1). Так говорил Исайя — один из самых чтимых и читаемых на Руси в ту пору ветхозаветных пророков.

Согласно средневековым представлениям о мире, события настоящего представляют собой лишь своего рода вариацию на ту или иную тему Ветхого или Нового Завета. В текстах Библии находили ответ на вопросы современности. В темных глаголах пророка Исайи, предсказывавшего великие бедствия Иерусалиму, искали откровения о судьбе порабощенной чужеземцами Руси.

В сознании князя Дмитрия понятие «воля Божья», возвышаясь над прочими, не исключало, однако, и понятия «право». Следует заметить, что в ту эпоху понятие «право» было очень туманным, тогда как понятие «сила» — вполне конкретным. Однако и «право» все же существовало, опираясь главным образом на два взаимосвязанных и весьма уважаемых представления — «старина» и «порядок». Издавна существовал порядок, согласно которому старший по возрасту среди князей имел право быть старшим и по положению. Преимущество возраста — один из коренных устоев человеческого общежития — признавалось и в вопросах разделения власти. Другим несомненным правом каждого князя было владение тем или иным «столом», причем в принципе любой мог претендовать и на самый почетный из них — великий владимирский «стол».

Но как в первом, так и во втором случае право не срабатывало само собой. Оно должно было сочетаться с реальной военной силой, способной обеспечить осуществление этого права.

Новизна политических взглядов Дмитрия Московского заключалась не в том, что он силой добывал то, на что в принципе имел право, а в том, что он с помощью той же силы решил искоренить сам принцип общего для всех князей права претендовать на высшую власть в Северо-Восточной Руси. Точно так же Дмитрий попытался устранить мешавший ему принцип равенства всех князей перед лицом церкви.

Главной опорой в осуществлении этого переворота в области представлений о миропорядке была, разумеется, московская военная мощь. Ее зримым воплощением стала возведенная в Москве зимой 1367—1368 гг. белокаменная крепость. Постройка этой крепости поразила современников не только небывалым размахом работ. В ней было нечто особое, многозначительное. Ни один город Северо-Восточной Руси не имел в ту пору каменных стен. Их

возведение было бы воспринято Ордой как вызов. Москва решилась сделать этот вызов. Пять лет спустя каменный кремль начал строить у себя в Нижнем Новгороде и князь Дмитрий Константинович.

Постройка каменной крепости стала первым сознательным шагом князя Дмитрия Московского по пути, который со временем приведет его на Куликово поле. Именно тогда, во второй половине 60-х гг., произошел какой-то важный сдвиг в самосознании московских руководителей, и в первую очередь самого внука Калиты. С чуткостью, свойственной только умному и наблюдательному врагу, этот новый взгляд на себя и окружающих отметил тверской летописец. Приведем его суждение в оригинале, по-древнерусски: «Того же лета (1367) на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою»^{*9}.

Среди обстоятельств, повлиявших на формирование личности князя Дмитрия Московского в 60-е гг., следует отметить и еще одно — эпидемию «моровой язвы», выкосившую едва ли не половину всего населения Северо-Восточной Руси. «Был мор великий, страшный», — восклицает летописец, повествуя о событиях 1364 г.¹⁰ По-видимому, именно «черная смерть» унесла мать Дмитрия княгиню Александру и его младшего брата Ивана. Теперь весь род Даниила сводился лишь к двум отрокам — Дмитрию Московскому и его двоюродному брату Владимиру Серпуховскому. Старший брат Владимира Иван умер еще в конце 50-х гг.

Однако гнев Божий и на сей раз не коснулся Дмитрия Московского. Несомненно, и окружающие, и сам он увидели в этом знак Провидения. Всевышний явно хранил его для чего-то важного, необычайного. Вероятно, он не раз спрашивал себя: в чем оно, это его высшее предназначение? И постепенно в сознании юного князя родилась и окрепла вера в то, что именно он, Дмитрий, призван совершить великое: поднять знамя вооруженной борьбы за независимость Руси от чужеземцев. «Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения — в пределах твоих; и будешь называть стены твои спасением и ворота твои — славою» (Исайя, 60, 18).

На протяжении нескольких веков русские князья вели непрерывную борьбу с хозяевами степей — кочевниками. В этом историческом противостоянии отличились некогда Владимир Красное Солнышко и Владимир Мономах, герои «Слова о полку Игореве» и князья, сложившие головы на реке Калке. Дмитрий Московский шел вослед своим героическим предкам, черпал мужество в рассказах об их подвигах. Однако в его эпоху борьба с «погаными» была несравненно более тяжелым, сложным делом, чем прежде.

Правильно понять суть этой задачи, которую поставил перед собой юный Дмитрий Московский, можно лишь ответив на коварный в своей наивности вопрос: что такое монголо-татарское иго? Во всей обширной научной литературе по этой теме на него, в сущности, нет убедительного ответа. Такое положение во многом объясняется неко-

торыми особенностями письменных источников XIII—XV вв. Парадоксально, но факт: русские летописи как бы не знают никакого «ига». В отношении русских писателей XIII—XV вв. к Орде — «Золотой» ее тогда никто не называл — есть нечто загадочное, непонятное. О ней говорят как о чем-то постороннем, чуждом и малоинтересном. Орда подается летописцами как некая «черная дыра», куда время от времени исчезают и откуда потом появляются русские князья, откуда приходят и куда возвращаются грозные «рати». Но что происходит там, на месте, как выглядит Орда, как живет — все это скрыто стеной молчания летописцев. Нет и самостоятельных литературных произведений на эту тему.

Нашим предкам нельзя отказать в любознательности и стремлении записать новые впечатления. Русскими путешественниками XIII—XV вв. подробно описаны Константинополь и Святая Земля, страны Центральной Европы и даже далекая Индия. Однако не сохранилось ни одного созданного русским человеком описания Орды. Что это: форма протеста угнетенных или равнодушие к чему-то давно знакомому, почти «своему»? На этот вопрос можно отвечать лишь гадательно...

Эта странная или, лучше сказать, непознанная черта мироощущения русских людей XIII—XV вв. дает некоторые основания для самых смелых предположений. В последнее время их высказывают все чаще. Одни считают, что монголо-татарское иго — это миф, созданный историками для оправдания вековой отсталости России; другие развивают идею о «добрососедских» отношениях между Русью и Ордой. Существует мнение, что только с помощью татар русские сумели остановить наступление западных и северо-западных соседей — немцев, шведов и литовцев. Благодаря противодействию Орды был положен предел католической экспансии на Восток.

Несомненно, в этих построениях больше любви к парадоксам и неприятия «школьной» системы оценок, нежели серьезных аргументов. Однако слабое место современной исторической науки найдено точно: понятие «монголо-татарское иго» давно нуждается в конкретизации. В отношении к татарам, конечно, было очень много традиционного, восходящего ко временам борьбы с половцами или печенегам. Военные столкновения не исключали общения, а порой и породнения со степными соседями. Впрочем, все предшествующие монголо-татар были для Руси исключительно внешней опасностью. Орда проникла внутрь: создала целую систему военно-политического воздействия на положение дел в стране, разработала надежный механизм систематического сбора налогов в свою казну.

В ситуации был и еще один принципиально новый момент — религиозный. В отличие от печенегов, половцев и самих монголов времен Чингисхана и Батыя, исповедовавших различные формы шаманизма, ордынская знать XIV столетия была преимущественно мусульманской. Столица Орды во времена хана Узбека (1313—1341) становится вполне мусульманским городом — со множеством мечетей и медресе, с заунывными криками мулл, сзывающих правоверных на молитву. Как складывались отношения между ордынским исламом и русским православием? И на этот вопрос источники не

дают ответа. Вся мусульманская тема словно вырвана из летописей чьей-то властной рукой. Молчат о ней и другие русские письменные источники XIII—XV вв. И это опять-таки позволяет строить самые различные догадки.

Впрочем, даже если предположить, что молчание источников отражает реальность: холодное безразличие русских к «вере Магомета» и отсутствие какой-либо мусульманской проповеди на Руси, то и тогда мы не можем уйти от очевидности: идея «священной войны» — эта любимая идея западноевропейского Средневековья — была слишком соблазнительной и многообещающей, чтобы внук Калиты и его наставники могли оставить ее без внимания. Не забудем, что Русь еще не уплатила дань охватившему всю Европу в XII—XIII вв. лихорадочному энтузиазму крестовых походов.

Именно эта идея «священной войны» — и только она одна! — могла наполнить конкретным содержанием то смутное ощущение избранности, которое волновало юного Дмитрия Московского. Можно думать, что жажда подвига «за веру» была не чужда и союзникам Дмитрия — суздальским князьям. Их религиозный энтузиазм поддерживался проповедями знаменитого подвижника Дионисия — игумена Печерского монастыря в Нижнем Новгороде.

Однако, прежде чем начинать борьбу с Ордой, Москва и Нижний Новгород должны были обезопасить себя от удара в спину, приведя к покорности сильнейших русских князей. Это оказалось далеко не простым делом. Попытка москвичей расправиться с молодым и энергичным тверским князем Михаилом Александровичем, заманив его на переговоры, окончилась неудачей. Разъяренный Михаил призвал на помощь литовского великого князя Ольгерда (1345—1377) — своего шурина.

Тяжелая война с Литвой лишь в 1372 г. завершилась благополучно для Москвы. Ольгерд, убедившись в невозможности захватить Москву или подчинить своей власти ее князей, отказался от дальнейшей бессмысленной вражды и заключил мир с Дмитрием.

Успешная борьба с многоопытным Ольгердом — одним из лучших полководцев восточноевропейского Средневековья, стяжавшим себе громкую славу разгромом татар в битве под Синими водами (1362 г.) и освобождением от их власти стольного Киева, — несомненно, укрепила веру Дмитрия в собственные силы. Вместе с тем война с Литвой многому научила его, стала своего рода практической школой военного искусства.

Москвичи внимательно присматривались к приемам, с помощью которых Ольгерд достигал успеха в войнах с немцами, татарами, поляками, а порой и с русскими. Называя язычника, «огнепоклонника» Ольгерда «безбожным» и «нечестивым», летописец отмечает и его достоинства. Он не пил ни вина, ни пива, имел великий разум и подчинил многие земли, втайне готовил свои походы, воюя не столько числом, сколько умением.

Ни один из трех походов Ольгерда на Москву — в 1368, 1370 и 1372 гг. — не привел к взятию города. Однако литовцы дошли до самых ее стен, страшно разорили Подмоскovie. Горькие уроки Ольгерда оченьгодились Дмитрию при подготовке к войне с Мама-

ем в 1380 г. Князь убедился в том, что ни в коем случае не следует допускать врага на свою территорию и позволять ему грабить села и волости. Как бы ни был силен враг, лучшее средство защиты — это смелое, внезапное нападение. Дмитрий твердо усвоил и еще один урок Ольгерда: успех войны в огромной степени зависит от хорошо налаженной разведки и умения хранить в тайне свои собственные планы.

Большую помощь Дмитрию в борьбе с Ольгердом оказал митрополит Алексей. Именно он, используя свое положение главы церкви, настойчиво стремился превратить борьбу с Ольгердом в «священную войну», участие в которой — нравственный долг каждого христианина. Алексей отлучал от церкви тех князей, которые действовали против Москвы в союзе с Ольгердом, отпускал грехи воинам, которые, нарушив клятву, данную литовскому князю, переходили на сторону Дмитрия.

Все материальное могущество митрополичьей кафедры, весь ее религиозный авторитет Алексей поставил на службу московскому делу. Во время первой «литовщины» он находился в осажденной Москве и воодушевлял ее защитников. Во время второй, находясь в Нижнем Новгороде, митрополит, несомненно, имел беседы с князем Борисом Константиновичем — зятем Ольгерда и давним врагом Москвы. Можно думать, что именно воздействие церкви заставило Бориса отказаться от совместного с Ольгердом нападения на Москву.

В 60-е и в начале 70-х гг. XIV в. главу Русской церкви можно было сравнить с широко известным в ту эпоху образом Николы Можайского: выпрямившись во весь рост, святитель держит в одной руке храм, в другой — меч. На деле убедившись в том, какую пользу может принести Москве «свой» митрополит, Дмитрий позднее сделает все возможное, чтобы поставить во главе Русской церкви человека, всецело преданного роду Калиты.

Завершение войны с Литвой не означало еще примирения с тверским князем Михаилом. Лишившись могущественного покровителя, бесстрашный внук Михаила Святого в одиночку продолжал борьбу. В 1369—1372 гг. он выстроил в своей столице новую кре-

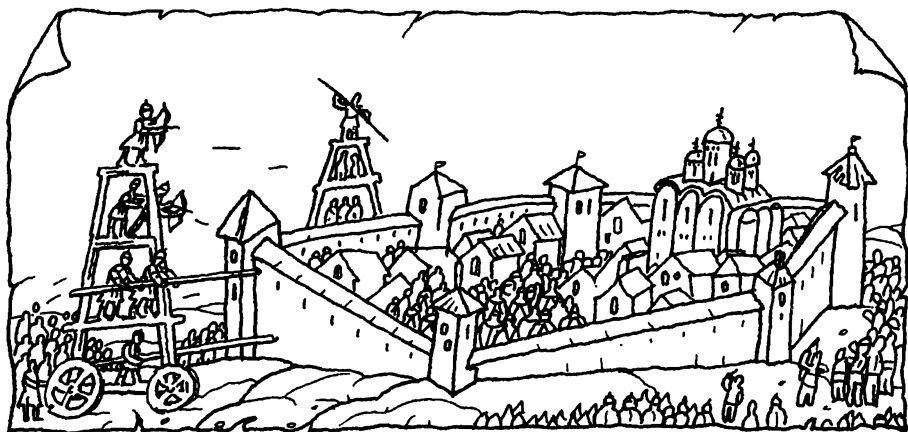
пость. По тем временам это было мощное, впечатляющее сооружение. Глубокие рвы, высокие земляные валы, обмазанные глиной бревенчатые стены и башни выглядели внушительно и неприступно. Однако примечательно, что Михаил не смог — или не захотел — построить каменную крепость, подобную московской.

Не надеясь в одиночку справиться с Михаилом, москвичи создали для его усмирения целую коалицию боевых сил. В нее вошли представители всех княжеских домов Северо-Восточной Руси — суздальско-нижегородского, ростовско-белозерского, ярославского, а также князя из чернигово-брянской династии. В войне с Тверью приняли участие и новгородцы.

Летом 1375 г. огромное войско, верховным предводителем которого был Дмитрий Московский, вступило во владения Михаила Тверского. Главной целью этого похода — как, впрочем, и большинства военных предприятий той эпохи — было ослабление могущества соперника путем разорения его земель. Участники коалиции, по выражению летописи, «тяжко пленили» тверское княжество. На деле это означало, что все оказавшиеся на их пути деревни и села были сожжены, а жители угнаны в плен. Все, что можно было унести или угнать, становилось добычей победителей, а остальное разрушалось и предавалось огню.

В военном отношении поход 1375 г. не отличался особым блеском. Князь Дмитрий действовал вполне традиционно, по науке отцов и дедов. Подойдя к Твери, где засел с дружиной Михаил, москвичи и их союзники попытались взять крепость штурмом. Это произошло в среду, 8 августа 1375 г.

Рано утром взвыли сигнальные трубы, загрохотали боевые барабаны. В воздухе просвистели первые стрелы. Тысячи и тысячи воинов со всех сторон бросились на штурм затаившейся крепости. Можно думать, что, назначив штурм на раннее утро, Дмитрий надеялся застать тверичей врасплох, спросонья. Однако и Михаил не даром ел свой княжеский хлеб. Уроки Ольгерда — разведка, бдительность — и ему пошли на пользу. Тверь в этот утренний час была готова к отпору.

По приказу Дмитрия в ход пошли испытанные штурмовые средства. К стенам Твери медленно двинулись огромные деревянные башни на колесах — «туры». Внутри них на расположенных в несколько ярусов помостах укрывались нападающие. Преодолеть крепостные рвы помогал «примет» — бревна, доски, жерди, которые несли с собой наступающие. Пользуясь тем, что его войско было весьма многочисленным, Дмитрий приказал вести штурм «около всего города», т.е. со всех сторон одновременно. Именно так поступали при штурме городов татары. Возможно, князь использовал и другой их прием: непрерывное, «посменное» ведение штурма с целью не дать осажденным ни минуты отдыха.

Наконец, настал миг, когда победа, казалось, была уже близка. Осаждающие зажгли мост через ров у Тьмацких (по реке Тьмаке) ворот города. Вот-вот могла загореться и сама проезжая башня, а за ней и вся стена. Однако внезапно осаждающие отступили: опасность грозила им с тыла. Выбрав удобный момент, князь Михаил с отборным отрядом совершил внезапную вылазку. Тверичи набросились на «туры», перебили сидевших там воинов, а сами башни сожгли или разбили.

Штурм крепости продолжался до самого вечера, однако успеха не принес. Убедившись в прочности тверской обороны, союзники решили отказаться от новых попыток взять город штурмом и приступили к планомерной осаде. Тверь была окружена «острогом» — прочным тыном, затруднявшим внезапные вылазки осажденных. Через Волгу были наведены мосты, по которым могли в случае необходимости быстро переправиться войска, стоявшие на левом берегу реки.

По ночам сотни костров образовывали как бы огромное огненное кольцо, в центре которого таился погруженный во мрак осажденный город. Осада Твери продолжалась около месяца. В городе начался голод. Народ волновался и требовал от князя пойти на переговоры с москвичами. Потеряв надежду на помощь со стороны Ольгерда или татар, Михаил решил уступить. 3 сентября 1375 г. при посредничестве тверского епископа Евфимия был заключен мирный договор. Михаил признавал себя «младшим братом» Дмитрия Московского, клялся помогать ему в борьбе с любым врагом и не затевать против него никакой «крамолы».

Победа над Тверью показала, какие огромные возможности дает хотя бы временное соединение княжеских сил во имя общей цели. Дмитрий понимал, что Литва и Орда постараются любыми средствами расколоть антитверской союз, воспрепятствовать дальнейшему усилению Москвы. Сохранить единство и по окончании тверского похода можно было лишь обратившись к решению другой общерусской задачи — созданию надежной системы обороны от татарских набегов.

В том случае если Москва принимала на себя главную роль в решении этой задачи, ее естественными союзниками становились все князья, владения которых лежали у границ с Ордой.

Обаяние героической личности Дмитрия Московского ничуть не поблекнет, если мы признаем очевидное: на войну с Ордой его толкали не только патриотические чувства и религиозный энтузиазм.

Этого требовала сама логика внутривосточной борьбы, ясное понимание того, что в новых условиях именно слава победителя Орды — а вовсе не традиционная для московских князей унижительная роль ее фаворита! — может обеспечить устойчивое главенство в политической системе Северо-Восточной Руси. В середине 70-х гг. XIV в. Дмитрий Московский открыто отказывается от прежней московской политики умиротворения Орды. Отныне он ищет успеха не в том, чтобы ближе других подойти к ханскому престолу, а, напротив, в том, чтобы предстать перед Русью в качестве ее главного защитника от «злого татарина».

По мнению некоторых историков, новая политика князя Дмитрия была определена в конце 1374 — начале 1375 г. на двух княжеских съездах в Переяславле-Залесском. Поводом для первого из них послужило рождение в семье Дмитрия еще одного сына — Юрия. Однако среди хмельных пиров и соколиной охоты князя находили время и для раздумчивых бесед «на трезвую голову». В них исподволь намечались очертания нового расклада сил в Северо-Восточной Руси.

Основой общерусского антиордынского союза князей должен был стать «двуумвират» зятя и тестя — Дмитрия Московского и Дмитрия Нижегородского. Отныне внук Ивана Калиты при первом же известии о вторжении татар в русские земли должен был послать на помощь местным князьям свои войска. Эта стратегия кажется нам простой и естественной. Но для людей той эпохи она означала целый переворот в политическом мышлении. Повсюду господствовал тогда «удельный» взгляд на мир с его примитивно-эгоистической логикой безусловного приоритета местных интересов.

Объединение боевых сил вскоре после победы над Тверью принесло союзникам новый успех. В марте 1377 г. объединенное московско-нижегородское войско совершило успешный поход на город Болгар — крупнейший центр ордынской торговли в Среднем Поволжье. Взяв большой выкуп, русские посадили в городе своего наместника и сборщика таможенных пошлин.

Летописец с явным удовольствием описывает подробности этого победного похода русских. Он рассказывает, как «поганные бесермены» — примечательное соединение язычников и мусульман в некий собирательный образ религиозного отчуждения! — пытались испугать лошадей русских воинов и с этой целью выехали на невиданных ими животных — верблюдах. Осажденные использовали самострелы (вероятно, огромных размеров), а также какие-то неведомые приспособления, которые «пускали гром». Однако все ухищрения «бесермен» оказа-

лись напрасными. Русские воины не дрогнули перед невиданным оружием и одержали победу. Большая заслуга в этом принадлежала князю Дмитрию Михайловичу Волинскому, в будущем — герою Куликова поля. Именно он по поручению Дмитрия Московского командовал всеми полками в болгарском походе.

Московско-нижегородский союз и активные действия русских в Среднем Поволжье вызвали серьезное беспокойство в Орде. Там после затяжных смут возвысился могущественный правитель — темник Мамай. Летом 1377 г. отряды Мамаея совершили опустошительные набеги на нижегородские и рязанские земли. Одновременно из-за Волги, из Синей Орды (степи Западной Сибири и Казахстана), явился некий «царевич Арапша», цель которого заключалась в нападении на юго-восточные окраины Руси. Вероятно, Арапшу навел на нижегородские земли не кто иной, как Мамай.

2 августа 1377 г. на юго-восточной окраине нижегородского княжества, близ границы с владениями мордовских князей, московско-нижегородское войско было разгромлено внезапно напавшими на него татарами.

И собралось великое войско, и пошли они за реку, за Пьяну. И пришла к ним весть о том, что царевич Арапша на Волчьей Воде. Они же повели себя беспечно, не помышляя об опасности: одни — доспехи свои на телеги сложили, а другие — держали их во вьюках, у иных сулицы оставались не насаженными на древко, а щиты и копья не приготовлены к бою были. А ездили все, расстегнув застежки и одежды с плеч спустив, разопрев от жары, ибо стояло знойное время. А если находили по зажиткам мед или пиво, то пили без меры, и напивались допьяна, и ездили пьяными. Поистине — за Пьяною пьяные! А старейшины, и князья их, и бояре старшие, и вельможи, и воеводы, те все разъехались, чтобы поохотиться, утеху себе устроили, словно они дома у себя были.

А в это самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из Мамаевой Орды на князей наших. А князья ничего не знали, и не было им никакой вести об этом. И когда дошли наши до Шипары, то поганые, быстро разделившись на пять полков, стремительно и неожиданно ударили в тыл нашим и стали безжалостно рубить, колотить и сечь. Наши же не успели приготовиться к бою и не в силах ничего сделать, побежали к реке, к Пьяне, а татары преследовали их и избивали¹¹.

Поражение русских на Пьяне позволило татарам в 1377—1378 гг. осуществить еще целый ряд опустошительных набегов на нижегородские и рязанские земли. Едва-едва наладившийся оборонительный антиордынский союз князей оказался под угрозой распада. Повсюду стали слышны разговоры о том, что Дмитрий Московский не в силах справиться с ролью военного «сторожа» Русской земли, главы княжеского союза. Спасти престиж внука Калиты, смыть позор поражения на Пьяне могла только крупная победа над татарами, одержанная под командованием самого Дмитрия Московского. И вот в августе 1378 г., узнав о вторжении в рязанскую землю посланного Мамаем воеводы Бегича, князь Дмитрий выступил на помощь рязанцам. Впрочем, он защищал не только их, но и свое собственное княжест-

во: расправившись с Рязанью, Бегич намеревался двинуться на Москву. Два войска встретились в рязанской земле, на берегу небольшой речки Вожи.

Подлинный героизм скуп на слова и не любит патетики. В лаконизме летописного рассказа об этой битве отразилась важная черта мировоззрения самого князя Дмитрия и его окружения, которую можно определить как деловитость. Война была для них прежде всего повседневным делом, своего рода ремеслом, которое требует пота и крови, опыта и сноровки, но отнюдь не нуждается в словесных украшениях.

В год 6886 (1378). В этом же году ордынский князь, поганый Мамай, собрав многочисленное войско, послал Бегича ратью на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую.

Великий же князь Дмитрий Иванович, услышав об этом, собрал много воинов и пошел навстречу врагу с войском большим и грозным. И, переправившись через Оку, вошел в землю рязанскую и встретился с татарами у реки, у Вожи, и остановились обе силы, а между ними была река.

По прошествии немногих дней татары переправились на эту сторону реки, и, нахлестывая коней своих и закричав на своем языке, пошли рысью, и ударили на наших. А наши ринулись на них: с одной стороны Тимофей окольныхий, а с другой стороны — князь Даниил Пронский, а князь великий ударил в лоб татарам. Татары же сразу побросали копья свои и побежали за реку за Вожу, а наши стали преследовать их, рубя и коля, и великое множество перебили их, а многие из них в реке утонули. И вот имена убитых князей их: Хазибей, Коверга, Карабулук, Костров, Бегичка.

А когда приспел вечер, и зашло солнце, и померк свет, и наступила ночь, и сделалось темно, то нельзя было гнаться за ними за реку. А на другой день с утра стоял сильный туман. А татары как побежали вечером, так и продолжали бежать в течение всей ночи. Князь же великий в этот день только в предобеденное время пошел вслед за ними, преследуя их, а они уже далеко убежали. И наехали в поле на брошенные становища их, и шатры, и вежи, и юрты, и алачуги, и телеги их, а в них бесчисленное множество всякого добра, и все это брошено, а самих нет никого — все побежали в Орду.

Князь же великий Дмитрий возвратился оттуда в Москву с победой великой и рати свои распустил по домам с большой добычей. Тогда были убиты Дмитрий Монастырев да Назарий Данилов Кусаков. А побоище это произошло одиннадцатого августа, в день памяти святого мученика Евпла-диакона, в среду вечером. И помог Бог князю великому Дмитрию Ивановичу, и одолел он ратных, и победил врагов своих, и прогнал поганых татар.

И посрамлены были окаянные половцы, возвратились со стыдом, потерпев поражение, нечестивые измаильтяне, побежали гонимые гневом Божиим! И прибежали они в Орду к своему царю, вернее же, к пославшему их Мамаю, потому что царь их, которого они в то время имели у себя, никакой властью не обладал и ничего не смел делать без согласия Мамаю, а вся власть была в руках Мамаю, и он владел Ордой.

Мамай же, увидев разгром дружины своей, остатки которой прибежали к нему, и узнав, что погибли князья, и вельможи, и алпауты и что много воинов его побито, сильно разгневался и разъярился

злойбой. И в ту же осень, собрав уцелевшие силы свои и набрав много новых воинов, пошел стремительно ратью, изгоном, не подавая вестей, на Рязанскую землю. А князь великий Олег не изготавился и не встал на бой против них, но побежал из своей земли, а города свои бросил и бежал за Оку-реку. Татары же пришли и захватили город Переяславль и другие города, и сожгли их, и волости и села повоевали, и много людей убили, а иных в полон увели и вернулись в свою страну, причинив много зла земле рязанской¹².

Среди ордынских вельмож поражение на Воже вызвало сильные раздоры. Однако сторонники новой попытки покорения Руси взяли верх. Опустошив Рязанскую землю, Мамай расчистил себе путь на Москву. Понимая, что этот поход решит его судьбу, Мамай не спешил. На протяжении всего 1379 и первой половины 1380 г. ордынский правитель копил силы, искал союзников, вербовал наемников. Он наладил связи с великим князем литовским Ягайло, нанял в Крыму отряд генуэзцев.

Одновременно Мамай пытался добиться успеха самым простым способом: уничтожив Дмитрия или же по меньшей мере рассорив его с главным союзником — князем Владимиром Серпуховским. Обосновавшийся в Мамаевой Орде беглый московский боярин Иван Вельяминов послал в Москву своего человека, «некоего попа», у которого при аресте обнаружили «злых зелей лютых мешок». Для кого берег он эти яды — нетрудно догадаться. Впрочем, летописец не сообщает подробностей дела, добавляя лишь, что поп был сослан в северное захолустье — на озеро Лаче. Примечательно, что князь не решился казнить священника.

Летом 1379 г. и сам Иван Вельяминов тайно вернулся из Орды в русские земли. Выполняя волю Мамаю, он должен был, пользуясь своими старыми связями в Москве, посеять раздор между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Серпуховским. Возможно, он имел какие-то подлинные или ложные свидетельства «неблагонадежности» Владимира, которые и должен был через своих людей подбросить великому князю. Своевременно узнав о замысле Ивана Вельяминова, князь Владимир с помощью своих людей выследил его и перехватил на пути в Москву. После этого Владимир помчался к великому князю и рассказал ему обо всем. Вслед за ним в Москву привезли пленного Вельяминова¹³.

Князь Дмитрий Иванович понимал, сколь много значит для него в этот момент «единчество» с братом. Желая доказать ему свою дружбу, а вместе с тем — припугнуть боярскую и посадскую оппозицию, великий князь приказал казнить изменника. Насколько известно, это была первая публичная казнь в Москве. Летописец сообщил о ней кратко, но с каким-то особым вниманием к деталям. «Того же лета месяца августа в 30 день, на память святого мученика Феликса, во вторник до обеда в час дни убиен бысть Иван Васильев сын тысяцкого, мечем потят бысть на Кучкове поле у города у Москвы, повелением князя великого Дмитрия Ивановича»¹⁴.

Не прошло и двух недель, как горе пришло в дом самого князя Дмитрия. 11 сентября умер его сын Семен. Несомненно, молва связала эти два события воедино: князь согрешил, казнив своего родича (сестра жены Дмитрия была замужем за братом казненного), — и за это его постигла Божья кара.

В то время как Мамай любимыми средствами старался повредить Дмитрию, ослабить его могущество, великий князь также не терял времени даром. Стремясь помешать союзу наследника Ольгерда Ягайло с Мамаем, он искал дружбы с теми литовскими князьями, которые недовольны были возвышением Ягайло.

В самом конце 1379 г. московский князь решил «вбить клин» между владениями Ягайло и кочевьями Мамаея, утвердившись в Среднем Поднепровье. 9 декабря 1379 г. из Москвы выступило большое войско, которым командовали Владимир Серпуховской, воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский и перешедший на сторону Москвы литовский князь Андрей Ольгердович. Московская рать направилась в чернигово-северские земли, овладела Трубчевском и Стародубом. Провивший в Трубчевске литовский князь Дмитрий Ольгердович без боя сдал город и «отъехал» на службу к московскому князю. Некоторые историки полагают, что в результате этого похода на сторону Дмитрия Ивановича перешел и киевский князь Владимир Ольгердович.

Занятый переговорами с Орденом и «выяснением отношений» со своим дядей Кейстутом, великий князь литовский Ягайло не смог оказать московским воеводам сопротивления или нанести ответный удар. Сильное движение против его власти поднялось в это время также на Волыни и в Подолии, где в роли наместников сидели родные и двоюродные братья великого князя литовского, а также его дядя Любарт Гедиминович.

* * *

Вторая половина июля издавна была на Руси добрым, радостным временем. 20 июля церковь чествовала пророка Илью. В хорошее лето к этому дню начинал попевать хлеб, и крестьяне говорили: «Новый хлеб на Ильин день». По этому случаю устраивали складчины. Вся община — «мир» — садилась за длинные столы, уставленные напитками и снедью. Работать на Ильин день запрещалось, чтобы не прогневать хозяина небесного огня. Гроза — а вместе с ней и столь желанный для земледельца теплый июльский ливень — считалась делом пророка Ильи, развезжавшего по небу в огненной колеснице. Ему же молились и о хорошей погоде, о прекращении затяжных дождей.

Старики, потерявшие счет своим длинным годам, сидя на заварочке, вздыхали: «На Илью до обеда лето, а после обеда осень». Иные тайком вспоминали в этот день древнего бога грозы и молний Перуна, в укромных местах приносили ему требы.

Уже через четыре дня после Ильи следовал другой праздник — «Борис и Глеб». Святых братьев чтили по всей Руси, но особенно там, где они при жизни бывали, — в Ростове, Муроме и, конечно, в Киеве. У простолюдинов праздник Бориса и Глеба также был связан с урожаем — «на Борис и Глеб поспевает хлеб». Для князей он служил напоминанием о пагубности усобиц.

Далее, в дни Богородицына поста, шел целый ряд праздников — Спасов. 1 августа — Всемиловитый Спас, праздник чисто русский, установленный еще Андреем Боголюбским. В народе первый Спас называли Медовым. В этот день подрезали мед в ульях. Духовенство 1 августа освящало воду в реках, совершало к ним крестные ходы, и потому первый Спас называли еще Мокрым.

Второй Спас — память преображения Иисуса Христа на горе Фавор — в обиходе называли Яблочным. Он отмечался 6 августа.

16 августа, на другой день после Успения Богоматери, праздновали «перенесение Нерукотворного Образа Иисуса Христа из Едеса в Царьград», а по-народному — Ореховый, или Хлебный, Спас.

В эти томные, радующие всяческим изобилием дни зрелого лета князья, как и простолюдины, любили потешить себя пирами, иными утехами грешной плоти. Но не такой, как обычно, а тревожной, суетной была для московских земель вторая половина лета 1380 г.

Ходили слухи, что Мамай сумел собрать для похода на Русь громадное войско, в состав которого, кроме самих «татар» (под этим термином русских летописей скрываются главным образом потомки половцев и приведенных Батыем разноразличных кочевников Азии), входили отряды наемников из италийских городов-колоний в Крыму (генуэзцы, армяне), а также полки, выставленные по требованию Мамаея правителями народов Среднего Поволжья и Северного Кавказа. Это было поистине нашествие «двунадесяти языков».

На помощь Мамаю обещал прийти великий князь литовский Ягайло. Двучленную политику повел оказавшийся «между молотом и наковальней» князь Олег Рязанский. Устрашенный погромом его владений татарами в 1379 г., он обещал быть верным союзником Мамаея. Одновременно он дал знать князю Дмитрию Ивановичу о подготовке ордынского нашествия.

23 июля в Москву примчался гонец с «поломянной» («огненной») вестью о том, что Мамай выступает в поход на Русь. Тотчас ко всем русским князьям, а также в Новгород и Псков поскакали «скороверники» с призывом высылать отряды на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу. Местом сбора всех сил была назначена Коломна. Сюда в период с 1 по 15 августа должны были прийти все полки, идущие навстречу Мамаю.

В эти последние предгрозовые недели обстановка в Москве была во многом похожа на ту, которая предшествовала другому важнейшему событию русской истории — походу Ивана III на Новгород в 1471 г. Повсюду заметно было сильное религиозное воодушевление, вызванное не только приближением битвы — Божьего суда, но также и торжественными, многолюдными церковными действиями.

В середине лета, когда Мамай уже нацеливался на Русь, в новой крепости на южной границе московского княжества — Серпухове — был освящен Троицкий собор — первый в Северо-Восточной Руси городской собор во имя Троицы — небесного символа братской любви и единения. Его торжественное освящение состоялось в воскресенье, 15 июля. Это был день памяти «небесного покровителя» — серпуховского князя — святого Владимира, крестителя Руси, общего предка всех русских князей. Имя Владимира часто вспоминали накануне Куликовской битвы. Оно напоминало о могущественной и независимой Киевской Руси, о подвигах былинных богатырей.

День 15 июля был связан и с памятью об Александре Невском, еще в конце XIII в. причисленном к лику святых. Свою знаменитую победу над шведами на Неве он одержал в воскресенье,

15 июля 1240 г. — ровно за 140 лет до освящения храма в Серпухове.

Усиленное молитвенное обращение к Александру Невскому летом 1380 г. проявилось в особом чуде. О нем рассказывал очевидец — пономарь, спавший летом прямо на паперти собора Владимирского Рождественского монастыря, где был погребен Александр. Среди ночи в храме сами собой зажглись свечи. Два таинственных старца вышли из алтаря, подошли к гробнице святого и воззвали: «О господине Александре! Востани и ускори на помощь правнуку своему, великому князю Дьмитрию, одолеваему сушу от иноплеменик»*. В тот же миг князь встал из гроба и вместе с двумя старцами стал невидим. Узнав о видении пономаря, владимирские клирики вскрыли гробницу Александра и обнаружили его нетленные мощи — верный признак святости¹⁵.

Летом 1380 г. строительство новых храмов велось не только в Серпухове, но и в другом южном форпосте московских земель — Коломне. Здесь спешно достраивали каменный Успенский собор. Однако торопливость повредила делу. В начале июля почти готовый храм рухнул. Не успели к осени 1380 г. завершить и начатый в 1379 г. каменный Успенский собор в московском Симоновом монастыре — у дороги, по которой войска шли из Москвы на Коломну. Оба храма являлись воплощенным в камне молитвенным призывом к Богородице.

К середине августа, когда истек срок сбора полков в Коломне, когда разведка сообщила о предполагаемой численности войск Мамаю, Дмитрий понял: под его знамя съехалось столько воинов, сколько едва ли удавалось собирать его отцу и делу, и все же войско «поганных» может оказаться куда более многочисленным, особенно если на помощь татарам явится Ягайло со своими русско-литовскими полками.

В этой ситуации единственной надеждой князя Дмитрия становились ополченцы, московский посадский люд и крестьяне, способные хоть кое-как вооружиться и, бросив свои очаги и нивы, отправиться в поход. Ему нечего было пообещать им, кроме верной смерти. О принуждении не могло быть и речи. Даже если бы ему удалось силой собрать ополченцев и погнать их навстречу Мамаю — они бы попросту разбежались с дороги, растаяли в лесах, ушли в иные земли.

У москвичей были свои счеты с Дмитрием. Он разорял их тяжкими даяниями, теснил их старинную вольность, отнял у них заступника и ходатая — тысяцкого. Потомок Рюрика, он смотрел на этих плотников и кузнецов, кожевников и гончаров с высоты своего боевого седла, из-за спин злобных, как цепные псы, телохранителей. Городской люд жил совсем иной, непонятной и чуждой для него жизнью. Впрочем, и сам он был для посадских людей далекой, хотя и необходимой для общего порядка жизни фигурой. Еще дальше был он от своих «сирот» — крестьян.

И вот теперь он должен был просить их помощи, их крови во имя затеянной им рискованной тяжбы с Мамаем. Но как докричаться до них? Как заставить поверить в благородство своих целей, в то, что в случае неудачи он, как это часто делали другие князья, не бросит их на произвол судьбы, огрев нагайкой своего быстрого коня?

И Дмитрий нашел единственно правильное решение. Кто-то, чье слово значит для простонародья больше, чем его собственное, должен как бы поручиться за него перед Русью, породнить его с могучей силой земли. Должно быть, поначалу эта мысль показалась князю нелепой, почти оскорбительной для его княжеского достоинства. Однако он вновь и вновь возвращался к ней и все отчетливее понимал, что непременно должен взыскать себе «поручника святого».

Таким поручителем не мог быть кто-либо из тогдашних московских иерархов. Народ всецело доверял одному только Сергию Радонежскому — игумену Троицкого монастыря, расположенного в 65 верстах к северо-востоку от Москвы. К нему и отправился Дмитрий с небольшой свитой перед самым выступлением в поход...

* * *

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и познакомить читателя с человеком, который сыграл важную роль в судьбе князя Дмитрия, долгое время был его духовным отцом и наставником. В памяти потомков, в произведениях литературы и искусства, посвященных Куликовской битве, Дмитрий Донской и Сергей Радонежский неизменно стоят рядом, как соратники и единомышленники, как представители разных сторон одного и того же исторического явления — русского национального возрождения.

О жизни и учении Сергия известно очень мало. До наших дней не сохранилось каких-либо его произведений — посланий, поучений, проповедей. Почти все то немногое, что мы знаем о «великом старце», как называли Сергия современники, содержится в его житии, написанном монахом Епифанием Премудрым в 1417—1418 гг. В середине XV в. труд Епифания был отредактирован другим известным средневековым книжником — Пахомием Логофетом и лишь в этом виде дошел до наших дней.

Будущий подвижник родился около 1314 г. в Ростове, в семье боярина Кирилла и его жены Марии. Детство и отрочество Варфоломея — так звали Сергия до пострижения в монахи — совпало с самым тяжелым периодом в истории Ростова. Город постоянно опустошали ордынские «рати», над жителями глумились лютые татарские «послы». Бедствия древнего города усугублялись действиями соседних русских князей. В 1328 г. Иван Калита послал в Ростов своих воевод, которые учинили здесь настоящий погром. Вскоре после этого родители Варфоломея уехали — или были насильно вывезены — из Ростова и поселились в селе Радонежском (позднее — городок Радонеж), располагавшемся в 55 верстах к северо-востоку от Москвы, в слабозаселенном лесном крае. Здесь, на холмистых берегах речки Пажи, прошла юность Варфоломея.

Родители Варфоломея были убеждены в том, что их среднему сыну суждена необычайная судьба. Уже само его рождение сопровождалось чудесными знаменами. Когда мальчику было семь лет, он повстречал таинственного старца, который предрек ему великую будущность. А вскоре он внезапно преуспел в учении, быстро обогнав своих сверстников. Со временем и сам Варфоломей уверовал в свою богоизбранность. Он ощутил в себе силы для подвига, однако еще не знал, что именно он должен совершить. Но чем

больше он размышлял над окружающей его жизнью, чем страшнее была действительность, тем яснее видел он путь, на котором должен был исполнить свое предназначение.

Подобно большинству людей своего времени, Варфоломей познавал мир с помощью традиционных, идущих от Священного Писания идей и образов. Чужеземное иго он считал одной из казней Божьих. Всевышний может сменить гнев на милость лишь в том случае, если люди перестанут нарушать Его заповеди. Но как заставить людей раскаяться в злодеяниях, начать новую жизнь? Одними лишь словами и увещаниями поделаться ничего нельзя. Ведь даже такие прославленные проповедники, как владимирский епископ Серапион, не смогли изменить мир своими пламенными речами. Несомненно, людям необходимо постоянно иметь перед глазами пример для подражания. Таким образом веры и благочестия в христианстве издавна служило монашество. «Миру свет иноки, инокам свет ангелы», — учил один из отцов христианского монашества Иоанн Лествичник.

Однако русские монастыри в первой половине XIV в. отнюдь не могли служить школой христианских добродетелей. Почти все они находились в городах или рядом с ними. Каждый монастырь имел своего влиятельного покровителя — князя, боярина или архиерея — и существовал главным образом за его счет. В обителях царили произвол и распущенность. О предписанном отцами монашества равенстве братьев никто и не вспоминал. Каждый иннок жил в соответствии со своими доходами. Богатые люди, уходившие под старость в монастырь, могли устраиваться там с привычными удобствами.

Хорошо зная быт современных ему русских монастырей, Варфоломей пришел к выводу, что настоящий иноческий подвиг возможен только вне их стен. В его душе зародилось желание вступить на путь отшельничества. Личным примером, полным самоотречением юноша решил осуществить идею об иноческом свете миру. После кончины родителей (около 1337 г.) Варфоломей покинул Радонеж и отправился навстречу своей судьбе.

Он поселился в урочище Маковец — в глухом лесу, примерно в 10 верстах северо-восточнее Радонежа. Со временем он принял монашеский постриг и новое имя — Сергей. Вокруг отшельника собралась небольшая община. Братья построили деревянную церковь во имя Троицы. Благодаря «высокому житию» маковецких иноков их обитель стала известна далеко за пределами Радонежья. Народ высоко чтит игумена Сергия за его бескорыстие, готовность словом и делом помочь каждому обездоленному. Молва разносила весть о чудесах, которые совершал лесной подвижник.

Сам Сергей не гнался за славой чудотворца, пытался помешать распространению такого рода слухов. Однако в этом он был не властен. Людям очень нужна была его сверхъестественная сила. Вокруг Сергия возникло какое-то небывалое духовное напряжение, созданное горячей верой, мольбами и надеждами множества людей. Чуткая впечатлительная натура Сергия должна была бессознательно пойти навстречу общему чаянию. Ему стали слышаться небесные голоса, начали наяву видаться райские птицы и ангелы, а однажды явилась даже Сама Богородица в сопровождении апостолов Петра и Иоанна. Сергей уверовал в свою способность провидеть будущее и не раз изрекал то грозные, то радостные пророчества. Во всем этом не было никакого шарлатанства. Человек Средневековья, Сергей жил, думал и чувствовал по его законам.

Через всю жизнь Сергей пронес мечту об освобождении Руси от чужеземного ига. В сущности, весь его жизненный путь был посвящен ее осуществлению через снискание монашеским подвижничеством милости Божьей к Русской земле.

17 августа 1380 г. Дмитрий приехал на Маковец. Внезапное появление знатного гостя взволновало монахов. Игумен принял князя с обычным радушием, но без тени подобострастия. Убеденный в равенстве людей перед Богом, он был одинаково приветлив с бездомным странником и хозяином всей Московской Руси.

До поздней ночи просидел Дмитрий в келье у Сергея, рассказывая старцу о своих заботах и тревогах, исповедуясь, как перед причастием. Дмитрий был до конца откровенен с игуменом и высказал заветное: ему нужно было не просто благословение, но и какие-то зримые всем воинам свидетельства того, что великий старец признал борьбу с Мамаем «священной войной». Проводив князя на ночлег, Сергей велел созвать к себе наиболее уважаемых старцев. Глубокой ночью в его келье состоялся монашеский совет...

На следующее утро Дмитрий и его свита присутствовали на литургии, которую служил сам Сергей. День был воскресный, и потому служба отличалась особой торжественностью и продолжительностью. Князь нервничал, спешил назад, в Москву. Однако Сергей уговорил его отобедать в монастырской трапезной, «вкусить хлеба их». Это был не просто жест вежливости. Обед с иноками, за их столом считался своего рода причастием, очищающим от грехов.

Сергей сам подал князю хлеб и соль. Этим двум вещам он придавал особое значение. Хлеб — не только в виде просфоры, но и как таковой — был для него символом Самого Иисуса. Он не раз повторял слова Спасителя: «Я есмь хлеб жизни» (От Иоанна, 6, 35). Соль еще с апостольских времен означала благодать. «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому» (1-е Кор., 4, 6). Подавая князю блюдо, игумен произнес: «Хлеб да соль!» Эти слова были его обычным благословением¹⁶. Князь встал и с поклоном принял блюдо.

После трапезы Сергей окропил Дмитрия и его спутников святой водой. Осенив князя крестным знаменiem, он громко, так, чтобы слышали все, воскликнул: «Пойди, господине, на поганья половци, призывая Бога, и Господь Бог будет ти помощник и заступник!» Потом, наклонившись к князю, Сергей добавил тихо, так, чтобы слышал он один: «Имаши, господине, победита сущестаты своя»¹⁷.

Игумен подозвал к себе двух иноков. Князь узнал обоих: боярин Андрей Ослябя, ушедший спасать душу на Маковец, и недавно принявший монашеский постриг молодой Александр Пересвет.

Дмитрий с недоумением смотрел на одеяния иноков. Оба были облачены в «шлем спасения» — островерхий кукуль с вышитым на нем крестом. Это был «образ великой схимы». Князь знал, что Сергей не любил давать своим инокам схимы, избегая любого признака неравенства между братьями.

Обращаясь к Дмитрию, Сергей сказал: «Се ти мои оружницы»^{*18}. И тут князь понял все. Эти два инока и есть то зримое свидетельство благословения, которое он вчера просил у старца. Старец постриг их в великую схиму, и теперь, верные иноческому послушанию, они готовы были следовать за князем на битву. По понятиям иноков, схема символизировала доспех, в котором монах выходил на бой с дьяволом.

Дмитрий понял, как много дал ему Сергей в лице этих двух иноков. Пересвет и Ослябя — люди не безвестные. Увидев их, каждый сразу догадывается, кто послал их с княжеским войском. А их необычное одеяние без слов доскажет остальное.

Великий князь осознал и то, как трудно далось это решение старцу, какой подвиг самопожертвования совершил он в эту ночь. Сергей не только посылал своих духовных детей на смерть, но также совершал прямое нарушение церковных законов. Четвертый Вселенский Собор в Халкидоне постановил: монах не должен вступать в военную службу. За нарушение этого запрета он подвергался отлучению от церкви. Принцип иноческого послушания перекладывал этот грех на плечи игумена, благословившего своих монахов на

пролитие крови. Посылая иноков на битву, Сергей рисковал собственным спасением души.

Низко поклонившись, Дмитрий поцеловал руку игумена, потом выпрямился, глянул в синие, чуть поблекшие от времени глаза Сергея — и, стремительно повернувшись, пошел к воротам. Там, за оградой, его уже ждала собравшаяся в дорогу свита. Стремянный держал наготове княжеского коня. Легко вскочив в седло, Дмитрий с места пустил своего застоявшегося жеребца широкой рысью.

Когда Сергей вышел за ворота, небольшой отряд уже скрылся в заросшей тальником ложбине. Но вот вдали, на взгорье, появилась фигура передового всадника. Статный, в развевающемся на ветру алом плаще, на снежно-белом коне, Дмитрий удивительно похож был в этот миг

на святого Георгия-змееборца, каким его обычно изображали русские иконописцы. Привстав на стременах, князь издал помахал на прощанье рукой и, хлестнув коня, окончательно скрылся из глаз...

Благословение великого старца, несомненно, укрепило доверие московского простонародья к своему князю, решимость ополченцев насмерть стоять под стягом внука Калиты. Авторитет радонежского игумена позволил высоко поднять знамя «священной войны».

Глядя на монахов-воинов, каждый вспоминал известное изречение апостола Павла: «Если Бог за нас, кто против нас?» (Римлянам, 8, 31). Эти слова вселяли надежду, укрепляли малодушных. Не случайно в середине века их часто писали на лезвиях клинков, на медных боках колоколов.

Далеко не все литературные произведения, посвященные Куликовской битве, сохранили рассказ о поездке князя Дмитрия к Сергию. Это позволяет некоторым историкам оспаривать достоверность события. По их мнению, легенда о Пересвете и Ослябе была создана церковными писателями первой половины XVI в.

Такое суждение, основанное на цепи спорных умозаключений и предположений, нельзя признать убедительным. «Забычивость» источников в данном случае вполне понятна: большинство древнерусских писателей были церковными людьми. Участие монахов в битве представлялось им чем-то странным, противозаконным. Оно было понятно и необходимо именно в те особые, необычные дни, предшествовавшие великой битве. Но как только забылась сама атмосфера «священной войны», присутствие монахов в войсках князя Дмитрия стало казаться церковным книжникам неуместным. Переписывая старые летописи, они опускали этот необычный сюжет. Только произведения фольклорного, светского характера — «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» — сохранили с разной степенью полноты сообщение о монахах-ратоборцах.

20 августа 1380 г. московские полки выступили в поход. Этому предшествовал торжественный молебен в Успенском соборе, посещение князем могил предков в храме Михаила Архангела. Путь русского войска лежал на юг. Там, в верховьях Дона, неторопливо передвигался со своей армией Мамай, поджидавший идущего ему на помощь Ягайло.

Уже в пути были получены грамоты от Сергия. Глашатаи читали их перед полками. Старец благословлял все русское войско, сулил ему победу над «погаными». Тех, кто уцелеет в битве, ожидает слава, а тех, кому суждено погибнуть, — венцы мучеников.

Очень трудно восстановить детали похода князя Дмитрия навстречу Мамаю и увенчавшего этот поход победного сражения — Куликовской битвы. Три главных источника, повествующие об этих событиях, — «Летописная повесть», «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» — во многом противоречат не только друг другу, но и самим себе: в списках каждого из них есть существенные разночтения. Дело еще более усложняется тем, что все эти источники дошли до нас не в «авторском экземпляре», а в вольных копиях, изготовленных не ранее чем сто лет спустя после Куликовской битвы: это заставляет опасаться, что в текст внесено много того, что диктовалось запросами и пристрастиями переписчиков. Наконец, нельзя забывать, что «Задонщина» и «Сказание» — литературные произведения, а не военные реликвии. Их создатели описывали события по законам художественного творчества.

Зыбкость источников приводит к тому, что практически по всем ключевым военным вопросам — численность обеих армий, их состав, точные даты этапов похода, действия предводителей полков, даже место сражения — историки не могут дать точного ответа. Споры, идущие между ними по тем или иным обстоятельствам дела, имеют затяжной и нескончаемый характер, так как речь идет не более чем о построении и опровержении гипотез, не подлежащих проверке в силу специфики самого предмета истории — прошлого. Построение гипотез, выдаваемых за открытия, — это увлекательное занятие, бесплодность которого является основной профессиональной тайной историков, — несомненно, будет продолжаться и впредь. Соблюдая нехитрые правила игры и ревностно оберегая от непосвященных секреты ремесла, можно ни о чем более не беспокоиться. Время, словно добродушный великан, снисходительно смотрит на игры ученых, отважно щекочущих ему ноздри копыями своих перьев.

И все же в океане неведомого и сомнительного можно обрести несколько островков достоверного. Осмыслив все, что известно о роли князя Дмитрия в победе над Мамаем, нельзя не признать: его личный вклад был очень велик. Семь или восемь недель, прошедшие от получения Дмитрием известия о движении Мамаю до дня, когда он узнал об отходе Ягайло, князь провел в огромном нервном напряжении. И причиной тому была не только тревожная атмосфера тех дней. Избранная Дмитрием стратегия борьбы с Мамаем — во многом продиктованная обстоятельствами — была основана на принципе, который точнее всего можно определить словом «риск».

Разумеется, риск всегда присутствует в военном деле. Однако степень его различна. Дмитрий рисковал более чем кто бы то ни было, так как сознательно вступил на путь смелых импровизаций, сценой для которых была история Руси, а платой за неудачу — бедствия целого народа.

Первое необычное решение московского князя заключалось в том, чтобы не ждать подхода татар на левом берегу Оки, у бродов, или же в стенах московской каменной крепости, а двинуться им навстречу, в глубь Дикого поля. Этот путь был пугающе схож с походом южнорусских князей против татар в 1223 г., завершившимся разгромом и гибелью всего войска на реке Калке. С тех пор русские, кажется, ни разу не пытались вторгнуться в степь. Воспоми-

нения о битве на Калке вставали как глухая угроза. Однако Дмитрий преодолел страх. Он рисковал — но в случае успеха мог выиграть очень многое: встретить Мамаю прежде, чем тот успеет соединиться с Ягайло.

Второй раз Дмитрий рискнул всем, когда, избрав позицию на Куликовом поле, отдал приказ переправляться через Дон и разрушать за собой мосты. Этим он лишал своих воинов и себя самого последней надежды — в случае неудачи спастись бегством. Им оставалось только два исхода: победить или погибнуть. Однако, сделав победу единственным условием спасения — ставка не для слабых духом! — Дмитрий вновь выиграл очень многое.

Своими природными особенностями Куликово поле давало полководцу ряд преимуществ, которыми он умело воспользовался. Перед битвой русское войско было построено так, что фланги и тыл были защищены от внезапного удара татар естественными препятствиями — Доном, Непрядвой и мелкими речками, а также лесом (Зеленой дубравой). Татары не смогли применить на Куликовом поле свой излюбленный прием — фланговый охват. Дмитрий заставил Мамаю атаковать русское войско «в лоб», что вело к наибольшим потерям для атакующих и требовало от них особых усилий. Такой «сценарий» сражения был оправдан и психологически: привыкшие побеждать стремительным набегом, татары быстро теряли боевой пыл в затяжном рукопашном бою.

И последний, третий раз рисковал Дмитрий, и на сей раз прежде всего своей собственной головой, становясь в ряды обреченного сторожевого полка. Лишь чудом избежав гибели, он сумел этим самоотверженным поступком, личным участием в битве, вселить мужество в своих воинов, ободрить ополченцев, впервые вставших в чистом поле против стремительной и страшной татарской конной «лавы».

Итак, готовность идти на огромный риск — но риск не бесцельный, а глубоко осмысленный, принесший победу, — вот основа поведения князя Дмитрия в борьбе с Мамаем. В смертельной игре, которую он вел со степным драконом, — таков был древний восточный символ победы, изображенный на монгольских знаменах, — Дмитрий проявил не только смелость, но и нечто большее: проницательность, почти гениальность. Пять поколений русских князей, предков Дмитрия, не напрасно проводили целые годы в Орде: они научились понимать «поганных», разгадали их слабые стороны, изучили повадки. Их горький опыт — опыт раба, изучающего привычки своего господина в тайной надежде когда-нибудь зарезать его, — пророс в сознании правнука безошибочным знанием. Дмитрий чувствовал противника, как чувствует зверя опытный лесовик-охотник.

«Куликовская битва достопамятна не только храбростию, но и самым искусством», — утверждал Н. М. Карамзин¹⁹. Действительно, отчаянный риск и личное мужество соединились в ней с холодным и точным расчетом полководца.

Свое войско Дмитрий построил на Куликовом поле в обычном для того времени порядке: в центре — большой полк, по сторонам — полк левой и полк правой руки. Необычным, однако, было помеще-

ние впереди конного сторожевого полка и стоявшего за ним передового полка. Задача первого из них состояла в том, чтобы не дать татарским лучникам безнаказанно обстреливать основные русские силы до начала самого сражения. Передовой полк должен был ослабить удар татарской конницы в центре. Другой особенностью расположения русского войска было выделение многочисленного засадного полка, укрывшегося на левом фланге позиции, в Зеленой дубраве. Впрочем, идея засадного полка была, конечно, не новой в военном искусстве того времени. Сложность заключалась в том, чтобы увести полк незаметно для противника и точно выбрать время для атаки. Понимая это, Дмитрий поручил засадный полк своему двоюродному брату Владимиру Серпуховскому и опытнейшему воеводе Дмитрию Боброку. На случай внезапного прорыва татар в тыл Дмитрий оставил позади строя своих полков весомый резерв — отряд князя Дмитрия Ольгердовича.

Много полководческого искусства требовалось для правильного распределения сил по полкам. «Гвардия» — закаленные в боях княжеские дружинники, рядовая конница, пехота — все должны были стать там, где они могли принести наибольшую пользу. Источники свидетельствуют о том, что «уряжал полки» воевода Дмитрий Боброк. Несомненно, его план был согласован с великим князем Дмитрием Ивановичем.

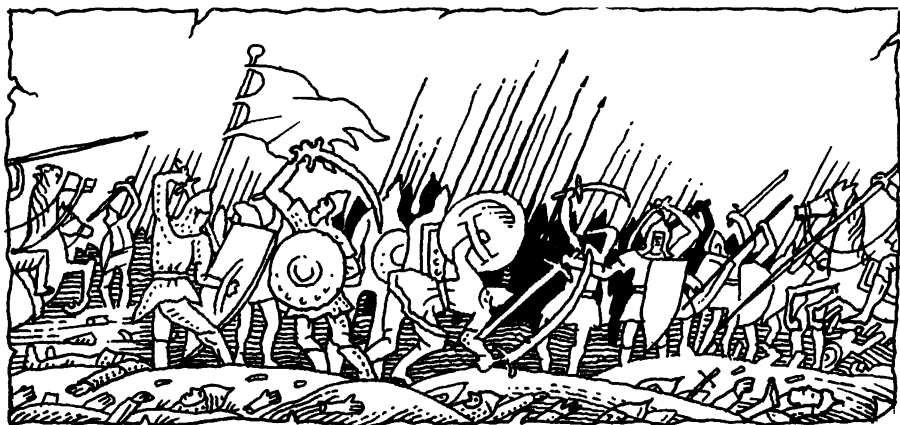
Поздним утром 8 сентября 1380 г., когда рассеялся туман, Мамай двинул тысячи своих всадников и пехотинцев на русские полки.

Описать ход самой битвы, продолжавшейся около четырех часов, так же невозможно, как описать боль и смерть. Десятки тысяч обезумевших от ненависти людей, рубивших, резавших, коловших, душивших друг друга в страшной давке, — такова была апокалипсическая картина Куликовской битвы, единственным зрителем которой был Сам Всевышний.

Ныне, глядя на Куликово поле с высоты Красного холма, где высится огромная чугунная колонна — памятник мужеству наших предков, — трудно представить себе, что на этих ничем не примечательных склонах — то зеленеющих озимыми, то золотящихся спелыми колосьями — вершилась история Руси. Лишь иногда, когда проснувшийся северный ветер погонит по широкому степному небу табуны розовых облаков, Куликово поле словно оживает. Тени облаков скользят по его впадинам и возвышенностям, точно несущиеся в атаку полки. Все вокруг наполняется призрачным движением и каким-то беспокойством. Солнце — этот великий режиссер, не нуждающийся в присутствии зрителей, — вновь и вновь разыгрывает на огромной сцене Куликова поля величаво-трагическое действо борьбы света и тьмы...

Уничтожив сторожевой и передовой полки, но изрядно растратив при этом свой наступательный пыл, ордынцы обрушились на большой полк. Своего рода тараном служила фаланга нанятой Мамаем генуэзской пехоты. Отлично вооруженные, закованные в броню, наемники медленно, но неотвратимо двигались вперед, оставляя за собой широкий кровавый след.

И все же большой полк устоял.

Тогда Мамай усилил давление на левый фланг русских, бросив туда свой резерв. Ослабевший полк левой руки был оттеснен к Непрядве. Возникла угроза прорыва татар в тыл большого полка. Но тут удар в тыл получили сами татары, наседавшие на полк левой руки: из Зеленой дубравы в решающий момент ударил засадный полк. Внезапность и стремительность нападения повергла татар в смятение. Увидев это, русские усилили натиск. Не выдержав, «поганые» дрогнули и обратились в бегство.

Такова была общая канва хода сражения. Можно лишь гадать, было ли отступление полка левой руки заранее намеченным маневром, имевшим целью «развернуть» татар спиной к Зеленой дубраве, откуда готовился удар засадного полка, или же этот поворот событий был вызван приказами Мамае о наступлении на левый фланг русских. Но так или иначе именно удар засадного полка решил исход сражения. Это позволило некоторым древнерусским писателям — а вслед за ними и историкам — считать главным героем битвы князя Владимира Серпуховского. Что можно сказать на сей счет? Действительно, серпуховской князь был отменным воином. Однако в период борьбы с Мамаем он был лишь «правой рукой» Дмитрия, но отнюдь не «головой» всего дела.

После окончания битвы посланные Владимиром Серпуховским воины едва отыскивали великого князя. Он лежал без чувств под поваленной березой. Его привели в сознание. Весть о победе придала Дмитрию силы. Он поднялся, сел на коня и вместе с Владимиром поехал осматривать поле сражения. Вид его был ужасен. Повсюду лежали горы трупов, стонали и кричали раненные. А высоко в небе уже неторопливо кружили орлы...

Куликовская победа оказала воздействие на весь ход русской истории XIV—XV вв. Глядя на прошлое из будущего, можно сказать, что она была началом конца ордынского ига над Русью. Крупнейшие русские историки сходились на том, что эта победа имела прежде всего политическое значение.

«Мамаево побоище, — утверждал Н. М. Карамзин, — еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее и в

несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих»²⁰.

С. М. Соловьев рассматривал Куликовскую битву в контексте противостояния Европы и Азии. Она должна была «решить великий в истории человечества вопрос — какой из этих частей света восторжествовать над другою?» Победа на Куликовом поле «была знаком торжества Европы над Азией»²¹. В. О. Ключевский подчеркивал другую сторону события — внутривосточную: «...Почти вся Северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило московскому князю значение национального вождя Северной Руси в борьбе с внешними врагами. Так Орда стала слепым орудием, с помощью которого создавалась политическая и народная сила, направившаяся против нее же»²².

Заметим, что именно это превращение московского правителя в «национального вождя», организатора борьбы с внешней опасностью открыло путь к небывалому росту его личной власти. Свободу от «поганого царя» — хана Золотой Орды — и его исторических наследников пришлось выкупать признанием собственного деспота — «государя всея Руси».

Едва успела Москва отпраздновать победу и оплакать павших на Куликовом поле, как новые военные тревоги застучались в ее ворота. Мамай ушел в свои степи и там собрал «остаточную свою силу» — новое войско. Правитель Орды был готов на все во имя мести. Он, не торгуясь, отдавал генуэзцам татарские владения в Крыму, требуя за это военной помощи. Новая армия Мамай росла не по дням, а по часам.

Опасность грозила Москве не только с юга, но и с запада. Там ждал своего часа литовский князь Ягайло. Не без умысла опоздал он на соединение с Мамаем. Война против православной Руси на стороне «поганой» Орды могла обострить его конфликт с влиятельной литовской аристократией русского происхождения, а также восстановить против него церковь.

Уклонившись от участия в битве, Ягайло сохранил свою армию и оказался в выигрышном положении. В любой момент он мог пойти по пути Ольгерда и начать большую войну с Москвой. А между тем цвет московского воинства, его «узорочье», остался лежать в братских могилах Куликова поля.

Тревоги Дмитрия были не напрасны. И если Ягайло, занявшись борьбой со своим дядей Кейстутом, не мог в 1381—1382 гг. причинить Москве особого вреда, то степная угроза оставалась дамокловым мечом над головой московского князя. Зимой 1380—1381 гг. Мамай изготавился к новому походу на Русь. Однако судьба — Сергей назвал бы ее Божьим промыслом — послала Мамаю могущественного соперника. Из-за Волги пришел воинственный «царь» Тохтамыш. Навстречу ему Мамай двинул собранное для похода на Русь войско. В битве «на Калках» — вероятно, на той же реке Калке, где 31 мая 1223 г. погибло от рук татар русское войско, — Тохтамыш разгромил Мамай. С небольшим отрядом поверженный властелин

степей ушел в Крым. Посланная Тохтамышем погоня шла за ним по пятам. Мамай направился в Кафу (Феодосию), где надеялся найти убежище или же бежать морем. Однако местные власти не захотели портить отношения с новым ордынским «царем». Они впустили Мамайа в город, но лишь затем, чтобы здесь расправиться с ним. И сам темник, и вся его свита были перебиты, а их имущество разграблено. Довольный таким исходом дела, Тохтамыш сохранил за кафинцами все те земли и привилегии, которые им в свое время дал Мамай.

Задолго до окончательной победы над Мамаем, осенью 1380 г., Тохтамыш отправил на Русь своего посла с извещением о своем возвышении в Волжской Орде. Русские князья «посла его чествовавшие добре»^{*23}. Не откладывая, они отправили к новому хану своих «киличеев» (послов) с дарами. Однако, вопреки давней традиции, никто из князей не явился лично к новому «царю».

29 октября 1380 г. отправил своих «киличеев» и князь Дмитрий Иванович. А уже 1 ноября начался созванный им княжеский съезд. Необходимо было выработать общую позицию по отношению к Тохтамышу, добиться «единачества» перед лицом новой опасности. Об итогах этого съезда летописи, как обычно, умалчивают.

Некоторые современные историки придают большое значение «легитимности» Тохтамыша в отличие от «узурпатора» ханского трона темника Мамайа²⁴. Дмитрий объявил войну Мамаю как «узурпатору» и готов был подчиниться Тохтамышу как «законному царю».

Действительно, Мамай не был чингизидом, то есть потомком Чингисхана, и потому формально не имел права занять ханский трон. Однако он и не занимал трон, а правил Ордой сначала от имени хана-чингизида Абдулы, а затем — Макат-Салтана²⁵. Впрочем, Мамай, кажется, не возражал, когда вассалы и союзники (Олег Рязанский, литовский князь Ягайло) величали его «царем», то есть ханом²⁶.

Для Руси, поднявшейся на борьбу за независимость от татаро-монголов, эти нюансы ордынских отношений не имели особого значения. Русские летописцы только «задним числом» обратили на них внимание²⁷. И на то были свои причины. После того как Тохтамыш восстановил власть Орды над Русью, московские книжники, следуя политической конъюнктуре, стали представлять войну Дмитрия с Ордой всего лишь как борьбу против «узурпатора» Мамайа²⁸. Таким образом поражение, которое в конечном счете потерпел князь Дмитрий в войне с Ордой, воспринималось как возвращение к естественному порядку вещей. Сторонниками такой трактовки событий были в первую очередь те представители московской знати, которые стояли за сохранение традиционных, даннических отношений с Ордой. Влияние «традиционалистов» на политику московских князей всегда было значительным и заметно было даже осенью 1480 г., во время «стояния на Угре».

Летом 1381 г. московские послы вернулись от Тохтамыша «с пожалованием и со многою честью». Их возвращения ждали со страхом и надеждой. Летописец откровенно объясняет причины всеобщей тревоги — «оскуде бо вся земля Русская от Мамаева побища»^{*29}.

Вслед за русскими «киличеями» из Орды явился большой — около 700 сабель — отряд, сопровождавший нового посла, «царевича» Акхозя. Однако после Куликовской битвы татары уже не могли свободно разъезжать по Руси. «Царевич», по свидетельству летописи, «дошел Новагорода Нижняго и возвратися вспять, а на Москву не дерзну ити, но посла неких от своих татар, не во мнозе дружине, но и тии не смеаху»³⁰. Несомненно, посол живо описал хану свои впечатления о пребывании на Руси. Заключив союз с Ягайло, Тохтамыш стал обдумывать план будущей войны с Дмитрием Московским.

Летом 1382 г. хан выступил в поход на Русь. Стремясь нагрянуть внезапно, он начал с того, что приказал перебить всех русских купцов на Волге. Горький опыт Мамай многому научил нового ордынского «царя». Впрочем, он и сам был незаурядным полководцем и правителем восточного типа, способным учеником своего наставника и покровителя Тимура — знаменитого среднеазиатского завоевателя, «Чингисхана XIV столетия».

Тела зарезанных русских купцов поплыли вниз по Волге, а их корабли хан использовал для переправы своих войск. Некому теперь было послать московскому князю «поломянную» весть об опасности.

Первыми узнали о приближении Тохтамыша нижегородский и рязанский князья. И вновь, как и в 1380 г., обманул надежды своего зятя Дмитрия Московского старый суздальский князь Дмитрий Константинович. Он не только не пришел на помощь Москве, но даже отправил к «царю» своих сыновей — Василия и Семена. Они привезли Тохтамышу дары, выразили покорность. Оба княжича вместе с ханским войском пошли на Москву.

На границе рязанских земель хана встретили бояре князя Олега Ивановича. Поклонившись ему и поднеся дары, они провели ордынское войско в обход рязанской земли, указали безопасные броды на Оке и прямую дорогу к Москве. Сам князь Олег в эти дни почел за лучшее уехать в Брянск, к сестре.

Когда разведка сообщила московскому князю о движении Тохтамыша, он попытался вновь, как и в 1380 г., собрать воедино всю боевую силу Северо-Восточной Руси. Срочно был созван княжеский съезд. Однако он выявил лишь всеобщее уныние, «неединачество и неимоверство»³¹. Как в худшие времена, повсюду воцарились растерянность, малодушие, эгоизм.

Эти дни, должно быть, стали самыми тяжелыми в жизни князя Дмитрия. Едва успев ощутить упоительное чувство свободы и всемогущества, он вновь задыхался от унижительного бессилия. Страдания князя усугублялись презрением тех, кто еще недавно рукоплескал его победе. Его окружило всеобщее отчуждение. В нем вдруг увидели единственного виновника всех несчастий. Он разгневал Мамай, и за его «обиду» на Куликовом поле погибли многие князья, бояре, тысячи лучших русских воинов. Он не сумел поладить с Тохтамышем, а теперь вновь требует, чтобы вся Русь расплачивалась за его дерзость. Никто уже не вспоминал о том, как Дмитрий своими войсками закрывал Мамаю дорогу на Нижний

Новгород и Рязань. Все искали оправдания своему унижению и бессилию, обвиняя во всех грехах московского князя.

Дмитрий понял, что ему не на кого рассчитывать, кроме самого себя и своих бояр. Где-то в середине августа московским правительством был принят план действий. Москву решено было срочно готовить к осаде. Каменные стены спасли ее от Ольгерда. Теперь хорошо послужат они и от Тохтамыша. В городе останутся бояре и митрополит Киприан, за которым был уже послан в Новгород срочный гонец. Князь Владимир со своим полком отойдет к Волоку Ламскому и оттуда будет грозить «царю» внезапной атакой, подобной той, что опрокинула за Доном полчища Мамай.

Если Тохтамыш, не сумев взять Москву, пойдет на Тверь, Владимир соединится с войсками Михаила Тверского и даст бой «поганым». Если же Михаил, спохватившись, все же пришлет подмогу московскому князю, Владимир пойдет с ней на выручку осажденной Москве. Прямая торная дорога от Москвы на Тверь проходила в то время именно через Волок Ламский.

Средневековые войны носили личностный характер. Один правитель шел мстить другому «за свою обиду». Поэтому великий князь Дмитрий не хотел оставаться в Москве или быть где-нибудь поблизости. Тохтамыш пришел сводить счеты именно с ним. Его алый плащ для хана — как красная тряпка для быка. Увидев, что Дмитрия нет и в помине, хан скорее пойдет на мировую и оставит русские земли. А между тем Дмитрий поедет в Кострому. Там он соберет войско. Туда придут к нему ростовские и ярославские князья с дружинами, если хан двинется на их владения. Туда подтянутся и белозерцы, да и вся заволжская лесная вольница. Накопив силу, он двинется с ней к Москве. Чтобы москвичи не заподозрили князя в измене, он оставил в городе на попечение бояр свою княгиню и митрополита Киприана.

Решено было сжечь вокруг Кремля все деревянные строения, чтобы не оставить татарам бревен для «примета» к стенам крепости. По предложению духовенства, велено было собрать в Кремль всю «святость» из окрестных церквей и монастырей, в том числе и книги.

Захватив Серпухов и опустошив южные уезды московского княжества, войско Тохтамыша 23 августа 1382 г. подошло к Москве.

В городе к этому моменту сложилась крайне напряженная обстановка. Переполненный беженцами, он задыхался от тесноты. В народе возникали и с быстротой молнии распространялись панические слухи. Предрекая скорую гибель от татар, иные призывали хоть напоследок погулять, попить медов из княжеских и боярских погребов. Прибывший в Москву за два дня до подхода Тохтамыша митрополит Киприан попытался успокоить народ. Однако его уже мало кто слушал. Из темных глубин взбаламученного опасностью народного сознания поднималась — словно чудо-рыба со дна морского — слепая ненависть к тем, кто живет богаче, перед кем всегда ломали шапки и гнули спины. Бояре не могли появиться на улице: в них летели камни и палки. Да и среди самих бояр начались раздоры. Одни предлагали, пока не поздно, бежать из города, другие искали способа умирить толпу.

В эти тревожные августовские дни в Москве возродилось полузабытое вече. Москвичи постановили не выпускать никого из города, стоять насмерть против «поганных». Волнение несколько улеглось, когда в городе появился присланный, по-видимому, князем Владимиром внук Ольгерда Остей. Литовский князь сумел навести в городе относительный порядок, расставить людей по стенам. Еще до приезда Остея митрополит Киприан и княгиня Евдокия с трудом вырвались из охваченной мятежом Москвы. Княгиня поехала вслед за мужем в Кострому, а митрополит — в Тверь.

Придя к Москве, Тохтамыш первым делом осведомился: здесь ли князь Дмитрий? Узнав, что его нет, хан поначалу был настроен миролюбиво. Однако перебранка, а затем и перестрелка с осажденными разъярили татар. Они попытались взять крепость штурмом. «Поганные» засыпали город дождем стрел. Их лучшие лучники вели прицельную стрельбу по каждой бойнице крепостной стены. В ход пошли штурмовые лестницы. Ордынцы, как огромные черные муравьи, карабкались на стены белокаменного Кремля.

Горожане отстреливались, метали со стен камни, лили кипяток. У них уже были на вооружении самострелы (арбалеты). На стенах стояли и пугали татар своим дымом и грохотом примитивные пушки — «тюфяки». Это было первое в истории Руси применение огнестрельного оружия.

Первый штурм не принес татарам успеха. И тогда Тохтамыш решил прибегнуть к хитрости. Поздним утром 26 августа к городским стенам подъехали «парламентеры» — ханские вельможи и оба суздальских княжича. Ордынцы объявили москвичам, столпившимся на стенах, волю хана: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслуживаете смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, враждуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами, вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти, и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите»³².

Слова ханских послов попали точно в цель: москвичи не желали погибать из-за княжеской ссоры с «царем». Однако они не сразу поверили в искренность ханского великодушия. Недоверие их было сломлено суздальскими княжичами Семеном и Василием. Тохтамыш пригрозил им расправой, если они откажутся обмануть горожан и присягнуть в нерушимости, его слов. Перед лицом всех стоявших на стенах москвичей они поклялись в том, что хан не причинит им вреда.

Князь Остей не верил в благие намерения хана, как и в клятвы суздальцев. Однако москвичи заставили его пойти на переговоры. Городские ворота открылись, и Остей во главе целого посольства предстал перед Тохтамышем. Его отвели в шатер и там зарезали. Все посольство было мгновенно перебито татарами.

Воспользовавшись замешательством осажденных, их «безначалием», татары начали со всех сторон яростный штурм крепости. Вскоре они овладели городом. На охваченных пожаром улицам Москвы разыгрались страшные сцены кровавого пира победителей...

* * *

«Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом» (Притчи, 19, 21). Эта сентенция из «Притчей Соломона» могла бы стать эпиграфом к драматической биографии князя Дмитрия Московского. И если в 70-е гг. он как на крыльях летел от победы к победе, то после Куликовской битвы его ожидали главным образом неудачи, унижения и разочарования. Вернувшись в Москву осенью 1382 г., он увидел страшный разгром своей столицы. Такого бедствия Москва не знала со времен Батыева нашествия. Не знаем, чувствовал ли князь и свою вину в случившемся, но несомненно зрелище мертвого города, над которым кружили тучи воронья, потрясло Дмитрия.

Весной 1383 г. он пережил новое горе: по требованию Тохтамыша старший сын, Василий, должен был отправиться в Орду и постоянно находиться там в качестве заложника.

В 1385 г. Дмитрий узнал вероломство Ягайло. Литовский князь долго уверял победителя Мамая, будто хочет жениться на его дочери и тем самым заключить союз с Москвой. Однако в последний момент он прервал переговоры и, заключив Кревскую унию, женился на польской королеве Ядвиге. Литва тем самым окончательно разворачивала свои исторические перспективы в сторону Польши. Это означало крах надежд на объединение восточных славян в рамках русско-литовского или московского государства.

В том же 1385 г. внук Калиты пережил позор неудачной войны с Олегом Рязанским. Лишь благодаря посредничеству Сергия Радонежского, лично отправившегося в Рязань, Дмитрию удалось примириться с Олегом.

Во второй половине 80-х гг. положение Дмитрия стало изменяться в лучшую сторону. Многое из утраченного возвращалось к нему. Бежал из ордынского плена и вернулся к отцу сын Василий, подросли новые воины, пополнившие княжескую дружину, поднялась из пепла Москва, смирился мятежный Новгород. Ненавистный «царь» Тохтамыш начал терпеть неудачи в войне с грозным среднеазиатским владыкой Тимуром, и можно было надеяться на его скорое падение...

Поздней весной 1389 г. Дмитрий тяжело заболел и после нескольких дней мучений скончался в ночь с 18 на 19 мая.

Дмитрий Донской остался в истории не только как герой, но и как действительно великий человек. Яркими чертами характера Дмитрия была пылкая отвага в сочетании с унаследованной от предков несокрушимой настойчивостью. Среди не знавших жалости воителей своего жестокого века он был едва ли не самым милосердным. Подобно отцу и деду, Дмитрий был скорее человеком мира, нежели войны. Звон мечей и зрелище залитого кровью поля битвы не доставляли ему особого удовольствия. Примечательно, что сам он лишь изредка, в наиболее важных случаях — главным образом когда речь шла о борьбе с Ордой — отправлялся в поход. В «домашних» конфликтах он, как правило, ограничивался посылкой кого-либо из своих воевод.

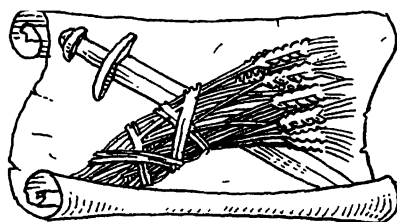
Возможно, какой-нибудь дотошный книжник после кончины Дмитрия произвел нехитрый, но красноречивый подсчет: его прапра-

дед, Александр Невский, жил 43 года; прадед Даниил — также 43; дед, Иван Калита, — немногим более (год его рождения неизвестен, но не ранее 1282 г.); отец, Иван Красный, — 33 года. Сам Дмитрий прожил 38 лет.

Остро ощущая быстротечность времени и словно предчувствуя свою раннюю кончину, Дмитрий спешил жить. Это проявлялось не только в его постоянном стремлении к действию. Если верить «Слову о житии великого князя Дмитрия Ивановича» — а это произведение, как показывают последние исследования, возникло вскоре после кончины князя и, стало быть, не могло слишком далеко отступать от истины, — внук Ивана Калиты любил роскошь, пиры, веселье. Впрочем, на дне его жизнелюбия таилась грусть. Известно, что на одной из своих личных печатей он приказал вырезать горький афоризм в духе Екклесиаста: «Все ся минет» — «Все проходит».

Отец восьми сыновей и четырех дочерей, Дмитрий был счастлив в своей семейной жизни. Княгиня Евдокия была ему хорошей женой, а овдовев, стала верной хранительницей его заветов. Судя по тому вниманию, которое уделяет ей автор «Слова», можно думать, что именно она и была заказчицей этого блестящего панегирика — своего рода литературного памятника куликовскому герою.

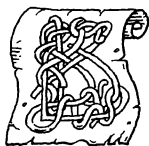
Трудно сказать о Дмитрие лучше, чем это удалось автору «Слова». Князь «аки кормчий крепок противу ветром волны минуя... тако смотряще своего царствия. И умножися слава имени его, яко и святого Володимера, и въскипе земля Рускаа в лета княжения его»^{*33}.

Князь Холмский

Судьба всегда на той стороне, где лучшая армия.

Макиавелли

эпоху Ивана III (1462—1505) в результате присоединения к Московскому княжеству целого ряда обширных территорий возникает единое Российское государство. Это было одно из самых важных явлений в истории нашей страны. Иван III пожинал плоды кропотливого труда своих предков — пяти поколений московских князей. Одновременно он наметил основные направления внешней и внутренней политики Москвы на несколько столетий вперед. Появление единого государства позволило собрать в кулак боевые силы страны, направить их на решение исторических задач: окончательное освобождение Руси от чужеземного ига; обеспечение безопасности восточных и южных границ; возвращение русских земель, подпавших под власть польской короны и великого князя литовского; борьбу со шведско-немецкой экспансией в Прибалтике.

Историческое значение любого государственного деятеля определяется масштабом задач, которые он разрешил или поставил. На фоне удельных князей XIII—XV вв. с их мелкими заботами и сомнительными достижениями Иван III выглядит великаном. Рядом с ним могут встать лишь такие герои, как Александр Невский, Даниил Галицкий, Дмитрий Донской. Однако, в отличие от них, Иван никогда не блистал личным мужеством, готовностью к самопожертвованию «за ближних своих». Осторожный и глубокомысленный, он являл собой новый образ правителя — тип «государственного деятеля». Подобно Петру I, Екатерине II и Александру II, Иван умел угадать в людях те или иные способности и, не колеблясь, доверял им самые важные дела. Умение отыскивать способных людей и открывать дорогу их дарованиям — одна из основ его успехов. Однако при этом Иван ревниво следил за тем, чтобы достоинства других не умаляли его собственной славы. Он умело присваивал себе чужие заслуги, отодвигал в тень подлинных «виновников торжества».

Впечатляющие военные достижения Ивана III — покорение Новгорода и Твери, «стояние на Угре» и взятие Казани, присоединение Северской Украины и победы над Орденом — были достиг-

нугы благодаря усилиям целой плеяды талантливых полководцев. И первым среди них, несомненно, должен быть назван князь Даниил Дмитриевич Холмский.

Родовое гнездо князей Холмских, давшее имя этой ветви тверского княжеского дома, — село Красный Холм в верховьях правого притока Волги — речки Шоши (близ современной границы Московской и Тверской областей). Родоначальником Холмских считался умерший от чумы в 1366 г. смелый и деятельный князь Всеволод Александрович, третий из шести сыновей казненного в Орде в 1339 г. князя Александра Михайловича Тверского. Внуком Всеволода был отец полководца — князь Дмитрий Юрьевич Холмский. Из четырех его сыновей двое старших,

Михаил и Даниил, оставили заметный след в истории. Первый, Михаил, был одним из виднейших представителей тверской знати второй половины XV в. Именно он без боя сдал Тверь Ивану III в сентябре 1485 г. Однако судьба посмеялась над ним: не доверяя своему новому подданному, «государь всея Руси» через две недели велел схватить Михаила Холмского и посадить под стражу. Ему было предъявлено обвинение, в устах Ивана III звучавшее как издевка: боярин не сохранил верности своему князю в тяжелых обстоятельствах, «а целовав ему (крест. — *Н. Б.*) изменил»^{*1}.

Опала на старшего брата не повлияла на положение при дворе Ивана III князя Даниила Дмитриевича Холмского. Он еще в 60-е гг. XV в. перебрался в Москву и успел зарекомендовать себя расторопным и смелым воеводой. В 1468 г. он был первым воеводой в полках, стоявших на юго-восточной границе в Муроме. В ответ на действия русских войск казанские татары совершили в этот год набег на некоторые окраинные московские города. Князь Даниил успешно оборонял Муром. Внезапной вылазкой из крепости он опрокинул врага и обратил в бегство.

Этими действиями Даниил обратил на себя внимание Ивана III. В походе на Казань осенью 1469 г. он был назначен в самый авангард — первым воеводой передового полка «конной рати» — части войска, двигавшегося к Казани не на судах («судовая рать»), а по суше, вдоль берега Волги. Осадив город, московские воеводы перекрыли доступ воды в крепость. Вскоре осажденный в Казани хан Ибрагим запросил пощады и заключил мир с командовавшим всем походом князем Юрием Васильевичем — родным братом Ивана III. Договор предусматривал освобождение всех русских пленных, находившихся в руках татар, и установление мирных, дружественных отношений между Москвой и Казанью.

Два года спустя князь Даниил вновь получает ответственнейшее назначение. На этот раз ему предстояло сражаться не с татарами, а со своими же русскими. То был знаменитый поход Ивана III на Новгород летом 1471 г.

5 ноября 1470 г. умер авторитетный и мудрый архиепископ Иона — глава новгородского боярского правительства. А уже 8 ноября в город прибыл на княжение посланный польским королем и великим князем литовским Казимиром IV князь Михаил Олелькович. Вскоре новгородцы совершили еще один вызывающий шаг: отправили своего кандидата на пост архиепископа на поставление в сан не к московскому митрополиту, как обычно, а к литовскому православному митрополиту, находившемуся в Киеве. Этого митрополита в Москве считали сторонником унии. Одновременно новгородцы начали тайные переговоры с Казимиром IV о поддержке в случае войны с Иваном III.

В Москве действия новгородцев были расценены как «измена православию» и уклонение в «латинство». И хотя литовский князь Михаил Олелькович в марте 1471 г. покинул Новгород и уехал в Киев, пути назад уже не было. Иван III принял решение организовать общерусский поход на Новгород. Религиозная окраска предстоящего похода должна была сплотить его участников, заставить всех князей прислать свои войска на «святое дело». Сам Иван III весьма широко подходил к вопросам веры, но прекрасно умел играть на религиозных чувствах окружающих.

В начале июня 1471 г. первым выступило из Москвы на Старую Руссу и далее на Новгород 10-тысячное войско под началом Даниила Холмского и князя Федора Давыдовича Пестрого-Стародубского. Вскоре туда же двинулись со своими полками братья Ивана III удельные князья Юрий Дмитровский и Борис Волоцкий. В середине июня пошло из Москвы другим путем — на Вышний Волочек и далее по реке Мсте — второе войско под началом князя Ивана Стриги-Оболенского и татарского царевича Даньяра. Наконец, 20 июня двинулись основные силы, с которыми шел и сам Иван III. Согласно общепринятой в то время военной практике, московские воеводы, вступив в новгородскую землю, принялись уничтожать все на своем пути. По свидетельству летописи, Холмский и Федор Пестрый «распустили воинов своих в разные стороны жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение своему государю великому князю. Когда же дошли воеводы те до Руссы, захватили и пожгли они город; захва-

тив полон и спалив все вокруг, направились к Новгороду, к речке Шелони»².

У села Коростыни московская рать подверглась нападению «судовой рати». Высадившись на берег Ильменя, новгородцы внезапно напали на «оплошавших», по выражению летописи, москвичей. Однако Холмский и его соратники сумели овладеть положением и дать отпор. Новгородцы были разбиты. Тех, кто попал в плен, ожидала жестокая участь: московские воеводы «пленным велели друг другу носы, и губы, и уши резать и потом отпустили их обратно в Новгород, а доспехи, отобрав, в воду побросали, а другое огню предавали, потому что не были им нужны, ибо своих доспехов всяких довольно было»³.

Эта жестокая и назидательная расправа была точным повторением той расправы, которую учинил над изменниками в Новгороде Александр Невский в 1257 г.⁴ Возможно, это совпадение было умышленным: москвичи хотели показать, что по отношению к Новгороду они продолжают твердую политику знаменитого героя прошлого.

Одержав первую победу, Холмский отступил к Старой Руссе, ожидая подхода основных сил. Однако там его уже ожидало новое новгородское войско, подошедшее на судах по реке Поле. Если верить московскому летописцу, оно было вдвое больше прежнего. Однако Холмский и на сей раз, не раздумывая, стремительно напал на новгородцев и вновь одержал победу.

Дальнейшие самостоятельные действия авангарда могли вызвать гнев Ивана III. Понимая это, Холмский отошел южнее к городку Демону и отослал к Ивану III гонца с донесением о победе и запросом о дальнейших действиях.

Иван III велел Холмскому, не теряя времени, двинуться к реке Шелони наперерез еще одной новгородской рати, выступившей навстречу союзникам москвичей — псковичам. Даниил должен был соединиться с псковичами прежде, чем они вступят в бой с новгородской ратью. Однако и на сей раз Холмский, не боясь ответственности в случае неудачи, действовал так, как требовала обстановка. Недалеко от устья реки Шелонь он неожиданно встретил

новгородское войско, которым руководили виднейшие бояре — Дмитрий Исаакович Борецкий, сын знаменитой Марфы Посадницы, Василий Казимир, Кузьма Григорьев, Яков Федоров и другие. Это войско шло навстречу псковичам с целью разбить их до подхода московской рати.

Озадаченные этой неожиданной встречей, оба войска расположились лагерем. Их разделяла довольно широкая в нижнем течении река Шелонь.

Московская разведка быстро разузнала броды и мели на реке Шелони. Рано утром 14 июля Холмский приказал своему войску переправиться через Шелонь и с ходу ударить на врага. Небольшое, но дружное, закаленное в боях с литовцами и татарами московское войско, воодушевленное решимостью своего предводителя, с криком и свистом обрушилось на растерявшихся, оробевших новгородцев. Передовые ряды дрогнули и, смятая задние, обратились в бегство. Вскоре битва превратилась в кровавую вакханалию. Летописи сообщают, что в суматохе бегства новгородцы сводили счета друг с другом. «Полки великого князя погнали их (новгородцев. — *Н. Б.*), коля и рубя, а они и сами в бегстве друг друга били, кто кого мог», — сообщает московский летописец⁵. На берегу Шелони осталось лежать около 12 тысяч новгородцев; более двух тысяч было взято в плен.

Гонец, принесший весть о победе на Шелони, нашел Ивана III в погосте Яжелбицы, неподалеку от Валдая. В ту эпоху радостные события увековечивали постройкой храмов в честь святого, память которого по церковному календарю — месящеслову — приходилась на день, когда случалось это событие. Иван III, узнав о победе на Шелони, дал обет выстроить в Москве храм во имя апостола Акилы, «единого от 70», т.е. одного из 70 учеников Христа. Память его праздновалась 14 июля. В свою очередь, князь Холмский и его соратники дали обет построить храм во имя Воскресения Христова, так как 14 июля было воскресным днем. Оба храма были вскоре возведены как приделы у Архангельского собора Московского Кремля.

27 июля Иван прибыл в село Коростынь, расположенное на берегу озера Ильмень близ устья Шелони. Здесь, на высоком берегу, с которого открывается прекрасный вид на озеро, великий князь раскинул свои шатры. Вскоре в Коростынь явились новгородские послы с предложением мира. Условия, выдвинутые победителями, были достаточно мягкими: новгородцы присягали на верность Ивану III и выплачивали ему контрибуцию — 16 тыс. серебряных новгородских рублей. Они лишались права на самостоятельную внешнюю политику. Внутреннее устройство Новгорода оставалось прежним. Но конец его уже был недалек.

Сегодня место битвы на Шелони отмечает памятный знак. Стоя у этого камня, уносишься мыслями в глубину минувшего. 14 июля 1471 г. князь Даниил Холмский своим мечом перевернул еще одну страницу русской истории. Битва на Шелони не привела к немедленному присоединению Новгорода к Московскому государству. Это случилось лишь семь лет спустя. Однако именно она надломи-

ла волю той части новгородцев, которая не хотела подчиниться диктату Ивана III. Во время похода Ивана III на Новгород в 1477—1478 гг., завершившегося падением боярской республики, новгородцы уже не пытались сразиться с москвичами в «чистом поле». Нескольких уроков «московского боя», преподанных им Холмским, оказалось вполне достаточно, для того чтобы убедить самых рьяных в бесполезности вооруженного сопротивления.

Прощание с новгородской вольностью невольно вызывает вздох сожаления. При всей ее ограниченности эта система давала больше возможностей для развития личности, чем московская монархия. И как однообразен был бы наш «удельный период» без новгородского миража свободы и простора, богатства и удачи...

Понимал ли сам Холмский историческое значение своей победы? Конечно, понимал: чего стоили одни только торжественные проводы войска в Москве! Но, несомненно, он размышлял и над причинами своего удивительного успеха: имея около 5 тыс. воинов, он разгромил на Шелони 40-тысячную новгородскую рать. Такую удачу нельзя было объяснить одним только смелым натиском москвичей. Ополченцы по своим бойцовским качествам уступали профессионалам-москвичам. Однако главная причина заключалась в том, что боевой дух новгородцев был невысок. Они не видели перед собой высокой цели, во имя которой стоило бы жертвовать жизнью. Во второй половине XV в. вече из народной трибуны превратилось в подмостки для подкупленных боярскими кланами демагогов. С помощью свободы слова (но отнюдь не свободы дела) правящий класс умело «выпускал пар» из кипящей ненавистью толпы бедняков. Здесь грозный всплеск социального антагонизма быстро превращался в безопасную для системы в целом свару между конкретными лицами. И даже драки, которыми часто завершались вечевые сходы и в которых «отводили душу», уродуя себе подобных, новгородские бунтари, были необходимым элементом этой отработанной, эффективной системы социального регулирования.

Однако при всех ее достоинствах новгородская политическая система имела один существенный недостаток: она не прибавляла голодным ни куска хлеба. Не осознавая тонкостей игры, народ все отчетливее ощущал, что его дурачат, толкают на путь самоуничтожения. Презрение и ненависть к отдельным личностям, руководившим городом, постепенно перерастали в недоверие к самой системе. И если раньше она казалась людям самой совершенной, почти идеальной, то теперь они все чаще размышляли о преимуществах другой, московской системы власти.

Однако при всех ее достоинствах новгородская политическая система имела один существенный недостаток: она не прибавляла голодным ни куска хлеба. Не осознавая тонкостей игры, народ все отчетливее ощущал, что его дурачат, толкают на путь самоуничтожения. Презрение и ненависть к отдельным личностям, руководившим городом, постепенно перерастали в недоверие к самой системе. И если раньше она казалась людям самой совершенной, почти идеальной, то теперь они все чаще размышляли о преимуществах другой, московской системы власти.

Там, в Москве, власть не пряталась за спинами наемных демагогов, но открыто являла свой деспотический лик. Не думая

о том, что скажет толпа, власть для достижения своих целей шла на любые преступления, на нарушение дедовской «старины» — и толпа восхищалась ее победами, склоняла головы перед деспотом.

Могущество московского государя, его военные успехи были сильнейшими доводами в пользу системы, главою которой он являлся. Деспотизм обеспечивал то, что никогда не могла дать республика богатых и бедных, — равенство. И первый боярин, и последний нищий в равной степени могли стать жертвой государева гнева. Периодическими опалами и казнями знати Иван III и его потомки поддерживали в народе веру во всеобщее равенство перед государем, перед его грозным судом. Диктатура возникает из мечты о социальном равенстве. Иван III это хорошо знал. Он приказал казнить захваченных в плен после битвы на Шелони новгородских бояр или отправить их в заточение в Москву. Иначе обошелся он с рядовыми пленниками: все они были отпущены в Новгород, где поведали о том, как суров государь с боярами и как милостив с простолюдинами.

Следующее лето (1472 г.) было для князя Холмского столь же тревожным, как предыдущее. В конце июля в Москве узнали о предполагавшемся походе на Русь хана Большой Орды Ахмеда (Ахмата). К южной границе были двинуты лучшие боевые силы Ивана III. 2 июля, в самый праздник Положения ризы Богоматери, Холмский выступил из Москвы. Вторым воеводой в войске был его соратник по новгородскому походу князь Иван Стрига-Оболенский. 30 июля из Москвы в Коломну выехал сам Иван III. Нападению татар на сей раз подвергся слабо укрепленный городок Алексин (между Серпуховом и Калугой). Овладев им, татары не смогли, однако, развить успех и проникнуть во внутренние районы страны: на пути их встали подоспевшие московские полки. Не вступая в бой, Ахмат отошел назад в степи. Историки полагают, что именно с этих пор Москва перестала платить дань татарам...

В 1473 г. псковичи обратились к Ивану III с просьбой дать им надежного и распорядительного воеводу. Он отправил к ним Холмского с войском. Во Пскове князь действовал весьма удачно: угрожая неприятелю вторжением, он добился заключения 20-летнего мира с немцами (Ливонским орденом и дерптским епископом) «на всей воле псковской». Позднее псковские летописцы называли этот договор его именем — «Данильев мир»⁶. За успешное выполнение этой миссии Иван III пожаловал Холмскому звание боярина. Вероятно, тогда же он получил почетную и доходную должность владимирского великокняжеского наместника. Псковичи отблагодарили князя щедрым подношением — двумя сотнями серебряных рублей.

Успехи Холмского на военно-дипломатическом поприще, расположение к нему Ивана III, несомненно, вызывали зависть у его менее удачливых современников. Вероятно, кто-то из них сделал ложный донос на полководца. Впрочем, возможно, и сам воевода впутался в одну из дворцовых интриг. Как бы там ни было, в том же 1474 г. он был обвинен в намерении бежать со всей семьей за границу и взят под стражу. Лишь поручительство восьми знатнейших московских бояр, поклявшихся выплатить в казну 2 тыс. рублей в случае бегства Холмского за рубеж, вернуло князю свободу.

Он вновь целовал крест на верность Ивану III и, судя по всему, был полностью прощен⁷.

Дружное заступничество московских бояр за выходца из тверской знати вполне объяснимо: Холмский уже давно жил в Москве и успел породниться с местной аристократией. Он был женат на дочери князя И. И. Заболоцкого — внука знаменитого московского боярина Ивана Всеволожского, ослепленного по приказу великого князя Василия II в 1433 г. Три сестры жены князя Холмского были замужем за виднейшими московскими боярами — С. В. Ряполовским, С. Б. Булгаковым и И. В. Булгаком Патрикеевым, родным братом известного воеводы Даниила Шени⁸. Дочь Холмского была замужем за боярином И. В. Ховриным.

Осенью 1477 г. Иван III вновь двинул огромное войско на Новгород. На сей раз он надеялся окончательно покончить с его вечевым строем и взять город под свою руку. С великим князем в поход отправились его братья Андрей Меньшой, Андрей Большой и Борис, касимовские татары во главе с царевичем Даньяром и ратники из многих русских городов.

Путь Ивана III лежал через Волоколамск, Лотошино, Микулино городище, Торжок. Тверской князь Михаил Борисович приказал своим боярам сопровождать московское войско на его пути через тверские земли.

Пробыв четыре дня в Торжке, Иван двинулся на Вышний Волочек, а оттуда пошел между торной Яжелбицкой дорогой и рекой Мстой в сторону Новгорода. Здесь же, по левому берегу Мсты, он приказал идти и полку, который возглавлял князь Холмский. В состав этого полка входили лучшие силы Ивана III — московские дворяне («дети боярские»), а также владимирцы, переяславцы и костромичи.

Приблизившись к Новгороду, Иван III в местечке Полины определил боевой порядок своего войска. Передовой полк, авангард армии, он поручил брату, князю Андрею Меньшому. Не будучи вполне уверенным в военных способностях простоватого Андрея Меньшого, Иван послал ему своих воевод — князя Холмского с костромичами, Федора Давыдовича с коломенцами, И. В. Оболенского с владимирцами⁹.

Однако новгородцы не собирались сражаться с Иваном III «в чистом поле». Убедившись в том, что город придется брать длительной осадой, Иван послал вперед наиболее расторопных воевод, поставив им задачу: помешать новгородцам сжечь все пригородные села и монастыри и тем самым оставить москвичей без крова и без средств для «примета» к крепостной стене во время штурма. Этим делом поручено было заниматься воеводам передового полка, в том числе и Холмскому. Основной базой передового полка избрано было село Бронницы, расположенное на левом берегу реки Мсты, верстах в двадцати восточнее Новгорода. Примечательно, что в перечне воевод передового полка летописец неизменно первым называет Холмского: он-то и был главным руководителем этой важнейшей части московского войска.

Из Бронниц передовой полк вскоре был направлен к самым стенам Новгорода. Вместе с другими силами он принял участие в ок-

ружении города. Маневр был выполнен стремительно и четко: московские воеводы прошли по льду озера Ильмень и в ночь с 24 на 25 ноября 1477 г. почти одновременно внезапным нападением захватили княжескую резиденцию Городище близ Новгорода и все пригородные монастыри. Город оказался в кольце блокады.

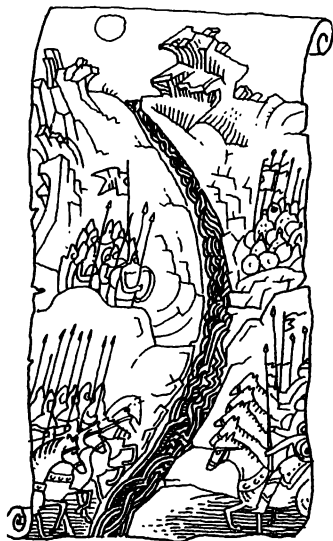
В середине января 1478 г., не выдержав московской блокады, новгородцы приняли все условия, выдвинутые «государем всея Руси». Отныне Новгородская феодальная республика превращалась в одну из областей Московского государства. Управление Новгородом и его областями — «пятинами» — должны были осуществлять московские наместники. Все атрибуты вечевого строя и его административная система упразднились.

Трудно найти какое-либо крупное событие военной истории России последней четверти XV в., в котором не участвовал бы князь Холмский. При его активном участии происходило и знаменитое «стояние на Угре», завершившееся окончательным свержением ордынского ига. Летопись сообщает, что именно Холмского в октябре 1480 г. Иван III послал в качестве наставника и советника к своему сыну Ивану Молодому, стоявшему с полками на реке Угре, лицом к лицу с ордой хана Ахмата. Был момент, когда «государь всея Руси» дрогнул и приказал сыну отступить «от берега». Тот отказался выполнить отцовский приказ. Тогда разгневанный Иван III потребовал от Холмского силой захватить Ивана Молодого и доставить в Москву. Однако старый полководец нашел в себе мужество не исполнить этот гибельный для всего войска приказ. Он лишь попытался уговорить Ивана Молодого отправиться к отцу и помириться с ним. Но тот был настроен решительно. «Лучше мне здесь умереть, чем ехать к отцу», — ответил он Холмскому. Войска остались стоять на занятом рубеже.

Иван III вскоре одумался и начал действовать исходя из плана обороны, который фактически навязали ему Иван Молодой и стоявший за ним Холмский.

Итогом всех этих событий стала практически бескровная победа: 11 ноября 1480 г. татары Ахмата отступили без боя. Роль Холмского в «стоянии на Угре» глубоко символична. Потомок казненных татарами князей-мучеников Михаила и Александра Тверских разрубил последние пути ордынского ига над Русью.

Не знаем, как отблагодарил Иван III своего полководца за отражение татар на Угре. Известно, что благодарность тиранов часто принимает весьма своеобразные формы. Во всяком случае, он не лишил его главного, того, что составляло смысл жизни Холмского, — возможности глядеть на мир с высоты походного седла, слышать над собой шелест боевого стяга и ощущать себя надеждой и опорой целого народа.

В 1487 г. Холмский принимал участие в историческом походе русских войск на Казань. Он командовал большим полком «судовой рати»¹⁰. Поводом для похода послужили конфликты между различными претендентами на казанский престол. Поддержав одного из них, Мухаммед-Эмина, Иван III надеялся иметь в его лице надежного и преданного вассала. Засевший в крепости Али-хан мужественно оборонялся. Осада Казани продолжалась с 18 мая по 9 июля 1487 г. Город был взят в кольцо. Наконец, придя в «изнеможение», осажденные сдались. Мухаммед-Эмин был посажен ханом в Казани, а его соперник отведен пленным в Москву. Придавая огромное значение этой победе, Иван III через своих дипломатов послал весть о ней даже в Италию.

Князь Холмский и позже, в 1492 г., проявил себя, командуя московским войском, посланным в Северскую Украину. В следующем, 1493 г. он вновь упомянут источниками, на сей раз — как один из ближних воевод при «государе всея Руси». В этом же году Холмский умер¹¹. Где похоронен знаменитый полководец — неизвестно. Время не сохранило его надгробья, как не сохранило оно и следов захоронений большинства других выдающихся деятелей русского Средневековья.

Они ушли в землю, в прах, из которого, согласно Библии, и были некогда сотворены Всевышним. Но то, что совершили они, пока находились на поверхности земли, не должно исчезнуть из памяти людей, стать добычей забвения, как стали их бранные останки. Ведь труды и подвиги наших близких и далеких предков создали нас такими, какие мы есть. И только ощутив себя малой, но необходимой частицей рода и его высшей формы — народа, человек обретает чувство ответственности за свои дела перед теми, кто придет на землю после него, и перед теми, кто уже свершил свой жизненный путь.

ГОСУДАРЕВЫ БОЛЬШИЕ ВОЕВОДЫ

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести, очень ошибаются.

А. С. Пушкин

реди памятников истории, которыми и донныне так богат древний Новгород, выделяется знаменитый монумент в честь 1000-летия России, установленный в 1862 г. Каждый, кто хотя бы раз побывал в Новгороде, наверняка запомнил это величественное сооружение, расположенное неподалеку от Софийского собора, в самом центре новгородского кремля.

Памятник «Тысячелетие России» представляет собой запечатленную в бронзе историю страны. Каждая эпоха представлена здесь «в лицах»: скульптурными портретами ее выдающихся деятелей. Среди 129 фигур, размещенных на памятнике, нашли свое место государственные люди, полководцы и герои, писатели, художники, просветители. Галерея полководцев Средневековой Руси немногочисленна. Но какие славные имена! Здесь Мстислав Удалой и Даниил Галицкий, Александр Невский и Довмонт Псковский, Михаил Тверской и Дмитрий Донской. В этой когорте лишь два воеводы представляют эпоху Ивана III — победитель Новгорода князь Д. Д. Холмский и знаменитый воин князь Даниил Щеня.

Деяния самого Даниила Щени и его потомков интересны не только как страница военной истории России. Внимательному наблюдению откроются здесь и иные, сокровенные стороны жизни страны и народа. Устой российской государственности, ее система ценностей меняются гораздо медленнее, чем внешние формы. И потому в судьбах этих мужественных и честных людей нам открывается не только далекое прошлое...

В московском военно-служилом сословии (по данным на конец XVII в.) около четверти всех фамилий имели польско-литовское происхождение¹. В этом есть глубокая историческая закономерность. Переход на московскую службу аристократов из великого

княжества Литовского начался уже в середине XIV в. Этот процесс протекал активно еще и потому, что $\frac{9}{10}$ территории княжества в ту эпоху составляли восточнославянские земли, входившие прежде в состав Киевской Руси.

Литовские князья из династии Гедимина (1316—1341) управляли государством, подавляющее большинство населения которого составляли представители древнерусской народности, исповедовавшие православие и говорившие на различных диалектах древнерусского языка. Поэтому переход на московскую службу не вызывал у них особых сложностей конфессионального и психологического характера. В 1408 г. в московские земли выехала большая группа литовской знати во главе с опальным князем Свидригайло Ольгердовичем. Большинство «панов» уже через два года вернулись в Литву. В Северо-Восточной Руси остался на постоянное жительство потомок Гедимина князь Патрикий Наримонтович. Он стал родоначальником целого ряда московских аристократических фамилий — Булаковых, Голицыных, Куракиных.

Желая удержать литовских аристократов в Москве, великий князь Василий Дмитриевич выдал свою дочь замуж за сына Патрикия Наримонтовича — Юрия. В жилах потомков Юрия Патрикеевича смешалась, таким образом, кровь основателей двух династий — Ивана Калиты и Гедимина.

Внуком Юрия Патрикеевича и был один из лучших полководцев Средневековой Руси князь Даниил Васильевич Щеня. Служа верой и правдой двум «государям всея Руси» — Ивану III и Василию III, Даниил своим мечом добыл для них немало городов и земель. Если бы в ту эпоху существовали особые медали за взятие городов — он имел бы их за Вязьму, Смоленск, Вятку; если бы тогда существова-

ли боевые ордена — вероятно, он был бы их полным кавалером. По-видимому, он был чужд придворной борьбы и потому благополучно пережил ряд «политических процессов» конца XV — начала XVI в., где среди обвиняемых были и его сородичи...

Биография князя Даниила, как, впрочем, и многих других военачальников той эпохи, может быть представлена лишь сохранившимися в источниках скудными сведениями об их назначениях и походах. Живое лицо человека и даже степень его личного участия в военных операциях чаще всего скрыты за стеной молчания летописей. Князь Даниил впервые появляется в источниках в 1457 г., когда вместе с дядей, И. Ю. Патрикеевым, и старшим братом Иваном Булгаком он пожертвовал сельцо в Московском уезде митрополичьему дому². Есть основания думать, что отец Даниила

князь В. Ю. Патрикеев умер в молодости. Вероятно, воспитанием племянника занимался его дядя — И. Ю. Патрикеев, один из виднейших московских бояр последней трети XV в.

Даниил Щеня явно не принадлежал к числу временщиков, стремительно возносившихся из безвестности и так же внезапно исчезающих во мраке застенка или «молчательной кельи» дальнего монастыря. Он шел к славе путем медленного и неприметного восхождения по лестнице собственных заслуг и достоинств. И потому мы вновь встречаем его в источниках лишь 18 лет спустя, да и то в скромной роли одного из «бояр» — в широком смысле этого слова — свиты Ивана III, сопровождавшей его во время мирного похода в Новгород в 1475 г.³ После этого он надолго уходит в неизвестность. Лишь в 1488 г. Даниил вновь является на исторической сцене, но опять-таки в качестве второстепенной фигуры. Известно, что в числе других знатных лиц он присутствовал на приеме посла, прибывшего в Москву от императора Священной Римской империи⁴.

Однако не приходится сомневаться, что Даниил уже в молодости отличился на поле сражения. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в 1489 г. в свой первый отразившийся в источниках поход — на Вятку — Даниил шел уже воеводой большого полка. Иван III знал цену своим приближенным и мог дать столь ответственное назначение лишь человеку, известному своими полководческими способностями⁵.

Поход на Вятку был далеко не заурядным военным предприятием и имел большую предысторию⁶. Вятская земля в силу своего удаленного и обособленного положения даже во второй половине XV в. слабо подчинялась великокняжеской администрации. Московские наместники, иногда там появлявшиеся, конфликтовали с местной знатью как русского, так и удмуртско-татарского происхождения («арскими князьями»)⁷. На Вятке царил дух новгородской вольницы, столь сильно ощущавшийся в соседнем Подвинье. Вятчане, как и новгородцы, поддерживали галицко-звенигородских князей в их борьбе с Василием Темным.

Первая попытка Василия Темного подчинить Вятку была предпринята в 1458 г. и оказалась неудачной. Но уже на следующий год из Москвы было послано новое войско, которым командовал князь Иван Юрьевич Патрикеев — дядя Даниила Щени. Вторым воеводой был в этом походе князь С. И. Ряполовский. На стороне москвичей выступили против Вятки и устюжане.

Московские воеводы взяли вятские городки Котельнич и Орлов, осадили столицу края — Хлынов. В итоге вятчане покорились Василию Темному «на всей его воле», т.е. безусловно и безоговорочно. Однако, когда войска ушли, ситуация на Вятке вновь осложнилась. Местная знать разделилась на «московскую» и «анти-московскую» партии. Первая из них, поддерживая «государя всея Руси» Ивана III, высылала отряды вятчан для участия в ряде его походов — на Новгород, Пермь и Югру. В тяжелом для Москвы 1471 г. вятчане совершили смелый набег на столицу Золотой Орды — Сарай. «Антимосковская» партия, напротив, выступала за полную самостоятельность Вятки. Бояре, принадлежавшие к этой группировке, были организаторами ряда набегов на северные владения великого князя. Особую опасность для Ивана III представляло

сближение части вятских бояр с враждебными Москве казанскими ханами, наметившееся в середине 80-х гг.⁸

Прочное освоение вятской земли имело для Москвы большое значение еще и потому, что этот край был богат «мягким золотом» — пушшиной. Лесные богатства Вятки имели удобный выход к волжскому торговому пути по рекам Вятке и Каме. Наконец, Вятка была важна для Ивана III и в стратегическом отношении: как плацдарм для выхода «в тыл» Казанского ханства.

Поход на Вятку был поддержан и церковным руководством. Понимая, что митрополит часто действует заодно с великим князем, вятчане не хотели признавать его духовную власть. Впрочем, и само христианство в этом лесном крае не имело таких глубоких корней, как в других районах Руси. Еще в 50-е гг. XV в. митрополит Иона обратился к вятчанам с посланием, в котором убеждал их покориться Москве. Вот красноречивый отрывок из митрополичьей грамоты: «Не знаю даже, как вас и назвать? Называетесь христианами, а живете, делая злые дела, хуже нечестивых, не по христианству, не по Божественному Писанию православной истинной христианской веры: Святую Соборную Апостольскую церковь Русской митрополии обижаете и законы старые церковные разоряете, а за все своему господину великому князю грубите и давно уже присоединяетесь к его недругам; а с погаными соединяетесь, с отлученными от церкви Божьей, с губителями христиан. Да и сами вотчину его воюете беспреестанно, христиан губите убийством, и пленом, и грабением; и церкви разоряете, и грабите всю церковную священную утварь: и кузнь, и книги, и свечи, и все дела злые и богомерзкие творите, как творят их поганные...» Митрополит требовал от вятчан покорности, угрожая проклятием. Он прозрачно намекал им, что великий князь жестоко накажет их за неповиновение: «а та кровь христианская вам отольется»⁹.

В 1485 г. была ликвидирована независимость Тверского княжества. В 1487 г. войска Ивана III осадили и взяли Казань. Там был посажен хан Мухаммед-Эмин, во всем послушный «государю всея Руси». Теперь настал час исполнения грозных пророчеств давно уже отошедшего в царство теней митрополита Ионы относительно Вятки. Поводом для организации похода стало нападение вятчан на Устюг весной 1486 г. Не торопясь, но основательно, как и все свои военно-политические акции, Иван III стал готовить ответный удар, который должен был положить конец своеволию Вятки.

К участию в походе были привлечены ополченцы из северных городов и волостей — из Устюга, Каргополя, Вологды, Белоозера, из Подвинья, с Ваги, из городков и сел в бассейне Вычегды. По требованию Ивана III казанский хан Мухаммед-Эмин также послал на вятскую землю свой отряд. По существу, вятчане были взяты в кольцо силами москвичей и их союзников. По некоторым сведениям, общая численность войск, посланных на покорение Вятки, достигла 60 тыс. человек¹⁰.

Ядром всех сил, выступивших против вятчан, была московская рать во главе с Даниилом Щеней. В документах упомянут по имени и еще один воевода — Григорий Васильевич Морозов, командовавший передовым полком. В вятском походе перед Даниилом стояла сложная задача: увязать действия самых различных по происхождению и

вооружению, по степени организованности и боеспособности отрядов. Другая трудность заключалась в своеобразии «театра военных действий» — лесное бездорожье, болота, малочисленное население. Трудно поверить, что Иван III поручил общее руководство вятским походом воеводе, незнакомому с местными условиями. Возникает вопрос: когда мог Даниил побывать в вятских лесах? Вероятно, юношей он сопровождал дядю, И. Ю. Патрикеева, в походе на Вятку в 1459 г., и это был первый поход будущего знаменитого воеводы.

11 июня 1489 г., в четверг — день, считавшийся на Руси благоприятным для всевозможных начинаний, — князь Даниил выступил в поход на Вятку. Устрашенные многочисленностью московских полков, вятчане уклонились от сражения «в чистом поле» и затворились в стенах своей главной крепости — Хлынова.

Среди осажденных было немало сторонников Москвы. Вскоре они выслали к Даниилу своих бояр с дарами и изъявлением покорности великому князю. Однако Щеня потребовал от вятчан не только ритуального обряда — «крестоцелования» на верность Ивану III, но и выдачи его врагов из числа местной знати. После двух дней раздумий осажденные отказались выполнить последнее, самое унижительное для них требование — выдать «мятежников». Тогда Даниил велел своим воинам готовиться к штурму.

Под стенами Хлынова москвичи соорудили особые деревянные «плетни», которые при штурме следовало поджечь. Пламя с них должно было перекинуться на городские стены. Для поджога «плетней» и городских стен воины готовили факелы из смолы и бересты. Устрашенные всеми этими приготовлениями, вятчане сдались, выдав на расправу своих «мятежников».

Следуя наказам Ивана III, Даниил отправил в Москву, на суд и расправу, не только откровенных врагов «государя всея Руси», но и многих других хлыновских жителей с женами и детьми. Такова была обычная политика московских государей в покоренных землях. 1 сентября 1489 г. скорбная процессия переселенцев поневоле двинулась из Хлынова в Москву. Одних ждала здесь мученическая

смерть — вначале наказание кнутом, затем виселица; другие были помещены в южных пограничных городках — Боровске, Алексине, Кременце¹¹.

На место высланных из Хлынова и других городов вятской земли были поселены устюжане. Повсюду утвердились представители московской администрации.

Князь Даниил недолго был на Вятке. После успешного завершения похода Иван III дал ему в виде награды почетное и, вероятно, доходное назначение: известно, что уже в феврале 1490 г. он исправлял должность наместника в Юрьеве-Польском¹².

Три года спустя Даниил вновь выступил как воевода. Зимой 1491—1492 гг. война с Литвой приняла особенно острый характер¹³. В ответ на вторжение литовской рати в «верховские» (расположенные в верховьях Оки) княжества Иван III в начале 1492 г. отдал приказ своим воеводам начать наступление на Литву одновременно на нескольких направлениях. На верхнеокском направлении у литовцев были отбиты Серпейск и Мещовск (юго-западнее Калуги). Но самый чувствительный удар был нанесен неприятелю в конце 1492 — начале 1493 г. на западном, смоленском направлении. Здесь войско под командованием Даниила Щени и его двоюродного брата В. И. Патрикеева (впоследствии известного публициста-нестяжателя Вассиана Патрикеева) осадило Вязьму. Напомним, что на протяжении всего XV столетия граница между владениями великого князя литовского и московскими землями проходила не далее чем между Можайском и Вязьмой.

Осадив Вязьму, Щеня повел дело так, что вскоре город открыл свои ворота. Жители целовали крест на верность Ивану III и тем спаслись от погрома. Местная знать — как и после взятия Хлынова — была послана в Москву. Однако на сей раз приговор был милостив: князья вяземские сохранили свои вотчины, но уже под верховной властью Ивана III¹⁴.

Известно, что в этот же период — вероятно, уже после взятия Вязьмы — Даниил Щеня был послан в Тверь, где стоял с войсками сын Ивана III Василий. Эти силы не случайно были собраны именно в Твери. Отсюда резервные полки могли при необходимости быстро подоспеть и на северо-запад, к Новгороду, и на запад, к Смоленску. В войсках, находившихся в Твери, Щеня занял главную должность — воеводы большого полка¹⁵.

Впрочем, война с Литвой вскоре затихла. Начались длительные переговоры, завершившиеся подписанием 5 февраля 1494 г. мирного договора, согласно которому великий князь литовский Александр Казимирович признал переход под власть «москвитов» ряда волостей и городов, в том числе и взятой Даниилом Щеней Вязьмы¹⁶.

В целях укрепления мирных отношений между Москвой и Вильно Александр Казимирович решил вступить в брак с дочерью Ивана III Еленой. 15 января 1495 г. невеста выехала в Литву¹⁷.

Временное урегулирование отношений с Литвой позволило Ивану III направить свои боевые силы на решение другой задачи — возвращение карельских земель, захваченных Швецией. «Государь всея Руси» наладил дружественные отношения с Данией — давним

врагом шведов. Предвосхищая на два века замыслы Петра Велико-го, Иван III начал строить корабли, способные вести боевые действия на Балтике. Но главные события войны развернулись все же на суше. Летом 1495 г. в карельские земли, находившиеся под контролем шведов, был послан значительный русский отряд для «разведки боем». Следом за ним в сентябре двинулось и большое войско под руководством Даниила Щени. В походе участвовали также новгородцы и псковичи под началом своих наместников. Главной целью похода стал Выборг — оплот шведской власти в западных районах Карельского перешейка.

Этот неприступный каменный замок, окруженный водой, был построен шведскими рыцарями в 1293 г. Некоторые части его сохранились до наших дней, поражая своей суровой мощью. Новгородцы дважды (в 1294 и 1322 гг.) пытались овладеть крепостью, но оба раза терпели неудачу¹⁸.

В период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига борьба за Выборг — а значит, и за всю западную часть Карельского перешейка — велась главным образом силами одних лишь новгородцев и потому не имела успеха. Собрав воедино боевые силы многих областей Руси, Иван III еще раз попытался овладеть крепостью. Особые надежды он возлагал на артиллерию. Пушки, изготовление которых было налажено в Москве в широких масштабах итальянскими мастерами, стали в конце XV в. важнейшей ударной силой русской армии.

8 сентября 1495 г. — в самый праздник Рождества Богородицы — Даниил Щеня приступил к осаде Выборга. Более трех месяцев грохотали пушки. Вновь и вновь шли на приступ русские воины. Однако и на сей раз шведская каменная твердыня устояла. Лишь ее окрестности и пригороды по обычаю того времени были разорены дотла.

Полки, участвовавшие в штурме Выборга, вернулись в Новгород и Москву. Однако война со шведами на этом не завершилась. Желая придать ей более активный, наступательный характер, Иван III в ноябре 1495 г. прибыл в Новгород. Зимой 1495—1496 гг. и летом 1496 г. было предпринято еще несколько рейдов русских войск в земли, находившиеся под властью шведов. Двоюродный брат Даниила Щени и его соратник по вяземскому походу В. И. Патрикеев в лютые январские морозы внезапно появился с войском в Южной Финляндии. Избегая больших сражений, он опустошил сельские волости и увел с собой большое количество пленных. Летом 1496 г. русские корабли, выйдя из устья Северной Двины, достигли северных районов Финляндии и высадили здесь большой отряд, разоривший обширную территорию. Наконец и сам Даниил Щеня в августе 1496 г. вновь ходил на «свейских немцев», как называли русские шведов. Подробностей этого похода источники не сообщают.

Война со Швецией не принесла крупного успеха ни той ни другой стороне. Обменявшись ударами (шведы летом 1496 г. напали на Ивангород), стороны в марте 1497 г. заключили мир. Убедившись в том, что на Севере многого добиться пока нельзя, Иван III вновь обратился к борьбе с Литвой.

Конец 90-х гг. был, несомненно, очень тревожным временем для Даниила. Причиной тому были отнюдь не воинские заботы. В 1499 г. придворная борьба привела к падению его могущественного дяди — фактического главы боярской думы Ивана Юрьевича Патрикеева. В январе 1499 г. он был насильно пострижен в монахи вместе со своим сыном Василием. Согласно тогдашним представлениям, монашеский постриг был делом необратимым. Став в ряды «непогребенных мертвецов», как именовали себя монахи, человек уже не мог вернуться в «мирскую» жизнь.

И как член боярской думы, и как близкий родственник пострадавших бояр, Даниил, несомненно, был осведомлен обо всех перипетиях этой драмы. Вероятно, он сочувствовал павшим. Но важно отметить другое: положение Даниила при дворе и после опалы на Патрикеевых осталось неизменным. Иван III по-прежнему видел в нем искусного и преданного воеводу, которому можно было поручать самые ответственные военные предприятия. Примечательно, что уже весной 1499 г., т.е. через два-три месяца после расправы с Патрикеевыми, Даниил был назначен одним из четырех воевод, командовавших полками, посланными на помощь союзнику Ивана III казанскому хану Абдул-Летифу, которому угрожало нашествие ногайцев¹⁹.

В начале 1500 г. вспыхнула новая война с великим княжеством Литовским. «Яблоком раздора» и на сей раз послужили «верховские княжества», а также Северская Украина. Правившие там князья русского происхождения изъявили желание перейти под власть Ивана III, с чем, конечно, не мог согласиться великий князь литовский Александр Казимирович.

Вновь, как и в предыдущей войне с Литвой, общий план кампании предусматривал боевые действия на трех направлениях — юго-западном, западном (смоленском) и северо-западном. Даниил Щеня поначалу командовал резервным войском, стоявшим в Твери. Между тем на смоленском направлении московские рати перешли в решительное наступление. Вскоре пришла весть о взятии Дорогобужа — крепости, находившейся в 80 верстах восточнее Смоленска. Честь взятия города принадлежала московскому воеводе Юрию Захарьевичу. Одновременно отличился и старший брат Юрия Захарьевича — Яков. Командуя московским войском, посланным в северские земли на помощь местным князьям, он то и дело присылал вести о переходе городов и волостей под власть «государя всея Руси».

Даниил хорошо знал эту семью. Братья Захарьевичи — Яков, Юрий и Василий — были правнуками знаменитого московского боярина Федора Кошки. Любимец Дмитрия Донского, один из свидетелей его духовной грамоты (завещания), Федор Кошка стал родоначальником целого ряда московских боярских фамилий. Внучка Федора Кошки Марья Федоровна была выдана замуж за князя Ярослава Владимировича — сына героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского. В этом браке у них родилась дочь Марья, которая впоследствии стала женой великого князя Василия Темного и матерью «государя всея Руси» Ивана III. Известно, что старая княгиня Марья Ярославна была, пожалуй, единственным человеком, который мог заставить Ивана III отка-

заться от тех или иных намерений. Лишь после ее кончины он начал жестоко расправляться со своими родными братьями.

Родственные связи с домом Калиты ставили «Кошкин род», как называли родословцы потомков Федора Кошки, в особое положение среди прочей нетитулованной московской знати. Однако дело было не только в этом. Среди потомков Кошки было немало храбрых воевод, верой и правдой служивших московскому делу. Подобно их деду, Ивану Федоровичу Кошкину, славились доблестью и воинским искусством и братья Захарьевичи. Другой отличительной чертой этого семейства была гордость. Не имея княжеского титула, Захарьевичи, однако, не считали себя ниже Рюриковичей или Гедиминовичей. Они всегда готовы были постоять за свою родовую честь в местническом споре, а то и в рыцарском поединке.

Судьба не раз сводила Даниила Щеню с братьями Захарьевичами. Они вместе водили полки на шведов, татар и литовцев. Каждому хватало своей славы. Но в войне 1500—1503 гг. они неожиданно столкнулись, что называется, «лоб в лоб»...

Со взятием Дорогобужа перед «москвитами» открывалась прямая дорога на Смоленск. Этот исконно русский город еще в 1405 г. перешел под власть Литвы. Вернуть его было заветной мечтой московских великих князей. Однако Иван III по своему обыкновению не спешил. После взятия Дорогобужа он приказал Юрию Захарьевичу ждать подкреплений. С юга к нему спешили полки из северской земли, которыми командовали князья Семен Стародубский и Василий Шемячич, а также брат Юрия Захарьевича Яков. Из Твери со своим полком подоспел Даниил Щеня. Ближе к месту событий, в Великие Луки, переместилась и новгородская рать.

Наконец, русские полки были собраны воедино и готовы к выступлению. Но тут неожиданно взбунтовался Юрий Захарьевич. Он был назначен воеводой в сторожевой полк, тогда как Даниил Щеня — в большой. Боярин усмотрел в этом унижение своей родовой чести и послал жалобу самому Ивану III. Великий князь, вероятно, не без умысла составил обидный для Юрия Захарьевича расклад воевод по полкам: во все времена тираны любили стравливать своих военачальников и тем самым укреплять собственную власть.

В ответ на жалобу боярина Иван III прислал грозное послание, где требовал выполнять приказ. Юрий вынужден был подчиниться... Но как утешился и возрадовался бы Юрий Захарьевич, если бы смог заглянуть в будущее и увидеть небывалое возвышение своих потомков! Внучка Юрия, Анастасия, станет женой царя Ивана Грозного, а внук, Никита, — главой боярского правительства. Сын этого Никиты, Федор, займет патриарший престол под именем Филарета. Еще одно поколение — и вот уже праправнук Юрия, Михаил, — сын Федора-Филарета — восходит на царский престол в качестве основателя новой династии, которая по имени одного из сыновей Юрия станет называться династией Романовых.

Но «кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (Екклесиаст, 6, 12). Обиженный воевода поскакал к своему сторожевому полку, памятуя грозные слова государевой грамоты: «Тебе стеречь не князя Даниила; стеречь тебе меня и моего дела. Каковы

воеводы в большом полку, таковы чинят и в сторожевом; ино не сором быть тебе в сторожевом полку»²⁰.

Между тем весть о падении Брянска и Дорогобужа заставила великого князя литовского Александра принять срочные меры. Против «москвитов» был послан с большим войском один из лучших полководцев — литовский гетман князь Константин Острожский. Узнав о том, что русская рать во главе с Юрием Захарьевичем стоит между Дорогобужем и Ельнею, он устремился туда. Воинственного гетмана не остановила и весть о подходе новых русских сил — полков Даниила Щени и «верховских» князей.

Два войска встретились на берегах речки Ведроши — неподалеку от современного села Алексина Дорогобужского района Смоленской области. Стремительной атакой Острожский опрокинул передовой отряд «москвитов». Однако, увидев перед собой основное войско, гетман остановился в нерешительности: численность его составила несколько десятков тысяч человек. Несколько дней обе рати стояли без движения. Их разделяла речка Тросна (Росна, Рясна), к бассейну которой принадлежала Ведрошь.

Наконец гетман отдал приказ наступать. 14 июля 1500 г. его войско перешло через Тросну и напало на русских. От тяжелого топота могучих боевых коней задрожала земля. Заглушая страх пронзительным кличем атаки, помчались вперед обреченные всадники. Направляемые твердой рукой, сверкнули острия копий, выбирая место для смертоносного удара. Началось одно из крупнейших в истории Средневековой Руси сражений...

Не мудрствуя лукаво, доблестный Острожский повел свое войско в лобовую атаку на «москвитов». Именно этого терпеливо ждал Даниил Щеня²¹. Предугадав действия литовцев, он применил прием, с помощью которого за 120 лет перед тем Дмитрий Донской разгромил Мамай: скрытое расположение засадного полка.

Ожесточенная сеча длилась шесть часов. Ее исход решило внезапное появление засадного полка. Застоявшиеся в томительном ожидании воины ринулись на врага с удвоенной яростью. Их внезапное появление внесло смятение в ряды литовцев. Они дрогнули и начали отступать.

Предусмотрительный Щеня распорядился разрушить мост через Тросну. Многие литовцы не успели уйти на другой берег. Русские воины ловили их поодиночке, стараясь захватить живыми. Пленные, взятые в бою, считались в ту пору едва ли не самой ценной добычей. За тех, кто побогаче, можно было получить хороший выкуп от их родственников, а неимущих — продать в рабство татарам. Разгром литовского войска был сокрушительным. Неподалеку от места основного сражения — «Митькова поля» — был взят в плен и сам Острожский.

Эта победа украсила не только боевую биографию Даниила Щени, но и всю русскую военную историю. Имперский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, дважды посетивший Москву в правление Василия III, в своей книге о России перечисляет важнейшие события ее истории. Среди них он упоминает и битву при Ведроши. При всей схематичности и неточности в деталях его рассказ об

этом событии представляет большую историческую ценность, так как основан на воспоминаниях очевидцев.

Когда оба войска подошли к некоей реке Ведроши, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных о численности врагов и их вождях и возымели от этого крепкую надежду разбить врага. Далее, так как речка мешала столкновению, то с той и другой стороны стали искать переправы или брода. Раньше всего на противоположный берег переправились несколько московитов, вызывая литовцев на бой. Те, нимало не оробев, оказывают сопротивление, преследуют их, обращают в бегство и прогоняют за речку. Вслед за этим оба войска вступают в бой и завязывается ожесточенное сражение. Во время этого сражения, которое с обеих сторон велось с равным воодушевлением и силой, помещенное в засаде войско, о существовании которого знали лишь немногие из русских, ударило с фланга в середину врагов. Пораженные страхом, литовцы разбегаются, их предводитель с большей частью свиты попадает в плен, прочие же в страхе оставляют врагу лагерь и, сдавшись сами, сдают также крепости Дорогобуж, Торопец и Белую²².

Гонец, несший весть о победе при Ведроши, примчался в Москву уже через три дня после сражения — в пятницу, 17 июля 1500 г. Получив это радостное известие, Иван III приказал устроить всенародное празднество. Многие москвичи обратили внимание и на знаменательное совпадение: литовцы были разбиты на Ведроши 14 июля — в тот же самый день, когда московские воеводы в 1471 г. разгромили новгородцев на реке Шелони. В ту религиозную эпоху такого рода совпадение рассматривались как явное свидетельство богоугодности московского дела.

Довольный действиями своих воевод, Иван III изъявил им особую милость: послал одного из бояр с наказом «спросить воевод о здоровье». Примечательно, что «первое слово» посланцу велено было обратиться к Даниилу Щене. Именно его Державный — как величали современники Ивана III — справедливо считал главным героем битвы.

Разгром литовцев в битве на Ведроши повлек за собой новые успехи русских войск. 6 августа 1500 г. Яков Захарьевич взял древний город северской земли Путивль. А три дня спустя, 9 августа, отряд псковичей изгнал литовцев из Торопца — города-крепости на древнем порубежье новгородских, смоленских и полоцких земель.

Однако в дальнейшем ход войны несколько изменился не в пользу «московитов». Снежные заносы не позволили осуществить намеченный на зиму 1500—1501 гг. поход русских войск на Смоленск. А в 1501 г. положение осложнилось вторжением в русские земли союзников Литвы — ливонских рыцарей. Это вызвало ответные действия со стороны Ивана III. В частности, он распорядился направить в Новгород в качестве одного из двух назначавшихся туда наместников именно Даниила Щеню. Статус новгородского наместника был таков, что в случае войны он и его «напарник» становились руководителями всей обороны северо-запада Руси.

В новгородско-псковской земле Даниилу пришлось несколько лет подряд действовать плечом к плечу со вторым новгородским наместником — князем В. В. Шуйским. Это был видный — хотя и не столь прославленный, как Щеня, — полководец эпохи утверждения единого Российского государства. В следующей главе подробно будет рассказано о его деятельности. Здесь лишь заметим: их совместная ратная служба в Новгороде была дружной.

Осенью 1501 и зимой 1501—1502 гг. Даниил Щеня вместе с В. В. Шуйским действовал против вторгшихся в псковские земли ливонцев. Тогда же вместе с князем Даниилом Пенко он ходил на «свейских немцев» — шведов²³.

Занимая в 1502—1505 гг. пост новгородского наместника, Щеня, однако, не раз покидал город по тем или иным «государевым службам». Летом 1502 г. он вместе с другими воеводами ходил на Смоленск. Однако осада Смоленска оказалась безрезультатной. Одной из главных причин неудачи была беспомощность «главнокомандующего» — князя Дмитрия Жилки, сына Ивана III.

Вернувшись в Новгород, Даниил продолжал борьбу с ливонцами. Помимо военных предприятий, он выступал в эти годы и в иных ипостасях — то как дипломат, заключавший перемирие с Литвой, то как доверенное лицо Ивана III, чья подпись наряду с прочими скрепила завещание Державного в конце 1503 г.²⁴

«Все произошло из праха и все возвратится в прах» (Екклесиаст, 3, 20). Измученный болезнями и семейными неурядицами, «государь всея Руси» явно близился к концу своего земного пути. Он все меньше думал о делах и все больше — о спасении души. Рассказывают, что незадолго до кончины он решил вновь переписать завещание и передать престол Дмитрию-внуку. Этим решением он обелил бы свою совесть, но поставил бы Московскую Русь на грань небывалой внутренней смуты. Впрочем, сделать этого Иван уже не успел. 27 октября 1505 г. в возрасте 65 лет он скончался.

Кончина Ивана III не изменила положения Даниила Щени. Он был по-прежнему незаменим там, где требуется присутствие опытного и надежного воеводы. Летом 1506 г., когда возникла опасность набега казанских татар на русские земли, Даниил был послан в Муром и возглавил собранные там полки. Но на этот раз татары отказались от своего замысла.

В 1508—1510 гг. Щеня вновь занимал пост новгородского наместника. Во главе новгородской рати он участвовал в русско-литовской войне, вызванной восстанием против нового великого князя литовского Сигизмунда (1506—1548) крупнейшего православного литовского магната Михаила Глинского. Правительство Василия III решило оказать Глинскому военную помощь.

Даниилу Щене со своим полком приказано было идти к Орше. Туда подтянулись и другие воеводы. Осада Орши затянулась. А тем временем Сигизмунд лично прибыл к Орше во главе большой армии. Московские воеводы получили приказ отступить к Вязьме, обойдя Смоленск с юга. Учитывая возможность внезапного движения литовцев к Торопцу, Василий III послал Щеню туда. Изгнав проникших в город литовских людей, Даниил заставил торопчан целовать крест на верность московскому государю.

Пробыв некоторое время в Торопце, Даниил вернулся в Новгород. Известно, что 29 марта 1509 г. он в качестве новгородского наместника заключил 14-летнее перемирие с ливонскими послами. Этот договор был выгоден России: ливонцы обязывались не вступать в союз с Литвой²⁵.

По мнению некоторых историков, в этот же период Даниил Щеня выхлопотал у Василия III прощение своему двоюродному брату Василию Патрикееву, насильно постриженному в монашество в 1499 г. под именем Вассиана. Около 1510 г. князь-инок появился в Москве. Авторитет Вассиана Патрикеева вскоре стал так высок, что даже сам Василий III часто навещал его в Симоновом монастыре.

Впрочем, своим возвышением Вассиан был обязан не одним только родственным связям. Из монастырского заточения он вышел с богатым запасом мыслей и знаний. Беседы с ним доставляли удовольствие всякому, кто умел ценить умное слово. Наконец, его взгляды на роль церкви и монастырей в жизни общества оказались созвучны настроениям и планам самого великого князя.

Около 1512 г. Даниил занял одну из самых почетных государственных должностей — московского наместника. Летом 1512 г. наряду с другими воеводами он ходил с войском на Оку, готовясь дать отпор крымцам. Зимой 1512—1513 гг., во время первого похода Василия III на Смоленск, Даниил был главным среди сопровождавших его воевод²⁶. Летом 1513 г. он участвовал и во втором походе на Смоленск. Однако город и на этот раз устоял. Лишь третий поход, летом 1514 г., принес успех «москвитам». И вновь непосредственным руководителем военных действий был Щеня.

Щеня боевые заслуги Даниила, великий князь возложил на него почетное поручение: первому из московских воевод въехать в сдавшийся на милость победителей город и привести его жителей к присяге²⁷. Лишь после этого 1 августа 1514 г. Василий III торжественно въехал в Смоленск. Вскоре Даниил покинул покоренный город, передав бразды правления своему старому сослуживцу — бывшему новгородскому наместнику князю В. В. Шуйскому, назначенному смоленским наместником.

Война с Литвой продолжалась. Разгром русского войска в битве под Оршей 8 сентября 1514 г. качнул чашу весов в пользу Сигизмунда. Летом 1515 г. можно было ожидать новых попыток литовцев возвратить Смоленск. И потому Даниил Щеня вновь послан был с войском занять позицию неподалеку от Смоленска — в Дорогобуже. Однако боевых действий тем летом так и не произошло. Обе стороны занялись поиском союзников, дипломатическими разведками и переговорами.

Поход к Дорогобужу летом 1515 г. — последнее известие источников о Данииле Щене²⁸. Несомненно, он был уже в весьма преклонных годах. Однако ни даты его кончины, ни места захоронения мы не знаем...

Даниила Щеню можно по праву назвать одним из видных строителей Московского государства. Но думал ли Даниил, что строит он не только крепость и храм, но также и тюрьму? И в числе первых узников этой тюрьмы окажутся и его собственные дети...

Эпоха Ивана III отмечена глубокими переменами в самых различных областях жизни общества. Они созревали давно, исподволь, но прорвались наружу на глазах одного поколения. Символом этих перемен стал «государь всея Руси» Иван III. Прожив долгую жизнь, он как бы соединил своей личностью два различных по своему политическому устройству мира. За несколько десятилетий на смену большому семейству сварливых, но суверенных княжеств и земель явилось единое, но основанное на всеобщем бесправии Российское государство. Сторонние наблюдатели неизменно поражались своеобразию его облика. На восточнославянской этнокультурной канве причудливо переплетались византийские и монгольско-половецкие узоры. В этой пестрой ткани мелькали финно-угорские и романо-германские нити.

Строительство нового государства ощущалось современниками как строительство нового мира. Оно несло людям свободу от внешнего порабощения, от зависимости перед чужеземцами. Рождалась новая историческая общность людей — «москвиты». Подданные «государя всея Руси» были равны и в своей гордыне обитателей «Третьего Рима», и в своем ничтожестве перед лицом Державного.

Стремительность перемен, происходивших во второй половине XV в., могла бы вызвать головокружение даже у современного горожанина, привыкшего к непрестанной смене лиц и впечатлений. Что же испытывал человек той эпохи — эпохи, когда люди измеряли время не минутами и секундами, а сменой зимы и лета, когда традиция, «старина» считалась высшим критерием истины?!

Люди дела, не склонные к умствованиям, — а именно таким был, вероятно, и наш герой Даниил Щеня — всецело предавались радостному ощущению созидания нового мира. Они не щадили себя и других в этой великой работе еще и потому, что были уверены: ее благосклонным зрителем является Сам Всевышний.

Но и тогда уже некоторые наблюдательные люди с тревогой замечали: у молодого Российского государства оказалось каменное сердце. Современник и, быть может, собеседник Даниила Щени московский дипломат Федор Карпов в послании к митрополиту Да-

ниилу (1522—1539) рассуждал так: «Милость без правды есть мало-душество, а правда без милости есть мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой поддерживаемая, а правда, милостью украшаемая, сохраняют царю царство на многие дни»²⁹.

Эти слова Карпова не были пустой риторикой, «плетением словес». За ними — мучительные раздумья над главным нравственным вопросом той эпохи: как примирить «правду» и «милость», власть и Евангелие? Разумеется, этот вопрос существовал всегда. Но именно в ту эпоху, когда жил и действовал Даниил Щеня, он приобрел особую остроту: новое устройство общества влекло за собой и новое соотношение «сфер влияния» между «правдой» и «милостью». Понять весь драматизм ситуации можно лишь взглянув на нее глазами людей той эпохи. А это возможно лишь следуя реальному (от прошлого к будущему), а не ретроспективному (от будущего к прошлому) взгляду на ход событий.

Политическая раздробленность страны при многих отрицательных сторонах имела и свои достоинства. Русская земля в идеале мыслилась как сообщество равных суверенных княжеств и земель. При этом сохранялось и единство страны, которое утверждалось прежде всего единством языка, религии и династии.

При всех различиях князья в принципе были равны между собой. Разница в их положении определялась понятиями семейного характера: «отец», «сын», «брат». Расправа одного с другим рассматривалась как братоубийство. Причислив Бориса и Глеба к лику святых и заклеив братоубийцу Святополка прозвищем Окаянный — т.е. уподобившийся библейскому Каину, церковь признала братство князей важнейшей нравственной нормой.

Каждое человеческое общество можно оценивать с самых различных точек зрения, в том числе и с точки зрения свободы личности. (Разумеется, мы имеем в виду свободу внешнюю, свободу как право распоряжаться собой во времени и пространстве. Что касается внутренней, «тайной» свободы, то она зависит не столько от политического устройства общества, сколько от внутренней раскрепощенности и одухотворенности каждой конкретной личности.)

Известно, что в ранний, «домосковский» период русской государственности существовало немало форм личной зависимости. Большинство из них так или иначе было связано с поземельными отношениями. И все же крепостничество — и как юридически оформленная общегосударственная система, и как основополагающий принцип отношений между людьми — было порождением «московского» периода русской истории. Первый крупный шаг на этом пути совершил именно Иван III, ограничивший своим Судебником 1497 г. право перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Разумеется, этот шаг не мог не сказаться на всей атмосфере духовной жизни страны.

Пытаясь понять судьбу Даниила Щени и его потомков, мы должны обратиться и к некоторым моментам истории русской аристократии. В период политической раздробленности (пользуясь старым термином — «удельный период») она имела очень большую свободу действий. Бояре переезжали от одного княжеского двора к

другому, не теряя при этом своих вотчин. По существу, бояре были соправителями князей. Экономическое и военное могущество некоторых из них порой превышало могущество князей. Успех и благополучие князя всецело зависели от его умения ладить с аристократией.

Даже Дмитрий Донской — один из самых могущественных русских князей «удельного периода» — перед кончиной наставлял своих детей: «Бояр своих любите, честь им воздавайте по достоинству и по службе их, без согласия их ничего не делайте»³⁰. Обращаясь затем к боярам, он напомнил им: «Вы назывались у меня не боярами, но князьями земли моей». И как ни идеализировал князя неизвестный автор «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича», но ясно, что в сочиненных им предсмертных речах князя содержится то, что Дмитрий должен был сказать в соответствии с его положением.

Впрочем, и сами русские князья в условиях политической раздробленности имели большую «свободу маневра». Оставшись по той или иной причине без удела, князь мог поступить на службу к боярским правительствам Новгорода или Пскова, мог наняться к ордынскому хану. Однако по мере подчинения русских княжеств и земель великому князю московскому возможность выбора места службы — а вместе с ней и независимость — неуклонно суживалась. К концу XV в. у бояр, не желавших служить Державному, практически не оставалось других возможностей, кроме отъезда в Литву. Там беглец мог жить, не теряя языка и веры своих отцов. Однако с родовыми вотчинами, оставшимися во владениях Ивана III, приходилось проститься навсегда. Кроме того, по мере усиления польского влияния и католической экспансии в Литве положение православной русскоязычной знати все более и более ухудшалось.

Существовала и другая сторона дела. Рост экономического и военного могущества московских князей позволял им все более решительно расправляться с неугодными боярами. Тот самый Дмитрий Донской, который так тепло отзывался о своих боярах перед кончиной, в 1379 г. устроил первую в истории Москвы публичную казнь боярина: на Кучковом поле палач отрубил голову «изменнику» Ивану Вельяминову — сыну виднейшего московского боярина, тысяцкого Василия Вельяминова.

В эпоху феодальной войны второй четверти XV в. Василий II расправлялся с неугодными боярами древним византийским способом — ослеплением. Впрочем, в конце концов и сам он стал жертвой этой казни. Став Темным (слепым), Василий, разумеется, не стал от этого мягче в отношении своих врагов. Даже после окончания феодальной войны он осуществлял массовые казни приближенных тех удельных князей, которых он считал «заговорщиками». Осторожный Иван III не злоупотреблял кровавыми расправами и избегал прямых конфликтов с боярством. Но там, где он видел в этом необходимость, — расправа следовала незамедлительно. Насильственное пострижение в монахи (как «милостивая» замена казни), ослепление, сожжение в срубе, голодная смерть в потаенной темнице — все это было грозной реальностью, от которой не был застрахован никто, даже родные братья Державного.

Иван III не щадил и духовенство. Согласно древней традиции, оно не подлежало суду гражданских властей. Однако во времена Ивана III священников, заподозренных в политических преступлениях, били кнутом на площади, привязав к столбу. Даже строптивый митрополит Геронтий, долго не желавший уступать великокняжескому произволу, отведая заточения в монастыре и иных мер воздействия, стал послушен и во всем согласен с Иваном III. Современники прямо упрекали его в том, что он «боялся Державного»³¹.

Возвышаясь до небывалого величия как глава единого Российского государства и уже примеряя к себе и своим наследникам царский титул, Иван III не забывал и самый простой способ возвышения — через унижение окружающих. Проводя эту тенденцию как в большом, так и в малом, он требовал, чтобы в посланиях к нему даже бояре именовали себя «холопами», использовали уничижительные формы собственного имени.

Сигизмунд Герберштейн, собиравший сведения о личности и деяниях Ивана III от людей хорошо осведомленных, в своих записках рисует сцену, ярко передающую атмосферу, царившую при дворе «государя всея Руси». Случалось, что во время пира он, выпив лишнего, хмелел и засыпал прямо за столом. Пока он спал, «все приглашенные... сидели пораженные страхом и молчали»³².

Как и другие аристократы, Даниил Щеня, несомненно, ощущал на себе деспотические наклонности великого князя. Известно, что в 1505 г. оба новгородских наместника, Щеня и В. В. Шуйский, послали Ивану III грамоту с сообщением о некоторых новостях дипломатического характера. Начиналась она так: «Государь и великий князь! Холопы твои Данило и Васюк Шуйский челом бьют»³³. Так принято стало писать, обращаясь к Державному. Но интересная деталь: в то время как осторожный Шуйский не постоял и за тем, чтобы униженно назваться Васюком, — Даниил Щеня написал свое имя полностью.

Сын Ивана III великий князь Василий Иванович был еще более склонен к деспотизму, нетерпим к чужому мнению, чем его отец. Он отправлял в темницу и на плаху своих придворных не только за «дело», но даже и за «слово», направленное против его особы. Примером может служить печальная участь Максима Грека и его собеседников из числа московской знати. Все они так или иначе поплатились за свое вольнодумство в ходе «расследования» 1524—1525 гг. Все эти явления не обошли стороной и потомков Даниила Щени. В их судьбе, как в капле воды, отразилась одна из особенностей российской жизни — неизменно присутствующая в ней тяга к уничтожению людей, наиболее одаренных в той или иной области.

Сын Даниила Щени Михаил пошел по стопам отца. Мы постоянно встречаем его в войсках, начиная с 1510 г., то на южной границе, то под Псковом, то в Смоленске. Князь Михаил (по прозвищу отца он получил свою «фамилию» — Щенятев) прошел суровую воинскую школу под началом самого строгого, но и самого опытного учителя — собственного отца. Известно, что в 1513 г. во втором смоленском походе он командовал полком правой руки в войске Даниила Щени. Там же, «на правой руке» у отца, он был и во время кампании 1514 и 1515 гг.³⁴.

Василий III, чтя старого воеводу и ожидая новых побед от его сына, не позднее 1513 г. дал ему думный чин боярина. Не станем утомлять читателя перечнем служб и походов Михаила Щенятева. Заметим лишь, что он все время на коне, на передовых рубежах обороны Руси. Но где-то в середине 20-х гг. Михаил попадает в опалу. Вероятно, это было связано с разгромом правительством кружка московских вольнодумцев, «душой» которого был Максим Грек, или же с тем глухим, но широким недовольством, которое вызвал у московской знати противоречивший церковным канонам развод Василия III с его первой женой Соломонией Сабуровой.

В 1528 г. Михаил Щенятев, как видно, прощенный великим князем, стоял с войсками против казанских татар в Костроме. Но затем он вновь по какому-то поводу вызвал гнев Василия III и был брошен в темницу. Его освободили в 1530 г. в связи с «амнистией» по случаю рождения у Василия III долгожданного наследника — сына Ивана. Год спустя он вновь упомянут среди воевод, стоявших с полками на Оке в ожидании набега крымцев.

После этого известия — молчание. Михаил Щенятев навсегда исчезает со страниц летописей и разрядных книг. Где окончил он свои дни? В тихой обители под мирный благовест? В тайном застенке под крики вздернутых на дыбу? В отчем доме, под причитания родни? Этого мы не знаем...

Его старший сын Петр, будучи в родстве с князьями Бельскими, один из которых был женат на его сестре, в молодости ввязался в придворную борьбу и едва не погиб во время столкновения между сторонниками Шуйских и Бельских в 1542 г. Придя к власти, Шуйские сослали его в Ярославль. Однако года два спустя он вернулся в Москву и вскоре вместе с другими воеводами стоял в обычном летнем дозоре на Оке.

Биография Петра Щенятева была богата взлетами и падениями. В 1546 г. он был наместником в северной глуши — Каргополе. Однако после венчания Ивана IV на царство он вновь в столице, вновь ходит с полками во все большие походы того времени, в том числе — знаменитый поход на Казань (1552 г.) и победный поход на Полоцк в 1563 г. Подобно деду, он был новгородским наместником, ходил на шведов под Выборг и вернулся с победой в 1556 г.³⁵

Случилось так, что Петр Щенятев неоднократно был в походах вместе с князем Андреем Курбским. Можно думать, что они были дружны и Щенятев делился с ним своими горестными мыслями о личности царя и о его политике. Едва ли случайно, что после бегства Курбского в Литву в 1563 г. князь Щенятев, бывший тогда первым воеводой в Полоцке, получил тайное предложение перейти на сторону Сигизмунда. В ответ он приказал открыть огонь из всех пушек по стоявшему близ Полоцка литовскому войску.

В 1565 г. Щенятев успешно действовал против крымцев под Болховом. То была его последняя кампания...

В середине 60-х гг. над страной сгустились тучи опричного террора. Царь решил устрашить и подчинить себе правящий класс. Аресты следовали один за другим. Щенятев не желал, оставаясь при дворе, стать жертвой или соучастником кровавой охоты на людей, которую начал Иван IV. Князь решил уйти в отдаленный монастырь.

Внеся большой вклад в Борисоглебский монастырь (в 18 верстах от Ростова), Петр Щенятев под именем Пимена вступил в ряды иноков этой лесной обители³⁶. Но мстительный царь не прощал сопротивления даже в такой пассивной форме. Возможно, он принял постриг Щенятева за косвенное доказательство его причастности к одному из тех «боярских заговоров», которые мнились Грозному повсюду. Как бы там ни было, царь конфисковал владения Щенятева, а самого его подверг мучительной казни. По одним источникам, он был забит до смерти батогами, по другим — удушен. Но самое страшное и, по-видимому, самое достоверное сообщение об обстоятельствах гибели воеводы содержится в «Истории» князя А. М. Курбского. Перечисляя жертвы царских палачей, Курбский называет и П. М. Щенятева: «Еще убит князь Петр, по прозванию Щенятев, внук (в действительности — правнук. — *Н. Б.*) князя литовского Патрикеев. Был он человек весьма благородный и богатый, но, оставя все богатство и большое имущество, избрал монашество и возлюбил бескорыстную жизнь в подражание Христу. Однако и там велел мучитель мучить его, жарить на железной сковороде, раскаленной на огне, и втыкать иглы под ногти. И в таких мучениях тот скончался»³⁷.

Источники сообщают дату кончины воеводы — 5 августа 1565 г. Со смертью князя Петра Михайловича Щенятева, не имевшего наследников мужского пола, пресекался и весь род Даниила Щени — род, давший России три поколения людей, умевших не только охранять Россию от внешних врагов, но и сохранить собственное достоинство — а значит, и достоинство народа — перед лицом крепнущего деспотизма.

* * *

Созданное дедом и отцом Ивана Грозного московское самодержавие было весьма неоднозначным историческим явлением. Оно вывело страну из неурядиц и смут периода феодальной раздробленности, собрало воедино ее материальный и духовный потенциал. Однако в самой системе неограниченной личной власти таилась опасность. Личные качества самодержца, недостатки его ума и сердца отзывались тяжелыми испытаниями и потерями для народа. Опричный террор Ивана IV больно ударил по всем сторонам жизни общества. Но особенно сильный удар был нанесен русской армии, ее «генералитету» — посевшим в боях и походах боярам, ратным трудом которых ширилось и крепло московское государство. Царь Иван, как всякий тиран, более всего боялся заговора военных. И поэтому участь Петра Щенятева разделили многие высшие офицеры той эпохи. Одним из них — едва ли не самым знаменитым — был князь Михаил Иванович Воротынский. В течение двух десятилетий (с начала 50-х до начала 70-х гг. XVI в.) он был одним из лучших полководцев тогдашней России. Потомки помнили о его заслугах: Воротынский был изображен в барельефах памятника «Тысячелетие России» в Новгороде рядом с Холмским и Даниилом Щеней.

Род князей Воротынских восходил к святому князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, казненному в ставке Батые в 1246 г. Подобно многим «верховским» (из верховий Оки) князьям, Воро-

тынские перешли на московскую службу в последней четверти XV в. Отец полководца, князь Иван Воротынский, верой и правдой служил Василию III, участвуя во многих его походах. При этом он сохранял определенные права в своем наследственном родовом владении — городке Воротынск близ Калуги. Впрочем, Василий III не вполне доверял ему и никогда не оставлял без присмотра коренных московских воевод. После страшного набега крымских татар в 1521 г. Василий III долго гневался на своих воевод. В 1522—1525 гг. был в опале и Воротынский-старший; в 1534 г. он был вновь арестован и 21 июня 1535 г. умер, по-видимому, в заточении.

Князь Михаил Воротынский впервые упомянут в документах 1543 г. С этого времени он постоянно находился на ратной службе. Его послужной список восстановлен историком С. Б. Веселовским. «В 1543 г. он в Белеве, в 1544 г. — наместник и воевода в Калуге, в 1545 г. — в Ярославле, в 1550 г. — наместник в Костроме, а затем в Коломне, в 1551 г. — в Одоеве, в 1552 г. — в Рязани и Коломне»³⁸.

Особую известность Воротынский приобрел своими действиями во время победного казанского похода 1552 г. Вначале он был послан с другими воеводами к Туле для отражения ожидавшегося набега крымцев. После благополучного исхода этого дела Воротынский двинулся с войском на Казань. Согласно «Казанской истории» — литературному памятнику второй половины XVI в. — он был назначен царем первым воеводой в передовом полку³⁹. Во время осады передовой полк стоял к северо-востоку от крепости, на Арском поле. Однако по другим сведениям М. И. Воротынский был воеводой в большом полку. Так или иначе, князь был в числе главных руко-

ководителей осады и штурма восточной части крепости. Он сумел придвинуть осадные башни («туры») почти вплотную к стенам города. Когда казанцы попытались внезапной ночной атакой овладеть турами, Воротынский повел своих воинов в контратаку и отбросил врага обратно в крепость. В этой схватке он получил несколько ран.

30 сентября воины большого полка под предводительством Воротынского захватили Арскую башню и проникли в крепость. Воевода просил царя начать общий штурм. Однако Иван IV не внял его призыву и отложил штурм до 2 октября.

В ночь перед штурмом Воротынский руководил закладкой пороха под стену возле Арских ворот. Узнав, что татары получили известие о готовящемся взрыве, князь послал гонца к царю с предложением как можно скорее начать штурм.

Рано утром 2 октября, после взрыва части городской стены у Арских ворот, Воротынский двинул большой полк на штурм Казани.

По свидетельству другого героя «казанского взятия» князя А. М. Курбского, Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный»⁴⁰. Иван IV, несомненно, знал ему цену. В последовавшие за взятием Казани десять лет Воротынский неизменно входил в состав «ближней думы» царя. Однако главным его делом была оборона южных границ России от крымских татар.

Борьба с крымцами — неуловимыми и стремительными, хитрыми и коварными — требовала глубокого знания их способа ведения войны. Выросший на самой границе Руси с Диким полем, прекрасно знавший этот край и его обитателей, Воротынский был прирожденным «полевым воеводой». Учитывая это, царь направлял его каждое лето именно туда, на Оку — «к берегу от поля». В армии, расположенной вдоль Оки, князь обычно занимал самый высокий пост — первого воеводы большого полка⁴¹. По существу, он был командующим обороной всей южной границы России — границы, которая почти каждое лето превращалась в линию фронта. О заслугах Воротынского на этом поприще свидетельствует уже то, что в 1553—1562 гг. крымцы ни разу не смогли прорваться в центральные районы страны.

В 1562 г. Воротынский, как обычно, стоял с полками «на берегу», т.е. на Оке, в Серпухове. В сентябре того же года его служба внезапно прервалась: вместе с братом Александром, также участником казанского похода, он был арестован. Опала на Воротынских была связана с обнародованием в январе 1562 г. царского указа о княжеских вотчинах⁴². Согласно этому указу, выморочные княжеские вотчины не переходили к вдове или к братьям умершего, как было прежде, а отбирались «на государя», в казну. При таком порядке наследования Михаил и Александр Воротынские теряли надежду получить временно находившийся в руках княгини-вдовы удел своего умершего старшего брата Владимира. Это была лучшая часть Воротынского княжества, треть его территории. А территория эта была отнюдь не малой: в состав удельного княжества Воротынских входили Новосиль, Одоев, Перемышль. Княжество тянулось примерно на 200 км с севера на юг вдоль Оки и по ее притокам. Впрочем, дело было не только в материальном ущербе. Речь шла о землях, издавна принадлежавших роду Воротынских, политых кровью предков. Эти раздольные заливные луга в пойме верхней Оки, эти могучие дубравы, даже эти невзрачные заросли тальника по берегам маленькой речки Высса, на которой стоит Воротынский, — все это было для Воротынских своим, родным. Эту землю они любили как нечто живое, ощущали почти как часть своего тела. Своим решением царь нанес им не просто ущерб, но боль и оскорбление. Оно было тем более тяжким, что Воротынские ничем не заслужили этого удара. А между тем царь своим указом метил прежде всего в них. Он опасался иметь на самой границе с Литвой и Диким полем самостоятельное удельное княжество. Быстро развившаяся в нем подозрительность давала первые горькие плоды: царь стал опасаться того, что Воротынские вновь перейдут на литовскую службу, откроют врагу свой участок «берега» — оборонительной линии на Оке.

Можно предположить, что, не сдержавшись, Михаил Воротынский в прямом разговоре «нагрубил» царю. В последующих, очень неровных отношениях царя с Воротынским много личного: задетого самолюбия Ивана IV и вызывающего ярость деспота спокойного достоинства аристократа. Иначе говоря, Воротынский был из тех, кто мог сказать царю такое, чего не посмел бы вымолвить никто другой. В ответ царь распорядился арестовать Воротынских «за изменные дела» и конфисковать их владения. Корпоративная солидарность, которой всегда так недоставало русской аристократии, все же иногда давала себя знать. У братьев Воротынских было много родственников и доброхотов. Не желая слишком резкого конфликта с ними, царь пошел на компромисс: младший брат, Александр, был сослан в Галич и через полгода помилован; старшего, Михаила, ожидал более суровый приговор — заточение с женой и дочерью в тюрьме на Белоозере. Однако условия этого заточения можно сравнить только с теми, в которых находился сто лет спустя в тех же краях опальный Патриарх Никон. Сохранилось донесение стороживших Воротынского приставов, написанное в конце 1564 г. Они сообщают, что из положенного князю довольствия в уходящем году недопоставлено «двух осетров свежих, двух севрюг свежих, полпуда ягод винных, полпуда изюму, трех ведер слив»⁴³. В Москве, получив донесение, распорядились дослать все перечисленное. Однако и сам Воротынский вскоре прислал жалобу, что ему не выдали положенного государева жалования — «ведра романей, ведра рейнского вина, ведра бастру, 200 лимонов, десяти гривенок перцу, гривенки шафрану, двух гривенок гвоздики, пуда воску, двух труб левашных, пяти лососей свежих; деньгами шлю князю, княгине и княжне 50 рублей в год, людям их, которых было 12 человек, 48 рублей 27 алтын».

Находясь на Белоозере, Воротынский узнал о судьбе брата Александра. Дав письменные заверения в своей преданности Ивану IV, тот был в апреле 1553 г. возвращен из Галича. В следующем году он получил назначение воеводой во Ржев и здесь вступил в местнический спор со своим сослуживцем князем Иваном Пронским. Дело было вынесено на рассмотрение самого государя. Тот решил спор в пользу Пронского и, желая унижить Воротынского,

сломить его достоинство, письменно указал князю: «...и ты б знал себе меру и на нашей службе был по нашему наказу»⁴⁴. Не желая мерить себя той мерой, которую указал ему царь, Воротынский оставил службу и принял монашеский постриг.

Один из самых распространенных приемов любой деспотической власти заключается в том, чтобы, отобрав у людей нечто существенное (хлеб, землю, свободу, орудия труда), возвращать это небольшими порциями в виде благодеяния. Именно так поступил и Иван IV. В разгар опричнины, весной 1566 г., он возвратил Михаила Воротынского в Москву, вернул ему часть удела и в качестве вознаграждения за выморочную часть брата Александра, отошедшую «на государя», дал вотчины в нижнем течении Клязьмы. Вернуть свободу Воротынский смог лишь благодаря тому, что за него поручились некоторые бояре, а сам он покался перед царем в своих мнимых проступках.

В 1566—1571 гг. Воротынский исполнял обычный круг обязанностей крупного воеводы: в ожидании набега крымских татар стоял с полками то на Оке, то в Серпухове, то в Коломне. Одновременно он был одним из виднейших руководителей земщины.

Между тем Ливонская война после взятия Полоцка в 1563 г. приняла затяжной характер. Польско-литовское правительство искало путей к ее благополучному завершению не только на полях сражений, но и в хитросплетениях дворцовых заговоров и интриг. Одна из таких интриг заключалась в попытке организации боярского заговора с целью свержения Ивана IV с престола (что, несомненно, было возможно лишь путем его убийства). Одним из руководителей заговора намечен был князь Воротынский. Задуманная игра казалась беспроигрышной: в случае успеха заговора новая власть должна была быть полна дружеских чувств к Польше; в случае его разоблачения летели головы виднейших деятелей правительства Ивана IV. Однако конюший боярин И. П. Челяднин, с которым начал переговоры литовский лазутчик, по мнению некоторых историков, сам сообщил царю о происках врагов⁴⁵. Возможно, царь узнал об этих интригах и по другим сведениям. Но никакой реальной вины за Воротынским он не обнаружил: воевода не собирался вступать в какой-либо заговор. Он благополучно пережил новые вспышки репрессий, связанные с «делом» митрополита Филиппа (1568 г.), «заговором» князя Владимира Старицкого (1569 г.).

Что думал старый князь, глядя на творимые царем расправы? Почему он, как и другие виднейшие земские бояре, не нашел средств для обуздания обезумевшего самодержца? Ясно лишь одно: эти люди отнюдь не были трусами, эгоистами. Но устранить Ивана IV мешала не только его вездесущая охрана и тайная служба. Одна из самых слабых сторон русского национального характера заключается в том, что перед лицом обстоятельств, требующих соединения единомышленников и решительных действий, человеком вдруг овладевает какая-то странная задумчивость, равнодушие ко всему, в том числе и к собственной участи. Столько больших и малых тиранов сохраняли свою власть, пользуясь этим печальным свойством «загадочной русской души»!

Ослабление обороноспособности России, вызванное Ливонской войной и опричниной, неурожайными годами и эпидемией чумы, воодушевляло крымских татар на новые набеги. Возрастание крымской угрозы заставило правительство заняться укреплением и совершенствованием сторожевой пограничной службы. По поручению царя эту работу возглавил Михаил Воротынский. Соответствующий указ был обнародован 1 января 1571 г. Князь отнесся к новому делу очень ответственно. Из всех пограничных городов в Москву были вызваны ветераны сторожевой службы; на места для сбора необходимых сведений отправились воеводы и дьяки Разрядного приказа. Собранный опыт лег в основу принятого 16 февраля 1571 г. «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе». Это был своего рода устав пограничной службы. Он точно определял задачи сторож (постоянных застав) и станиц (разъездов), устанавливал строгие наказания за халатное исполнение дозорными своих обязанностей. Нормы, принятые в этом документе, действовали до конца XVII в. Их неуклонное выполнение обеспечивало своевременное оповещение воевод и населения приграничной полосы о приближении крымцев.

Как бы в насмешку над усилиями московского правительства, крымский хан Девлет-Гирей весной 1571 г. предпринял большой поход в русские земли. Основные силы царской армии были в этот момент заняты в Ливонии. В городах по Оке стояло не более 6 тыс. воинов⁴⁶. Сам Иван IV со своей опричной гвардией находился в Серпухове. С ним был и Воротынский.

В мае 1571 г., обойдя стороной хорошо укрепленный район Серпухова, татары прорвались возле Калуги в глубь русских земель. Они дошли до самой Москвы, оставленной Иваном IV на произвол судьбы. Царь уехал в Ростов, предоставив земским воеводам самим управляться с крымцами. Опричное войско в первых же стычках с татарами показало свою ненадежность. Намереваясь затвориться в крепости, воеводы оттянули силы от «берега» к Москве. Однако страшный пожар, зажженный стоявшими у стен татарами и распространившийся повсюду из-за сильного ветра, испепелил

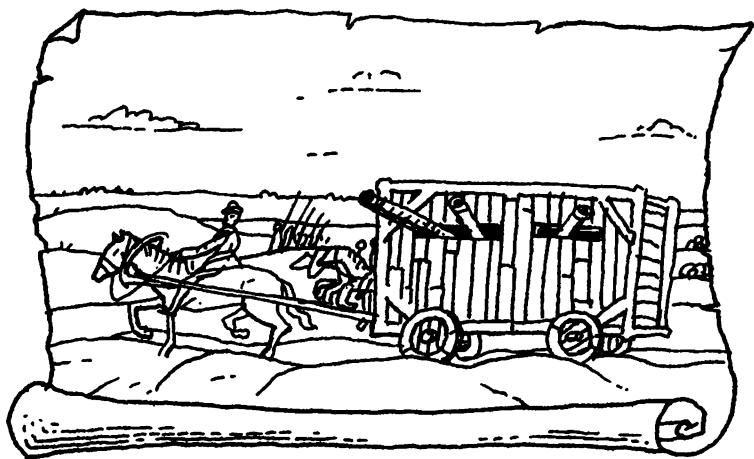
почти весь город. Такого бедствия Москва не знала со времен нашествия Тохтамыша в 1382 г.

Татары быстро покинули пепелище и стали отходить к Оке. Не имея сил для сражения со всей ордой, Воротынский со своим полком шел следом за ней, нападая на арьергарды и отбивая пленных.

В следующем году крымцы вновь решили напасть на Москву. Хан самонадеянно заявлял о намерении покорить Русь, повторить Батыево нашествие. На этот раз, имея подавляющее численное превосходство — до 100 тыс. против 20 тыс. русских воинов, крымцы двинулись прямо «в лоб» русской обороне — на Серпухов. Князь Воротынский, командовавший «береговыми» войсками, находился в Коломне. Сторожевая служба своевременно сообщила о приближении орды. Перейдя Оку в районе Сенькина брода, выше Серпухова, и отбросив стоявшие там русские отряды, Девлет-Гирей стремительно направился к Москве по наезженной Серпуховской дороге. Узнав об этом, Воротынский принял смелое и единственно правильное в тех обстоятельствах решение: собрав своих «береговых» воевод, идти вслед за крымцами и, атакуя их с тыла и флангов, вызвать хана на генеральное сражение.

Возле села Молоди, в 45 верстах к югу от Москвы, русские сумели остановить татар. Замысел Воротынского осуществился: хан не решился напасть на Москву, имея в тылу «береговые» полки. 30 июля 1572 г. ханское войско обрушилось на русскую рать. Началось кровопролитное сражение, известное в истории как битва при Молодях.

Крымский хан имел большое превосходство в силах. Бороться с ним в открытом, полевом сражении было бы безумием. Все свои надежды Воротынский возлагал на «гуляй-город». Так называли своего рода крепость из толстых деревянных щитов и бревен. Нехитрые элементы ее конструкции перевозили на телегах с места на место и при необходимости собирали в виде длинной двойной стены. В совершенстве владея техникой деревянного строительства, русские воины собирали «гуляй-город» с необычайной быстротой. Продуманная до мелочей конструкция делала все сооружение очень

устойчивым и удобным для обороны. В стенах имелись многочисленные бойницы для стрельбы из пушек и пищалей.

Поставив «гуляй-город» на холме, над речкой Рожай, Воротынский разместил в нем большой полк. Крепость была спереди защищена рвами, мешавшими татарам приблизиться к ее стенам. С флангов и с тыла подходы к ней были перекрыты полками правой и левой руки. Особо выделенный отряд стрельцов, численность которого составляла около 3 тыс. человек, был поставлен впереди у подножия холма. Лавина татарской конницы обрушилась на центр русской позиции, смяла и уничтожила стрельцов, однако, утратив боевой порыв, остановилась у стен «гуляй-города». Засевшие там воины вели меткий огонь из пушек и пищалей. Неся потери, татары отхлынули назад. Весь день они предпринимали новые и новые атаки, но каждый раз русские прогоняли их от крепости.

После неудачи 30 июля Девлет-Гирей на два дня прекратил атаки и основательно подготовился к новому штурму, состоявшемуся 2 августа. Все силы крымцев были брошены на «гуляй-город». Во главе отрядов были поставлены ханские сыновья. Нападавшие лезли на стены крепости, пытались поджечь ее — но все было напрасно.

Обе стороны понесли тяжелые потери. Несколько знатных крымских воевод было убито или взято в плен. Русское войско не имело запасов продовольствия и фуража. Людям и лошадям грозил голод. В этих условиях Воротынский предпринял решительный шаг. Он вывел часть своих войск из «гуляй-города» и скрытно, пользуясь рельефом местности, провел этот отряд в тыл ханских полков. Командование войнами, оставшимися в крепости, Воротынский поручил князю Дмитрию Хворостинину — отважному и предприимчивому воеводе, возглавлявшему весной 1572 г. передовой полк «береговой» рати. Узнав о переправе татар у Сенькина брода, Хворостинин пытался задержать их, но был отброшен из-за многократного превосходства сил неприятеля. Именно Хворостинин, преследуя врага, разгромил шедшие в арьергарде отряды ханских сыновей и этим заставил Девлет-Гирея остановить орду и, развернув силы, дать русским бой при Молодах.

Подав условный сигнал оставшемуся в «гуляй-городе» Хворостинину, Воротынский внезапно для татар ударил им в тыл. Одновременно осажденные начали палить разом из всех пушек и сделали вылазку, ударив на крымцев «в лоб». Не выдержав двойного натиска и приняв отряд Воротынского за подоспевшую к русским подмогу, татары обратились в бегство. Русские воины долго преследовали их, захватывая пленных и добычу.

Победа русских при Молодах надолго отбила у татар охоту вторгаться в русские земли. Вместе с тем она показала необходимость скорейшей ликвидации опричнины и объединения земского и опричного войска. Среди длинной череды неудач, преследовавших Россию в 70-е гг. XVI в., победа при Молодах была, пожалуй, единственным отрядным событием. Имя князя Воротынского стало символом воинской славы. Историки по-разному оценивают его личные заслуги в исходе битвы⁴⁷. Однако для современников он был ее главным героем. Этого-то и не мог стерпеть Иван IV. Участь

Воротынского была предreshена. Впрочем, царь не решился расправиться с ним сразу же после битвы. В 1572 г. он послал князя на ливонский фронт, весной 1573 г. вновь отправил в Серпухов для обороны южной границы. А вскоре вместе с двумя другими руководителями «береговой» армии, воеводами Н. Р. Одоевским и М. Я. Морозовым, Воротынский был взят под стражу...

В своей «Истории о великом князе Московском», написанной на чужбине, князь Курбский, лично знавший Воротынского, перечислив его заслуги, подробно рассказывает и о последних днях полководца. «Чем же воздал царь ему за эту службу? Прошу, внимательно выслушай эту горькую и грустную, когда слышишь, трагедию. Спустя примерно год велел он схватить, связать, привести и поставить перед собой этого победоносца и защитника своего и всей земли Русской. Найдя какого-то раба его, обокравшего своего господина, — я же думаю, что был тот подучен им: ведь тогда еще князья эти сидели на своих уделах и имели под собой большие вотчины, а с них, почитай, по несколько тысяч воинов были их слугами, а он им, князьям, завидовал и потому их губил, — царь сказал князю: «Вот, свидетельствует против тебя твой слуга, что хотел ты меня околдовать и искал для этого баб-ворожеек». Но тот, как князь чистый от молодости своей, отвечал: «Не привык я, царь, и не научился от предков своих колдовать и верить в бесовство, лишь хвалить Бога Единого, в Троице Славимого, и тебе, царю и государю моему, служить верой. Этот клеветник — раб мой, он убежал от меня, меня обокрав. Не подобает тебе верить ему и принимать от него свидетельства, как от злодея и предателя, ложно на меня клеветующего». Но он тотчас повелел блистательнейшего родом, разумом и делами мужа, положив связанным на дерево, жечь между двух огней. Говорят, что и сам он явился как главный палач к палачам, терзающим победоносца, и подгрел под святое тело горящие угли своим проклятым жезлом.

Велел он также подвергнуть разным пыткам и вышеназванного Никиту Одоевского, например, протянуть через грудь его сорочку и дергать туда и сюда, так что вскоре тот скончался в этих страданиях. А того прославленного победителя, без вины замученного и обгоревшего в огне, полумертвого и едва дышащего, велел он отвезти в темницу на Белоозеро. Провезли его мили три, и отошел он с этого жестокого пути в путь приятный и радостный восхождения на небо к Своему Христу. О самый лучший и твердый муж, исполненный великого разума! Велика и прославлена твоя блаженная память! Если недостаточна она, пожалуй, в той, можно сказать, варварской земле, в том неблагодарном нашем отечестве, то здесь, да и думаю, что везде в чужих странах, прославлена больше, чем там...»⁴⁸

УГАСШИЙ РОД

Мы, Шуйские, стоим
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Как повелось от предков...

А. К. Толстой. «Царь Федор Иоаннович»

Один из самых знатных русских аристократических родов, Шуйские были потомками Александра Невского. Их родословная тянется от третьего сына неевского героя — князя Андрея Александровича Городецкого, занимавшего великое княжение владимирское с 1293 по 1304 г. Внук Андрея Городецкого князь Василий Михайлович Суздальский был, в свою очередь, дедом известного в русской истории князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского — тестя Дмитрия Донского, вместе с ним поднявшего знамя борьбы с Ордой в 70-е гг. XIV в.

Внук Дмитрия Константиновича Юрий Васильевич стал отцом первых князей Шуйских. Как и многие другие княжеские династии, свое прозвище, ставшее фамилией, они получили от названия небольшого удела, центром которого было старинное село Шуя (ныне город в Ивановской области). Именно эта, старшая линия суздальских князей дала всех Шуйских, живших в конце XV — начале XVII в.

Помимо старшей, существовала и другая линия суздальских князей, начавшаяся от другого внука Дмитрия Константиновича — князя Василия Семеновича. Один из представителей этой линии — князь Василий Васильевич Гребенка — также назван в источниках Шуйским. Однако он умер бездетным в конце XV в. и эта линия Шуйских пресеклась с его кончиной.

Заметим, что родной брат Василия Гребенки Иван Горбатый стал родоначальником другого известного рода, давшего России немало доблестных воевод, — князей Горбатовых.

В ту эпоху историю Руси воспринимали прежде всего как историю правящей династии и аристократических фамилий. Каждый род бережно хранил память о заслугах своих предков, об их отношениях с великими князьями московскими. Да и сами представители верховной власти должны были считаться со знатностью и зас-

лугами перед Русью того или иного рода. Система замещения военных и гражданских должностей в соответствии с положением предков при дворе московских великих князей («местничество») ослабила, но не смогла полностью опровергнуть значение «породы», особую цену «голубой крови».

Среди аристократии московского государства Шуйские всегда занимали особое положение. Они долго не хотели смириться с потерей удела и во имя его возвращения готовы были в свое время поддерживать Дмитрия Шемяку. Да и позднее, после гибели Шемяки, Шуйские предпочитали дружить с теми, кто не желал подчиниться правительству Василия Темного. В 1456 г. князь Василий Васильевич Шуйский по прозвищу Гребенка командовал новгородской ратью, выступившей на бой с приближавшимся к Новгороду войском Василия Темного. Битва под Старой Руссой окончилась победой москвичей. Шуйский едва успел ускользнуть из их рук. Однако новгородцы не сочли его виновным в этом поражении. Шуйский продолжал служить городу до самого момента его падения. Лишь 28 декабря 1477 г., когда подчинение Новгорода Ивану III, по существу, было уже решенным делом, В. В. Шуйский «сложил целование» новгородцам и явился в московский стан. «Государь всея Руси» не стал сводить счеты и принял Шуйского к своему двору. Вскоре вместе со своими близкими родичами князьями Горбатыми Шуйские заняли видные места в московских полках.

Как часто, сами того не сознавая, мы воспринимаем историю Отечества через литературу, видим прошлое глазами великих художников слова! Имя «Шуйский» неизменно вызывает в памяти первую сцену трагедии Пушкина. 20 февраля 1598 г. Кремлевские палаты... Тайная беседа двух аристократов — князей Шуйского и Воротынского. Здесь — завязка дворцовой интриги, завершившейся падением дома Годуновых.

«Лукавый царедворец!» — называет Шуйского пылкий Воротынский. Таким предстает он в драме Пушкина, таким остался и в нашей исторической памяти. Поэт не назвал «царедворца» по имени, и потому сама фамилия «Шуйский» стала как бы нарицательным именем, обозначающим двоедушие, коварство, властолюбие и лень.

Но только ли злополучного царя Василия Ивановича дал России на протяжении двух с половиной столетий род князей Шуйских?

Расхожее представление о Шуйских только лишь как о «льстивых царедворцах» весьма далеко от истины. Действительно, в XVI столетии они постоянно находились у трона. Но такова была традиция той эпохи. Любой аристократ неизменно выступал «един в трех лицах» — полководец, администратор и придворный.

Князья Шуйские — за исключением царя Василия и его братьев — были прежде всего мужественными воинами, защитниками Русской земли, затем — великокняжескими и царскими наместниками, управлявшими городами и целыми областями страны, и лишь в последнюю очередь — участниками придворных интриг, «царедворцами». В этом легко убедиться, ознакомившись с биографиями наиболее видных представителей рода Шуйских.

Одним из крупнейших русских военачальников первой трети XVI в. был князь Василий Васильевич Шуйский. Как истинный воин, он был немногословен. Черта эта в характере князя Василия была столь резкой и заметной, что злые языки дали ему насмешливое прозвище — Немой.

Забегая вперед, заметим, что молчаливость Шуйского, вероятно, была одной из причин особенного расположения к нему со стороны великого князя Василия III. Известно, что он очень не любил «встречу» — то есть любые возражения со стороны своих приближенных. Впрочем, молчаливость воеводы имела и другую сторону: он не был, как говорили в старину, «дакальщиком» и не поддакивал каждому слову «государя». Василий III был достаточно умен, чтобы не питать особого доверия к льстецам, и, несомненно, ценил сдержанность Шуйского на сей счет.

В эпоху, когда жил и действовал князь Василий, карьера сына во многом зависела от послужного списка отца. Василий Федорович Шуйский, отец нашего героя, в эпоху Ивана III был известен как видный администратор. В 80-е гг. он исполнял обязанности московского наместника в Новгороде. В 90-е гг. XV в. Шуйский-старший был князем-наместником во Пскове. Во главе псковской рати он участвовал в походе московских войск на Литву в 1492 г., а три года спустя ходил на шведов¹. В этом походе, помимо приведенных им псковичей, участвовали новгородцы во главе с наместником Яковом Захарьевичем и присланная из Москвы рать под командованием князя Даниила Васильевича Щени. Должность псковского наместника стала последней для Шуйского: он умер во Пскове в 1496 г.

Василий-младший уже в молодые годы получил должность новгородского наместника. Это произошло в 1500 г. Несомненно, в такой преемственности, обычной для московской знати, был немалый практический смысл: отец готовил сына к наследованию своего дела. Шуйский-старший передал сыну свой опыт, свои связи и знакомства в покоренном, но все еще беспокойном городе. Не раз покидая эту должность и затем вновь возвращаясь к ней, Шуйский сумел добиться главного: под его началом новгородцы ходили не только против своих исконных врагов — немцев, но и в общерусские походы.

Русско-литовская война 1500—1503 гг. обострила обстановку и на северо-западных рубежах. Ливонские рыцари, заключив союз с великим князем литовским Александром Казимировичем, активно готовились к вторжению в псковские земли. Но главные события войны развернулись на смоленском направлении. Здесь в июле 1500 г. русское войско разгромило князя Константина Острожского на реке Ведроше.

После этой неудачи военная активность литовцев резко упала. Смерть польского короля Яна Альбрехта 17 июня 1501 г. и последовавшая за ней борьба за польский трон на целый год отвлекли великого князя Александра Казимировича. Лишь летом 1502 г. он вернулся в Литву уже в качестве польского короля и вновь обратился к заботам московской войны.

Между тем ливонцы, соблюдая верность своему договору с Литвой, уже в августе 1501 г. двинулись на Русь. Походом руководил воинственный магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг. Разумеется, Орден, немецкие города и католические епископства Эстляндии и Лифляндии, помогая Литве, преследовали прежде всего свои собственные интересы. Помимо предполагаемых трофеев и захвата псковских волостей, их воодушевляла надежда на получение от Александра Казимировича в качестве вознаграждения некоторых пограничных литовских областей.

Отразив нападения немцев на псковскую землю в летних кампаниях 1501 и 1502 гг., новгородские наместники уже в декабре 1502 г. выступили в новый поход. На этот раз целью похода было ответное разорение литовских земель. Как и прежде, Василий Немой с Даниилом Шеней командовали большим полком. Помимо большого полка, в разрядных списках этого похода отмечены и другие традиционные деления русского войска — передовой и сторожевой полки, а также полк левой руки и полк правой руки. Командовали полками представители известных в истории России аристократических фамилий — князь Петр Ряполовский (передовой полк), князь Федор Прозоровский (полк левой руки), князь Семен Ромодановский (сторожевой полк), а также выходцы из семей нетитулованной московской знати — Петр Житов (полк правой руки), Михаил Колычев (сторожевой полк)².

Военная активность русских, а также внутренние проблемы страны заставили Александра Казимировича поспешить с завершением войны. 2 апреля 1503 г. между Россией и Литвой было заключено перемирие сроком на шесть лет. Под власть Ивана III переходила Северская Украина, а также крепости на западном направлении — Дорогобуж, Белая и Торопец. В тот же день было подписано и шестилетнее перемирие с Ливонией, согласно которому стороны возвращались к довоенным границам и обменивались пленными.

Война 1500—1503 гг. принесла победу Ивану III. Однако и Орден, и особенно потерявшее почти треть своей территории великое княжество Литовское не считали итоги войны окончательными. Их правители ждали удобного случая, чтобы возобновить военное противоборство.

Кончина Ивана III породила новые надежды у недругов Руси. Однако наследник грозного «москвиты» великий князь Василий Иванович твердой рукой взял власть и не допустил каких-либо династических смут. Новый государь был милостив к Шуйскому. Уже в 1506 г. он получил высший придворный чин — боярина. Однако расположение великого князя следовало укреплять ревностной службой.

Судьба Василия Немого, как и всякого боевого воеводы, была полна переездов с одного места службы на другое. В октябре 1506 г. закончилось его наместничество в Новгороде. Князя ожидали иные края и иные заботы. Весной 1507 г. началась новая война с Литвой. Там после кончины Александра Казимировича 20 августа 1506 г. к власти пришел его брат Сигизмунд, настроенный крайне враждебно по отношению к Москве. Одновременно возникла и опасность нападения крымских татар. Прежний союзник московского государя

хан Мухаммед-Гирей резко изменил свою политику и летом 1507 г. послал мурз на южные окраины России. Туда для борьбы с татарами из Москвы были брошены самые стойкие, испытанные воеводы.

Летом 1507 г. мы встречаем Василия Немого в Серенске — древнем городе-крепости между Калугой и Брянском. Здесь проходила передовая линия русских укреплений, обращенных на юг. Вместе с другими воеводами Шуйский участвовал в отражении набега крымских татар в августе 1507 г.³ Осенью 1507 г., когда угроза с юга миновала, войска, собранные в верховьях Оки, были направлены на запад, в литовские земли. В этом походе Шуйский командовал полком правой руки.

Весной 1508 г. в Литве начались внутренние распри. Против великого князя литовского и одновременно короля польского Сигизмунда выступил Михаил Глинский — крупнейший магнат православного вероисповедания. На помощь ему были посланы московские воеводы. Основные события развернулись на территории современной Беларуси. Мятеж Глинского был подавлен, а сам он вынужден был бежать в Москву. К осени 1508 г. литовская армия приблизилась к западной границе России. Василий III спешно укреплял смоленские города.

В эти тревожные месяцы весны и лета 1508 г. Василий Немой возглавлял запасную рать, стоявшую в Вязьме — в ближайшем тылу разгоравшейся войны. Однако в октябре 1508 г. между Василием III и Сигизмундом был заключен «вечный мир». Вскоре Шуйский был отправлен на прежнее место службы — наместником в Новгород.

Новое обострение отношений с Литвой произошло осенью 1512 г. Правительство Василия III предприняло еще одну попытку вернуть Смоленск. Туда двинулась большая рать. Как и прежде, войскам из северо-западных районов страны был дан приказ двинуться на юг — через Холм в направлении Смоленска. В ходе этой кампании Шуйский с новгородцами предпринял вторжение в литовские земли в районе Себежа. Первый смоленский поход зимой 1512—1513 гг. завершился безрезультатно. Летом 1513 г. Василий III вновь двинул войска в верховья Днепра. На сей раз Василий Немой с новгородцами через Старую Руссу и Великие Луки пошел на Полоцк — в то время одну из ключевых литовских крепостей. Этот маневр имел целью оттянуть часть литовских сил от Смоленска, взятие которого было главной задачей, стоявшей перед москвичами. Туда, к Смоленску, с трудом пройдя по раскисшим от осенних дождей лесным дорогам, явился в конце октября и Василий Немой со своей ратью.

Вторая осада Смоленска не принесла успеха. Казалось, затеяно безнадежное дело. Однако Василий III, как и его отец, никогда не впадал в отчаяние из-за неудач и настойчиво, методично продолжал добиваться своего. Летом 1514 г. он в третий раз осадил Смоленск. И вновь Шуйский вместе с другим новгородским наместником, И. Г. Морозовым, повел своих новгородцев за пять сотен верст, под стены Смоленска. На этот раз Василий III поручил ему занять позицию в Орше на случай внезапного движения войск Сигизмунда на помощь осажденному городу. В конце июля Смоленск сдался.

Для управления покоренным Смоленском нужен был толковый и распорядительный наместник. На этот пост Василий III назначил Шуйского. Большой опыт службы в таком беспокойном городе, как Новгород, служил залогом его успехов в роли смоленского наместника. Шуйский вполне оправдал доверие Василия III. Он сумел вовремя провести о готовящейся измене: смоленский владыка Варсонофий и ряд местных бояр намеревались вернуть город под власть Сигизмунда. Получив весть от Шуйского, Василий III приказал произвести скорую и крутую расправу. Изменников-бояр повесили на городских стенах, а мятежного владыку отправили в заточение в один из отдаленных северных монастырей⁴.

Вскоре Шуйский отличился и в другом деле. Он успешно отрадил попытку литовцев под началом князя Константина Острожского внезапным набегом захватить Смоленск.

Большая война завершилась. На смену ей пришли опустошительные набеги отдельных литовских и русских отрядов. Зимой 1514—1515 гг. Василий Немой предпринял рейд в литовские владения и вернулся с «полоном» и добычей.

Московские государи обычно не давали своим боярам подолгу задерживаться на том или ином наместничестве. Длительное пребывание в одном городе вело к тому, что воевода начинал мнить себя хозяином всего и вся, терял чувство меры во злоумстве и произволе. Часто это влекло за собой разорение города и озлобление жителей. Вместе с тем «подвижность» воевод имела и другую причину. Государь постоянно ощущал нехватку толковых, деятельных руководителей. Перебирая своих людей, словно четки, он пытался найти каждому наиболее подходящее место, не нарушая при этом коренного принципа местничества — соответствия между должностью и местом, которое занимали на московской службе предки данного лица. Это была своего рода головоломка, над решением которой Василий III размышлял едва ли не каждый день.

Послужной список Василия Немого не составляет исключения. Почти каждый год он получал новые назначения. Несмотря на свои заслуги, он недолго оставался смоленским наместником. В 1517 г. источники сообщают о его пребывании в Вязьме, где он командовал собранными для отражения нападений литовцев войсками. В это время князь Константин Острожский вторгся с большим войском в русские земли и осадил Опочку — южный форпост псковской земли, небольшую крепость в верхнем течении реки Великой. Шуйский, хорошо знавший эти края, получил приказ выступить из Вязьмы на северо-запад. В Великих Луках он соединился с войском под началом князя А. В. Ростовского и вместе с ним пошел к Опочке.

Узнав о приближении большой русской рати, литовцы отступили, так и не сумев овладеть мужественно оборонявшейся крепостью. Русским досталась слава победителей и брошенные неприятелем при отступлении пушки.

Летом 1518 г. Шуйский вновь на посту новгородского наместника. Война с Литвой продолжалась, хотя и без прежнего напряжения сил. Василий Немой с новгородцами был послан на Полоцк — зна-

комой, однажды уже пройденной им дорогой. Под Полоцком он встретил своего брата — псковского наместника Ивана Шуйского, также явившегося с войском для осады Полоцка. Однако взять город братьям не удалось. Подоспевшие крупные силы литовцев заставили их отступить. На следующий год Шуйский вновь ходил на Литву, но на этот раз из Вязьмы. Он был в числе воевод, посланных Василием III для разорения литовских земель, захвата пленных и трофеев.

Усердная служба Шуйского была высоко оценена Василием III. В 1519 г. он жалует его почетным званием владимирского наместника, дает право именоваться одним из первых бояр⁵. В его судьбе происходят существенные перемены. Если прежде князю поручали различные военно-административные должности главным образом на западном и северо-западном направлении, то в 20-е гг. его постоянно можно встретить в одном из городов-крепостей на Оке.

Начало «южной» страницы в военной биографии Василия Немого оказалось неудачным. Летом 1521 г. вместе с князем Д. Ф. Бельским он командовал войсками, собранными в Серпухове и Кашире. Шуйский был назначен лишь вторым воеводой, уступая общее руководство молодому Бельскому. Это и понятно: прослужив два десятка лет на северо-западной границе, он еще не успел освоиться с обстановкой и особенностями войны в Диком поле. К несчастью, и его начальник, князь Бельский, не был силен в вопросах степной войны. А между тем судьба готовила обоим военачальникам тяжкое испытание...

1521 год — один из самых трагических в русской истории. Крымский хан Мухаммед-Гирей с многотысячным войском в ночь на 28 июня скрытно переправился через Оку и, сметая разрозненные русские отряды, устремился к Москве. Появление хана оказалось настолько неожиданным, что в центральных районах страны началась невообразимая паника. Сам великий князь бежал из Москвы и направился в сторону Волоколамска. Злые языки расска-

зывали, что, потеряв голову от страха, он некоторое время прятался в стогу сена. Подоспевшие новгородские и псковские воеводы отогнали татар. Однако урон, причиненный набегом, был ужасен. Сотни деревень и сел были сожжены, тысячи людей убиты или угнаны в плен.

Оправившись после пережитого страха и унижения, Василий III приказал начать следствие и выяснить, по чьей вине произошла катастрофа. Разумеется, воеводы принялись сваливать вину один на другого. Впрочем, первым виновным они дружно назвали самонадеянного и неосмотрительного князя Бельского — их «главнокомандующего».

После событий лета 1521 г. Василий Немой оказался в опале. Ему довелось изведать и государственной темницы⁶. Впрочем, Василий III не хотел портить* отношения со своим ближайшим окружением. Дело, что называется, «замяли». Вскоре был прощен и Шуйский. В качестве предостережения ему велено было целовать крест на верность великому князю.

Летом 1523 г. Василий Немой участвовал в походе на Казань, возглавляя «судовую рать», т.е. войско, следовавшее на кораблях по Волге. Взять Казань русские еще не могли, и потому Василий III решил создать надежный плацдарм для новых походов на нее. Вместе с боярином М. Ю. Захарьиным Шуйский был поставлен руководителем строительства новой крепости в устье Суры. Со временем она получила название Васильсурска.

Последующие назначения Василия связаны с обороной Оки. В 1526—1527 гг. он был наместником в Муроме. Там же находим его и в 1529 г. Летом 1531 г. Шуйский среди других воевод стоял на Оке между Коломной и Каширой, а несколько месяцев спустя был послан с войском в Нижний Новгород. В 1533 г. он вновь стоит с войском в Коломне⁷... Летний поход 1533 г. был одним из последних выступлений Василия Немого на военном поприще. Последующие годы его жизни были посвящены главным образом заботам власти.

Подводя итог его более чем 30-летней деятельности как военачальника, можно сказать, что Василий был полководцем средней руки или, лучше сказать, «средним» полководцем своего времени. Масштабы осуществленных под его руководством военных операций, равно как и их результаты, достаточно скромны. Однако, не блистая ярким дарованием, он обладал рядом качеств, которые высоко ценил Василий III. Прежде всего Шуйский был надежен и основателен. Он умел собрать и повести за собой людей в условиях, когда дисциплина русского войска была, пожалуй, самым слабым его местом.

Не зная громких побед, Василий не допускал и крупных поражений. Журавлю в небе он всегда предпочитал синицу в руке. В сущности, он был типичным представителем тогдашнего московского «генералитета». Полководцы и организаторы, подобные ему, были не менее важны для достижения военных успехов, чем блестящие, геройские личности наподобие князя Холмского или Даниила Щени.

Окончив повесть о ратных трудах Василия Немого и отложив до времени рассказ о его участии в дворцовых смутах и сомнительном возвышении в конце жизни, попытаемся как бы заглянуть через плечо старого воеводы и увидеть тех, кто неизменно стоял за ним, — рядовых русских воинов. Безымянные дети России, они ложились на ее полях, словно скошенная трава, и снова вставали молодой порослью новых поколений. Именно они, эти славные голубоглазые бородачи — то добродушные, то свирепые, то алчные, то безмерно щедрые, — держали на своих широких плечах тяжелое бремя ратных трудов. Они стерегли ворота Руси от незваных гостей, но случалось, и сами без стука являлись в чужой дом...

Каким же было русское войско в первой трети XVI в.? Как оно сражалось, каким оружием пользовалось? На эти и некоторые другие вопросы можно найти ответ в сочинении современника, а может быть, и собеседника Василия Немого — барона Сигизмунда Герберштейна. Он посетил «Московию» в качестве посла императора Священной Римской империи в 1517 г. и австрийского эрцгерцога Фердинанда в 1526 г.

«Записки о Московии» барона Герберштейна отличаются обстоятельностью и точностью наблюдений. Он верно отметил и характерные черты тогдашнего русского войска — «татарскую» подвижность и ловкость каждого всадника и всего войска в целом, а также неприхотливость, бедность и выносливость рядовых воинов. При этом с обычным для писавших о России иностранцев высокомерием он весьма скептически оценивает боевые качества русского войска. Оставим на совести барона его явную тенденциозность: военная история России в XVI в. убедительно свидетельствует о стойкости «москвитов» и опытности их воевод.

Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у каждого лошадей и слуг. Затем... он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по своему имущественному достатку, служат без жалованья. Отдых дается им редко, ибо государь ведет войны то с литовцами, то с ливонцами, то со шведами, то с казанскими татарами, или даже если он не ведет никакой войны, то все же ежегодно по обычаю ставит караулы в местностях около Танаиса (Дона. — *Н. Б.*) и Оки числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар. Кроме того, государь имеет обыкновение вызывать некоторых по очереди из их областей, чтобы они исполняли при нем в Москве всевозможные обязанности. В военное же время они не отправляют погодной поочередной службы, а обязаны все, как стоящие на жалованье, так и ожидающие милости государя, идти на войну.

Лошади у них маленькие, холощенные, не подкованы, узда самая легкая, седла приспособлены с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Сидя на лошади, они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара копыта или стрелы. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая всегда висит на мизинце правой руки, так что в любой момент, когда нужно, они могут схватить ее и пустить

в ход, а если дело опять дойдет до оружия, то они оставляют плетку и она свободно свисает с руки.

Обыкновенное их оружие — лук, стрелы, топор и палка наподобие римского цеста, которая по-русски называется кистень, а по-польски — бассалык. Саблю употребляют те, кто познатнее и побогаче. Продолговатые кинжалы, висящие, как ножи, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукояти и схватить ее в случае надобности. Далее, повод узды у них в употреблении длинный, с дырочкой на конце; они привязывают его к одному из пальцев левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, выстрелить, не выпуская повода. Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плетку одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими.

Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма у немногих есть шлем, заостренный кверху наподобие пирамиды.

Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов, употребляют они и копья. В сражениях они никогда не употребляли пехоты и пушек, ибо все, что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его, или бегут от него, они совершают внезапно и быстро и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними.

Разбивая стан, они выбирают место попросторнее, где более знатные устанавливают палатки, прочие же втыкают в землю прутья в виде дуги и покрывают плащами, чтобы прятать туда седла, луки и остальное в этом роде и чтобы самим защищаться от дождя. Лошадей они выгоняют пастись, из-за чего их палатки бывают расставлены одна от другой очень далеко; они не укрепляют их ни повозками, ни рвом, ни другой какой преградой, разве что от природы это место окажется укреплено лесом, реками или болотами.

Пожалуй, кое-кому покажется удивительным, что они содержат себя и своих людей на столь скудное жалованье, и притом, как я сказал выше, столь долгое время. Поэтому я вкратце расскажу об их бережливости и воздержанности. Тот, у кого есть шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется в качестве подъемной или выучной только одной из них, на которой везет необходимое для жизни. Это прежде всего толченное просо в мешке длиной в двести пяди, потом восемь-десять фунтов соленой свинины, есть у него в мешке и соль, притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собой топор, огниво, котелки или медный чан, и если он случайно попадет туда, где не найдется ни плодов, ни чесноку, ни луку, ни дичи, то разводит огонь, наполняет чан водой, бросает в него полную ложку проса, добавляет соли и варит: довольствуясь такой пищей, живут и господа, и рабы. Впрочем, если господин слишком уж проголодается, то истребляет все это сам, так что рабы имеют, таким образом, иногда отличный случай попоститься целых два или три дня. Если же господин пожелает роскошного пира, то он прибавляет маленький кусочек свинины. Я говорю это не о знати, а о людях среднего достатка.

Если же у них есть плоды, чеснок или лук, то они легко обходятся без всего остального. Готовясь вступить в сражение, они возлагают более надежды на численность, на то, сколь большим войском они нападут на врага, а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска, они удачнее сражаются в дальнем бою,

чем в ближнем, а потому стараются обойти врага и напасть на него с тыла.

У них множество трубачей, если они по отеческому обычаю принимаются все вместе дуть в свои трубы и загудят, то звучит это несколько странно и непривычно для нас. Есть у них и другой род музыкального инструмента, который на их языке называется зурной. Когда они прибегают к ней, то играют приблизительно с час без всякой передышки или втягивания воздуха. Обыкновенно они сначала наполняют воздухом щеки, а затем, как говорят, научившись одновременно втягивать воздух носом, издают трубой непрерывный звук.

Одежда их и телесное убранство у всех одинаковы; кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад, при этом христиане носят узелки, которыми застегивается грудь, на правой стороне, а татары, одежда которых очень похожа, — на левой. Сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками. Рубашки почти у всех разукрашены у шеи разными цветами, застегивают их либо ожерельем, либо серебряными или медными позолоченными пуговицами, к которым для украшения добавляют и жемчуг⁸.

* * *

Первый брак московского князя Василия III был бездетным. Это грозило смутами и мятежами по кончине правителя. Со временем желание иметь наследника стало настолько сильным, что великий князь решился нарушить церковные каноны и расстаться с первой женой, Соломонией Сабуровой. Приказав насильно постричь ее в монахини, он вскоре вступил в брак с молодой аристократкой Еленой Глинской. 25 августа 1530 г. Елена подарила мужу долгожданного наследника — сына, нареченного Иваном. Радостное событие было увековечено постройкой знаменитой церкви Вознесения в дворцовом селе Коломенском под Москвой. Вскоре в семье Василия III появился и второй сын — Юрий.

Великий князь постоянно пребывал в радостном, приподнятом настроении, в отлучке писал жене письма, полные нежности и за-

боты о детях. Однако «секира уже лежала при древе». В сентябре 1533 г., во время традиционной осенней поездки по подмосковным монастырям, Василий III занемог и после нескольких недель болезни скончался в ночь с 3 на 4 декабря.

Привыкнув полагаться не столько на учреждения, сколько на людей, в преданности которых он был уверен, Василий III незадолго до кончины создал своего рода опекунский совет, призванный защищать интересы наследника — 3-летнего царевича Ивана. В составе этого совета было семь человек: младший брат Василия III удельный князь Андрей Старицкий, бояре М. Юрьев, М. Воронцов, М. Глинский, М. Тучков; одним из первых великий князь ввел в опекунский совет Василия Немого; тот убедил великого князя довериться и его младшему брату, князю Ивану Шуйскому⁹.

Семь душеприказчиков Василия III вскоре вступили в острый конфликт и с боярской думой, раздраженной их особым положением, и с матерью наследника, Еленой Глинской. Перипетии этой борьбы не имеют прямого отношения к теме нашей книги. Заметим лишь, что властолюбивая Елена Глинская с помощью своего фаворита князя Ивана Овчины-Оболенского сумела избавиться от наиболее влиятельных опекунов: Михаил Глинский и Андрей Старицкий погибли в московской тюрьме.

Братья Шуйские, а также Юрьев и Тучков пошли на компромисс с Еленой Глинской и, признав ее правительницей, сохранили видное положение при дворе. Впрочем, в последние полтора года правления Елены оба они оказались не у дел.

С кончиной Елены Глинской 3 апреля 1538 г. боярская распря вспыхнула с новой силой. Сейчас уже невозможно установить, что крылось за этой враждой: споры по важным вопросам жизни страны, отстаивание собственной «правды» или обычное уязвленное самолюбие. Как бы там ни было, Шуйским приходилось «бить, чтобы не быть битыми». Василий Немой вел борьбу со своей обычной основательностью — и неизменно побеждал. Одного за другим он отправлял недругов в темницу, в ссылку, а то и в «лучший мир».

Старый воевода не устоял против «беса тщеславия». Почувствовав себя хозяином положения, он решил породниться с великокняжеским домом и 6 июня 1538 г. женился на двоюродной сестре Ивана IV княжне Анастасии Петровне. Она была дочерью крещеного татарского «царевича» Петра — зятя Ивана III. Вслед за этим он перебрался жить в опустевший дом князя Андрея Старицкого.

Но недолго суждено было Шуйскому жить в чужом терему и наслаждаться славой всесильного опекуна малолетнего государя. Вскоре он заболел и скончался в ноябре 1538 г., не оставив мужского потомства.

* * *

Биография Василия Немого может служить своего рода мерилom для дел и заслуг других Шуйских, известных в XVI столетии.

Младший брат Василия, князь Иван Васильевич Шуйский, шел по жизни тем же путем. Впрочем, как личность он был мельче Василия Немого и потому не снискал его известности и чинов. В первой трети XVI в. он был псковским наместником, воеводой во многих походах. В середине 30-х гг. вслед за старшим братом Иван приближается к самому трону, участвует в дворцовой расправе, проявляя при этом куда больше жестокости и злобы, чем Василий. После кончины старшего брата Иван стал наследником его могущества. В придворной борьбе он знал взлеты и падения, в минуту опасности действовал смело и дерзко. Судьба была благосклонна к Ивану: он умер в собственной постели 14 мая 1542 г.

Видное место среди московской знати той эпохи занимали троюродные братья Василия Немого — Иван Михайлович Шуйский по прозвищу Плетень и его младший брат Андрей Михайлович, носивший «симметричное» прозвище Частокол. Оба они еще в молодости попали в опалу из-за своего намерения перейти на службу к брату Василия III — удельному князю Юрию Дмитровскому. Однако отец Грозного был благоразумен. Братья Шуйские вскоре были отпущены «на поруки» своих доброхотов и сородичей¹⁰. Они не раз ходили воеводами на южную и юго-восточную границу, но несколько лет спустя вновь угодили за решетку по неизвестной нам причине. Братья вышли на свободу лишь после смерти Василия III.

После кончины Елены Глинской Плетень и Частокол благодаря высокому положению Василия Немого быстро «пошли в гору». Впрочем, судьбы братьев сложились по-разному — в соответствии с характером каждого. Иван Плетень был смелым и удачливым воеводой. Война, походная жизнь были его стихией. В 1535—1547 гг. он почти непрерывно находился в войсках: в 1540 г. командовал ратью, посланной в Ливонию, в 1542 г. сторожил степную границу, в 1544 г. был первым воеводой в войне с казанскими татарами.

Зная Ивана Шуйского как далекого от дворцовых интриг боевого командира, Иван IV не питал к нему вражды. После венчания на царство в 1547 г. он дал воеводе высокое придворное звание дворецкого. В этом качестве он стал являться на приемах послов и различных торжествах. Однако военное поприще по-прежнему было для Ивана любимым занятием. Он участвовал во многих походах главным действующим лицом — первым воеводой большого полка. Умер Иван Плетень в 1559 г., немного не дожив до страшных лет опричнины.

Другой брат, Андрей Частокол, был более склонен к участию в дворцовой борьбе. За эту склонность он угодил в темницу не только при Василии III, но и при Елене Глинской. После ее кончины он вышел на свободу и был послан родичами на ответственную службу — наместником по Псков. В этой должности он проявил такое непомерное корыстолюбие, что вскоре был отозван в Москву.

После кончины Ивана Васильевича Шуйского Андрей Частокол попытался занять его место у трона. Однако он не сумел овладеть положением и решил «уйти в тень». Но в политической игре той эпохи платой за поражение была жизнь. В конце 1543 г. 13-летний Иван IV — несомненно, подученный своими наставниками из чис-

ла врагов Шуйских — приказал схватить князя Андрея и казнить без суда. Роль палачей Иван IV поручил дворцовым псарям. Тело убитого ими князя Андрея было отвезено в Суздаль и погребено на родовом кладбище Шуйских¹¹.

Следующее поколение Шуйских также состояло преимущественно из мужественных воевод. Одним из них был сын казненного Андрея Шуйского — Иван. Спасаясь от гнева царя и мести ненавидевших его отца бояр, Иван — тогда еще ребенок — должен был бежать из Москвы. По семейному преданию Шуйских, сохраненному одним из летописцев, Ивана спасла преданность слуги-воспитателя («дядьки»). Он тайно увез отрока на Белоозеро. Там они оба скрывались, добывая пропитание крестьянским трудом. Впоследствии дядька бросился в ноги царю, когда тот был на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре, и вымолил прощение для своего воспитанника¹².

Не станем разрушать сомнением поэтическую прелесть этой истории. Как бы там ни было, сын опального боярина был взят на царскую службу и занялся привычным для Шуйских воинским ремеслом. Известно, что в 1558 г. он был воеводой в полках, стоявших в Деделове, на Оке. В последующие годы его постоянно можно встретить на ливонском фронте.

Известный историк С. Б. Веселовский отметил парадоксальный факт: несмотря на то что Шуйские принадлежали к высшей аристократии, они даже в самые мрачные годы опричнины «пользовались исключительной благосклонностью царя»¹³. Словно насытившись казнью Андрея Шуйского, Иван IV за все свое кровавое царствование не тронул ни одного представителя этого рода.

В разгар опричнины Иван Шуйский получил чин боярина и продолжал исправлять ответственные военные службы. Смерть нашла отважного Ивана Шуйского — отца будущего «боярского царя» Василия Шуйского — на поле брани, под стенами Ревеля в 1573 г.¹⁴

Петр Иванович Шуйский, племянник Василия Немого, в молодости также оказался вовлеченным в придворную борьбу. Однако уже с 1539 г. он выступает и на воинском поприще. Участник знаменитого похода на Казань в 1552 г., он был поставлен одним из пяти «государевых воевод» в только что построенном Свияжске и пробыл там до 1558 г., когда был отозван и послан на Ливонскую войну. Там он отличился при взятии крепости Вильян (современный город Вильянди в Эстонии). Один из летописцев XVI столетия сообщил об этом деянии Шуйского в таких словах: «Лета 1559-го. Того же лета воеводы князь Иван Федорович Мстиславский да князь Петр Шуйский с товарищами ливонский город Вильян взяли и старого магистра в нем взяли и к великому князю прислали»¹⁵. Шуйский успешно действовал и при взятии Дерпта, а затем при обороне его от наседавших немцев. На протяжении пяти первых лет Ливонской войны — а это был период успехов русского оружия — Шуйский постоянно находился в центре событий.

После взятия русскими войсками Полоцка (15 февраля 1563 г.) Шуйский руководил отражением попыток литовцев вернуть крепость. В следующем году он получил приказ Ивана Грозного выступить из Полоцка и, соединившись с войском, шедшим из Смоленска, двинуться вглубь территории Великого княжества Литовского.

Знаменитый князь-философ Владимир Мономах советовал своим детям: «Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает». Забыв предостережение мудрого предка, Шуйский в этом несчастном походе потерял не только воинскую славу, но и голову. Неподалеку от Орши на реке Уле рать Шуйского подверглась внезапному нападению литовцев. Застигнутое врасплох, не готовое к бою, русское войско было разбито. Сам Шуйский, потеряв в сражении коня, пешком пришел в соседнюю деревню. Оpozнав в нем московского воеводу, крестьяне ограбили его, а затем утопили в колодце.

Тело русского главнокомандующего было найдено победителями. В знак своего торжества литовский воевода Николай Радзивилл привез прах Шуйского в Вильно, где он был с почестями предан земле в костеле, возле могилы несчастной дочери Ивана III Елены — жены великого князя литовского Александра Казимировича¹⁶.

Иван Петрович Шуйский, сын убитого под Оршей «большого воеводы», получил известность у современников и остался в памяти потомков как руководитель героической обороны Пскова от поляков в 1581—1582 гг. Однако и помимо этого деяния он имел немало воинских заслуг.

В начале своего боевого пути, в 1563 г., он участвовал в победном полоцком походе Ивана IV. Два года спустя Шуйский действовал на Оке против крымских татар, а в 1566 г. был поставлен воеводой в Серпухов. Вскоре он получил новое назначение — в крепость Данков (ныне город Данков на севере Липецкой области). Там он и был горько памятной осенью 1571 г., когда многотысячное войско крымского хана Девлет-Гирея, прорвавшись через линию обороны юга России, внезапно появилось у самой Москвы.

В эти трагические дни Шуйский находился на южной границе. Известно, что он загодя дал знать в Москву о приближении татар. Успех их прорыва меньше всего можно было поставить в вину именно ему: хан прошел через русскую систему обороны западнее Калуги, за сотни верст от мест, где стоял со своим отрядом Шуйский.

В 1572 г. Шуйский был поставлен воеводой в Кашире — одной из ключевых крепостей на Оке. Отсюда он ходил с войском к Серпухову для отражения вновь нагрянувших на Русь крымцев. В этой кампании, завершившейся разгромом татар в битве при Молодях, Шуйскому, командовавшему сторожевым полком, удалось обратить в бегство передовые вражеские отряды в сражении на Сенькином броде на Оке¹⁷. Однако остановить всю подоспевшую орду он не мог. Отступив, он вскоре под началом Воротынского бился с татарами при Молодях.

Иван IV заметил способного воеводу и в 1573 г. направил его на ливонский фронт, где обстановка становилась все более и более тревожной для русских. Вновь отличившись в сражении, он в сле-

дующем году получил пост второго наместника во Пскове, где и находился с небольшими перерывами до 1584 г.

Примечательно, что и первым псковским наместником в то тревожное время Иван IV — несомненно, памятуя о давних связях Шуйских с этим городом, — назначил князя В. Ф. Скопина-Шуйского. Род Скопиных ответвился от фамильного древа князей Шуйских в начале XVI в. Его родоначальником был троюродный брат Василия Немого — Иван Васильевич Шуйский, носивший прозвище Скопа.

В качестве псковского воеводы Шуйский ходил в Лифляндию в 1577 г., а в следующем году в связи с ожиданием набега крымцев был послан на южную границу, на Оку. Вернувшись во Псков, он в 1579 г., собрав новое войско, поспешил на помощь осажденному поляками Полоцку.

Между тем приближался для Шуйского час тяжких испытаний, когда и слава, и самая жизнь князя зависели прежде всего от мужества псковичей. Несмотря на то что наш герой числился во Пскове лишь вторым воеводой, фактически именно он стал главным организатором обороны города от войск польского короля Стефана Батория осенью 1581 г.

Царь Иван не случайно оказал Шуйскому особое доверие и вручил ему всю полноту власти в осажденном городе¹⁸. Царь понимал, что от исхода борьбы за Псков будет зависеть судьба всей 25-летней войны. Между тем король Речи Посполитой Стефан Баторий — энергичный и опытный полководец — в конце 70-х гг. одерживал одну победу за другой. 31 августа 1579 г. он взял Полоцк, через год — Великие Луки. Одновременно шведы начали активные действия против России. В случае падения Пскова Россия оказывалась на грани позорного поражения. Ей грозила потеря исконных северо-западных земель. При всех его странностях и безумствах Иван IV неплохо разбирался в людях. Во всяком случае, он сумел увидеть в Шуйском именно такого воеводу, который нужен был тогда Пскову, — человека, которому верили жители города и который был всецело предан Отечеству.

26 августа 1581 г. огромная армия под командованием самого Батория подошла ко Пскову. Понимая, что этот поход решит исход всей войны, король собрал под свои знамена около 100 тыс. воинов. В состав армии входили 40 тыс. конных польских шляхтичей и около 60 тыс. наемников разных национальностей. Между тем у Шуйского во Пскове было лишь 15—20 тыс. воинов — дворян, стрельцов и ополченцев-горожан.

Московское правительство и псковские воеводы позаботились о том, чтобы снабдить город всем необходимым для успешного отражения неприятеля: пушками, ядрами, порохом, продовольствием. Псковская крепость была одной из лучших в России. Она имела четыре оборонительные линии — Кром, Довмонтов, Средний и Большой город. Ее западная сторона была защищена рекой Великой и береговым холмом. Поэтому стены здесь были деревянными, тогда как во всех других линиях — каменными. Незадолго до прихода Батория они были тщательно вычинены и усилены. Предвидя возмож-

ность пролома во внешней стене, Шуйский приказал устроить вдоль нее с внутренней стороны линию деревянных укреплений.

Из-за сильного огня пушек и пищалей со стен крепости войско Батория не могло подвести и установить осадные орудия на достаточно близком расстоянии от стен. Лишь с помощью специально прорытых глубоких траншей это удалось сделать. Активная оборона русских помешала Баторию подготовить штурм крепости со всех сторон одновременно и тем самым реализовать свое численное превосходство. 7 сентября он приказал начать бомбардировку городских укреплений на участке между Покровской и Свиной (Свинуской) башней. Польские и венгерские пушкарки знали свое дело. К вечеру одна башня была разрушена полностью, вторая — наполовину; в стене зияли огромные проломы. 8 сентября Баторий начал общий штурм именно на этом участке. Его воины быстро захватили развалины башен и устремились в проломы стен. Однако здесь их ожидало новое препятствие — стена временной деревянной крепости, перед которой был выкопан глубокий ров. Из бойниц новой стены русские вели интенсивный огонь по оторопевшим королевским ратникам. Вот как рассказывает об этом важнейшем дне псковской обороны — первом штурме и битве в проломе у Свиных ворот — очевидец событий иконописец Василий, автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»:

...И так Божьей милостью, молитвою и заступничеством Пречистой Богородицы и великих святых чудотворцев сбили литовскую силу с проломного места, и по благодати Христовой там, где на псковской стене стояли литовские ноги, в тех местах вновь христианские воины утвердились и со стены били литву уже за городом и добивали оставшихся еще в Покровской башне.

В то время, когда по предначертанию Бога одолели христиане литву и сбили литовских воинов, ротмистров и гайдуков с проломного места, тогда благодать Христова не утаилась от всех оставшихся в граде Пскове жен. И по всему граду Пскову промчалась весть: «Всех литовских людей Бог помог с городской стены сбить и перебить, а вам, оставшимся женам, велено, собравшись у пролома, идти за литовскими орудиями и оставшуюся литву добивать».

Тогда все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости в печали узнали, получив благую весть; и, забыв о слабости женской и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добыть оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках небольшие короткие веревки, собираясь ими, как передают, литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролomu, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбежалось к проломному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвой бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и утоляли их жажду.

Было это в пятницу, в праздник Рождества Пречистой Богородицы, уже близился вечер, а литовские воины все еще сидели в Покровской башне и стреляли в город по христианам. Государевы же бояре и воеводы вновь Бога на помощь призвали, и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, вооружившись кто чем — чем Бог надoумил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и метали их в литовцев и по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его и так с Божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от литовских поганых ног. Когда наступила ночь, свет благодати воссиял над нами по Божьему милосердию и отогнали их от стен города¹⁹.

Зная, что именно князь Шуйский стал душой обороны города, поляки попытались избавиться от него весьма хитроумным и коварным способом. Одному из пленных велено было отправиться в город и отнести воеводе запертый сундучок, который якобы послал ему один из польских офицеров, сочувствующий русским.

Сундучок этот представлял собой хитроумную «адскую машину». В нем находились обращенные во все стороны заряженные пистолеты, которые должны были выстрелить одновременно в тот момент, когда Шуйский поднимет крышку сундучка. Кроме того, при вскрытии сундучка особый механизм высекал искру, от которой должен был взорваться вложенный в него порох. Если бы Шуйский — как надеялись поляки — взялся лично открывать сундучок или же стоял рядом с тем, кто это делал, он неизбежно был бы убит пулей или взрывом пороха. Однако князь — осторожный, как все Шуйские, — не стал лично вскрывать неожиданный «подарок». Он призвал мастера, велел отнести сундук в безлюдное место и там «с бережением» раскрыть его²⁰.

Между тем осада Пскова затянулась. Воины Батория не сидели сложа руки. За пять месяцев противостояния (26 августа 1581 г. — 4 февраля 1582 г.) они предприняли 31 атаку на город, меняя направление удара и используя военные хитрости. Но Шуйский был

начеку. Русские отвечали врагу не только огнем со стен, но и смелыми вылазками, общее число которых достигло 46.

1 декабря 1581 г. король покинул армию и уехал в Литву, оставив командующим гетмана Яна Замойского. В середине января осажденные узнали о начале мирных переговоров послов Ивана IV с представителями Батория. Их встречи происходили в местечке Ям Запольский близ Пскова. 15 января 1582 г. здесь было подписано перемирие сроком на 10 лет между Россией и Речью Посполитой. Стороны практически вернулись к довоенным границам. Мужество псковичей спасло честь России.

Слава Шуйского как героя обороны Пскова была общерусской. Иван IV, и без того расположенный к Шуйским, осыпал его своими милостями. Три года спустя, почувствовав приближение смерти, царь включил Шуйского в состав небольшого «опекунского совета», заботам которого он поручал наследника — безвольного и флегматичного Федора.

Помимо Шуйского, опекунами 27-летнего венценосца были назначены Б. Я. Бельский, Н. Р. Юрьев и И. Ф. Мстиславский. Первый из них не отличался знатностью, но был главным доверенным лицом царя в деле политического сыска; два других представляли боярскую думу (князь Мстиславский) и могущественный клан Захарьиных — родню Федора по линии матери.

Кончина царя Ивана Васильевича 18 марта 1584 г. послужила сигналом к началу ожесточенной борьбы вокруг трона. По традиции, заставлявшей всех членов рода держаться вместе и отстаивать общие цели, Иван Шуйский должен был вступить в опасную политическую игру, которую его сородичи начали против царского шурина Бориса Годунова. Впрочем, в этой борьбе он не проявлял особого рвения и, в отличие от других Шуйских (братьев Андрея, Василия и Дмитрия Ивановичей — внуков Андрея Частогола), был весьма разборчив в средствах. Он не хотел доводить дело до кровавых стычек на улицах Москвы и вооруженных нападений на дома своих политических противников²¹. Вместе с верхами московского духовенства и купечества он потребовал от царя расторжения бездетного брака с Ириной Годуновой, сестрой Бориса. Это означало бы немедленное падение всесильного временщика.

Однако Годунов успел расправиться с Шуйскими прежде, чем они с ним. В конце 1586 г. все они были высланы из столицы в свои отдаленные вотчины²². Иван Петрович отправился в небольшой поволжский городок Кинешму. Но и здесь, в костромской глуши, Шуйский казался опасен Годунову, положение которого продолжало оставаться крайне шатким. Осенью 1588 г. из Москвы в Кинешму был послан сильный отряд под началом князя Туренина. Посланцы Годунова взяли старого воеводу и отвезли в Кирилло-Белозерский монастырь.

Несомненно, Шуйский не раз бывал здесь прежде: монастырь считался одним из самых святых мест России. Великий князь Василий III ездил сюда на богомолье, а Иван Грозный даже собирался под старость стать иноком этой обители. Но была у Кириллова монастыря и иная, мрачная слава. Еще Иван III сделал его местом заточения опальной знати. Ссылным обычно открывался отсюда лишь один путь — в «небесные селения». Шуйский, конечно, знал об этом. И потому, вступая под низкие каменные своды святых ворот монастыря, он, быть может, дольше обычного задержал взгляд на изображенных здесь двух ангелах. Один из них старательно записывал на свитке дела человеческие, а другой держал в руке меч и готов был воздать каждому «по делам его»...

Инок поневоле, Шуйский прожил в древней обители лишь несколько дней. Выполняя волю Бориса, князь Туренин довел дело до конца. 16 ноября 1588 г. герой России Иван Петрович Шуйский был отравлен угарным газом в своей монастырской келье²³.

Разумеется, порученцы Годунова тщательно упрятали концы в воду. Никто не должен был знать о том, как ушел из жизни Шуйский. Однако, обманув людей, могли ли они обмануть гневного ангела возмездия, изображенного на монастырских вратах?

Пройдут годы — и сам Годунов, измученный бесконечной чередой неудач и несчастий, отправится, наконец, туда, куда он привык посылать других. Рассказывали, что, доведенный до отчаяния, он принял яд, уединившись в одной из башен своего дворца...

Через бескрайние леса и болота Белозерья скорые гонцы помчали в Москву весть о внезапной кончине князя Ивана Шуйского. А над Сиверским озером поплыл унылый погребальный звон.

Знатный инок был погребен в самой аристократической части монастырского кладбища — под папертью Успенского собора. Могучие апсиды храма встали над могилой старого воеводы, словно крепостные башни, а посаженные смиренными иноками деревья зашумели на ветру, точно поднятые перед сражением знамена.

Впрочем, памятником Ивану Петровичу Шуйскому, а равно и всем другим трудившимся, терпевшим и погребенным в обители русским людям, стал и сам Кириллов монастырь — фантастическое видение над озером, неповторимый образ Вечной России.

* * *

Если в XVI столетии князья Шуйские являлись на исторической сцене прежде всего как полководцы, мужественные стражи русских рубежей, то последнее поколение рода, словно исчерпав таинствен-

ный источник мужества и благородства, отличалось лишь на поприще дворцовых интриг и коварства. Конечно, в этом проявилась не только печать вырождения, но и пагубное воздействие самой эпохи, в которую они сформировались как личности. Полное всеобщего страха правление Ивана Грозного воспитало у молодого поколения близкой ко двору русской аристократии явное расположение к подлости. Среди тех, кто прошел эту страшную школу, мы тщетно стали бы искать героев и подвижников.

Здесь уместно будет вспомнить одно суждение русского историка прошлого столетия Н. И. Костомарова. Говоря об упадке нравов в конце XVI столетия, он особенно выделял «лживость», которая «сделалась знаменательною чертою тогдашних московских людей. Семена этого порока существовали издавна, но были в громадном размере воспитаны и развиты эпохою царствования Грозного, который сам был олицетворенная ложь. Создавши опричнину, Иван вооружил людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних, казнями за явно вымышленные преступления приучил к ложным доносам и, совершая для одной потехи бесчеловечные злодеяния, воспитал в окружающей его среде бессердечие и жестокость. Исчезло уважение к правде и нравственности, после того как царь, который, по народному идеалу, должен был быть блюстителем того и другого, устраивал в виду своих подданных такие зрелища, как травля невинных людей медведями или всенародные истязания обнаженных девушек, и в то же время соблюдал самые строгие правила монашеского благочестия. В минуты собственной опасности всякий человек естественно думает только о себе, но когда такие минуты для русских продолжались целые десятилетия, понятно, что должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердных себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления клонились только к собственной охране, поколение, для которого, при наружном соблюдении обычных форм благочестия, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды. Кто был умнее других, тот должен был сделаться образцом лживости; то была эпоха, когда ум, закованный исключительно в узкие рамки своекорыстных побуждений, присущих всей современной жизненной среде, мог проявить свою деятельность только в искусстве посредством обмана достигать личных целей. Тяжелые болезни людских обществ, подобно физическим болезням, излечиваются не скоро, особенно когда дальнейшие условия жизни способствуют не прекращению, а продолжению болезненного состояния; только этим объясняются те ужасные явления Смутного времени, которые, можно сказать, были выступлением наружу испорченных соков, накопившихся в страшную эпоху Ивановских мучительств»²⁴.

Братья Шуйские — Андрей, Василий (будущий царь), Дмитрий и Иван — в юности не обрели тех родовых добродетелей и христианских моральных императивов, которые в той или иной мере были присущи всем их предкам. Не потому ли нам практически нечего сказать о них как о воеводах, заслуживших уважение современников и потомков, если не великими победами, то хотя бы мужеством и честным исполнением своего долга?

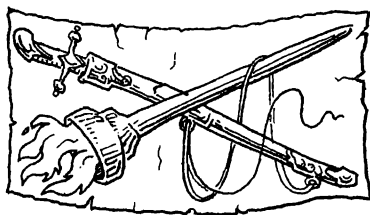
Выдающиеся полководцы — как, впрочем, и вообще творческие, одаренные люди — в повседневной жизни, как правило, бывают прямодушными и открытыми. Именно поэтому они так легко гибнут в хитросплетениях дворцовых интриг. Но есть и обратная закономерность: мастера тайной дипломатии обычно бывают трусоваты и начисто лишены полководческого дара, который в большой мере состоит из умения спланировать людей, сообщать им свою волю и мужество.

Впрочем, не будем слишком суровы к последним Шуйским. Судьба жестоко посмеялась над ними. Непревзойденные хитрецы, предусмотревшие все и вся, они, однако, упустили из виду простой и очевидный, из века в век утверждающий себя закон бытия — «чем кто согрешает, тем и наказывается» (Премудрость, 11, 17). Коварство власти заключается в том, что она убивает тех, кто ради нее готов на все. Дорога к власти — дорога к гибели. Редкие властолюбцы умирали своей смертью. Но даже самые удачливые из них задолго до физической смерти умирали духовно, теряли вкус к жизни, к чистым радостям бытия.

Старшего из братьев Шуйских — дерзкого, но недалекого Андрея — уморили в тюрьме по приказу Годунова летом 1589 г.

Другой брат, Василий, ценой интриг, измен и преступлений взшел на российский престол в мае 1606 г. Однако желанная шапка Мономаха стала для него подобием тернового венца. После четырех лет непрерывных тревог и мятежей он был сведен с престола и насильно пострижен в монахи. Вскоре низложенный монарх вместе со своими братьями Дмитрием и Иваном был выдан московскими боярами польскому королю. Слово живые трофеи, они были в открытой карете провозены по усыпанному народом улицам Варшавы 29 октября 1611 г. — в день триумфа, устроенного королем Сигизмундом III и гетманом Жолкевским в честь успешного завершения войны с Россией. Шуйских ввели в парадный зал королевского замка и заставили до земли поклониться Сигизмунду. После этого они были в качестве почетных пленников помещены в Гостынский замок под Варшавой. Бывший царь умер с год спустя после описанных событий. Дмитрий Шуйский ненадолго пережил его. Младший из братьев, Иван, несколько лет спустя был отпущен в Москву. Новый монарх, Михаил Романов, милостиво принял последнего Шуйского, с которым состоял в дальнем родстве. Боярин стал вновь являться при дворе, ведал даже одним из приказов...

Умер Иван Шуйский в 1635 г., не оставив наследников. С его кончиной пресекался и весь древний и славный род князей Шуйских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Книга I. Тома 1—2. М., 1988. С. 57.

К главе «Солнце земли Суздальской»

¹Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 468, 560.

²Ренан Э. Жизнь Иисуса. СПб., 1906. С. XXXVI.

³Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год. М., 1986. С. 79.

⁴Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. СПб., 1912. С. 78.

⁵Рассказы русских летописей XII—XIV вв. М., 1973. С. 63—64.

⁶Там же.

⁷Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 122.

⁸Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига». 30—40 гг. XIII в. СПб., 2004. С. 60.

⁹Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. М., 1990. С. 419.

¹⁰Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 158.

¹¹Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 190.

¹²Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 431.

¹³НПЛ. С. 77.

¹⁴Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 157.

¹⁵Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001. С. 181—228.; Он же. Призрак желательной истории // Родина. 2003. № 12. С. 88—90.

¹⁶Фенелл Дж. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989. С. 174; Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000). М., 2007.

¹⁷Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV в. СПб., 2003. С. 212—224.

¹⁸Горский А. А. Александр Невский // Родина. 1993. № 11.

¹⁹Долгов В. Сквозь темное стекло. Александр Невский перед «судом истории» // Родина. 2003. № 12. С. 86—87; Степанян К. Бой за историю // Литературная газета. 20—26 февраля 2008 г. № 7. С. 6.

²⁰История России с древнейших времен до конца XVII века. Под редакцией академика Л. В. Милова. М., 2005. С. 226—230.

²¹Там же. С. 171.

²²Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 333.

²³Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРЛ). Т. 4. СПб., 1848. С. 37.

²⁴Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 327.

²⁵Наполеон Бонапарт. Максимум и мысли узника Святой Елены. СПб., 2000. С. 126.

²⁶Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 182.

²⁷ПСРЛ. Т. 4. С. 37.

²⁸В немецких источниках приводятся совсем другие цифры потерь крестоносцев. В одном тексте — 20 рыцарей, в другом — 70 рыцарей (Великий князь Александр Невский. Сост. сборника А. Ю. Карпов. М., 2002. С. 77—80).

- ²⁹Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 337.
- ³⁰ПСРЛ. Т. 4. С. 37.
- ³¹Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 435.
- ³²Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 119—120.
- ³³Там же. С. 120.
- ³⁴Козин С. А. Сокровенное сказание. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 198.
- ³⁵Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XV в. в саге о короле Хако-не // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 11. Л., 1970. С. 326.
- ³⁶Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский в истории России. Новгород, 1996. С. 64—75; Великий князь Александр Невский. Сост. сборника — А. Ю. Карпов. М., 2002. С. 103—107.
- ³⁷Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 82. Прим. 1.
- ³⁸Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 235.
- ³⁹Татищев В. Н. История российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 40.
- ⁴⁰Там же. С. 42.
- ⁴¹ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 138.
- ⁴²Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 437.
- ⁴³Феннел Джон. Кризис Средневековой Руси: 1200—1304. М., 1989. С. 148—149.
- ⁴⁴Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 615.
- ⁴⁵Там же. С. 7.
- ⁴⁶ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474; Султанов Т. И. Чингизхан и чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 430.
- ⁴⁷Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 199.
- ⁴⁸Рассказы русских летописей XII—XIV вв. С. 95.
- ⁴⁹Там же. С. 96.
- ⁵⁰Там же. С. 96—97.
- ⁵¹Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. С. 108.
- ⁵²Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 220.
- ⁵³Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 113.
- ⁵⁴Там же. С. 445.
- ⁵⁵Рассказы русских летописей XII—XIV вв. С. 97—98.
- ⁵⁶Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 52—53.
- ⁵⁷Татищев В. Н. Указ. соч. С. 44.
- ⁵⁸Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 437.
- ⁵⁹Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 103.
- ⁶⁰Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 326.
- ⁶¹ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 51.
- ⁶²НПЛ. С. 313.
- ⁶³Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 439.

К главе «Даниил Галицкий»

- ¹ Там же. С. 237.
² Там же. С. 253.
³ Там же. С. 256.
⁴ Там же. С. 133.
⁵ Там же. С. 155.
⁶ Там же. С. 161.
⁷ Там же. С. 155.
⁸ Сборник документов по истории СССР. Ч. 1. М., 1970. С. 243.
⁹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 159.
¹⁰ Там же. С. 273.
¹¹ Там же. С. 282.
¹² Сборник документов по истории СССР. Ч. 1. М., 1970. С. 239.
¹³ Джiovанни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 51.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 189.
¹⁶ Там же. С. 297.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же. С. 299.
¹⁹ А. С. Пушкин — критик. М., 1978. С. 409.
²⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 303.
²¹ Там же. С. 311 — 313.
²² Хрусталеv Д. Г. Русь: от нашествия до «ига»... С. 249.
²³ Памятники литературы Древней Руси. XIII век... С. 315.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. С. 348.
²⁷ Там же. С. 349.
²⁸ Соловьев С. М. Сочинения. Книга 2. М., 1988. С. 125.

К главе «Внук Ивана Калиты»

- ¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 48.
² Там же.
³ Там же.
⁴ Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. XIV.
⁵ НПЛ. С. 561.
⁶ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 110.
⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 6.
⁸ Там же. С. 107.
⁹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 105—106.
¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 84.
¹¹ Там же. Стб. 83.
¹² Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 89—90.

- ¹³ Там же. С. 92—95.
- ¹⁴ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 138.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 128.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 21. 1-я пол. СПб., 1908. С. 293—294.
- ¹⁷ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 194.
- ¹⁸ Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. С. 146.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 392.
- ²¹ Там же. С. 76.
- ²² Соловьев С. М. Сочинения. Книга 2. С. 278.
- ²³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. С. 22.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 69.
- ²⁵ Данилевский И. Н. Русские земли... С. 277; Горский А. А. Москва и Орда. С. 101—103.
- ²⁶ Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 50.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 47—48.
- ²⁸ Так в рассказе Троицкой летописи о битве на реке Воже в 1378 г. отмечено, что в Орде тогда хан «не владеяше ничим же», а «всяко старейшинство дершаше Мамаи» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 416).
- ²⁹ Борисов Н. С. Куликовская битва в контексте русско-ордынских отношений в последней четверти XIV в. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 124—132.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 72.
- ³¹ Там же. С. 70.
- ³² Там же. С. 72.
- ³³ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. С. 197—199.
- ³⁴ Там же. С. 210.

К главе «Князь Холмский»

- ¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. V и VI. Ч. 4. М., 1996. С. 74.
- ² Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 389.
- ³ Там же.
- ⁴ НПЛ. С. 309.
- ⁵ Там же. С. 391.
- ⁶ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 237.
- ⁷ Древнейшая разрядная книга (официальной редакции). М., 1901. С. 11.
- ⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 224.
- ⁹ Древнейшая разрядная книга, С. 12.
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ¹¹ Каргалов В. В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 194.

К главе «Государевы большие воеводы»

¹Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. С. 193.

²Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 32.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Древнейшая разрядная книга... С. 15.

⁶Назаров В. Д. Внешняя политика Русского государства и присоединение Вятского края // Вятская земля в прошлом и настоящем (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 1989. С. 23 — 25.

⁷Каргалов В. В. Указ. соч. С. 68.

⁸Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 167—168.

⁹Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1986.

¹⁰Соловьев С. М. Сочинения. Книга 3. М., 1989. С. 34.

¹¹ПСРЛ. Т. 4. С. 157.

¹²Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 32.

¹³Древнейшая разрядная книга... С. 15.

¹⁴ПСРЛ. Т. 4. С. 162.

¹⁵Древнейшая разрядная книга... С. 18.

¹⁶ПСРЛ. Т. 4. С. 163.

¹⁷ПСРЛ. Т. 28. С. 160.

¹⁸Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 84.

¹⁹Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 179.

²⁰Древнейшая разрядная книга... С. 27.

²¹Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 186.

²²Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 66—67.

²³Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 32.

²⁴Там же. С. 32—33.

²⁵Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 153—154.

²⁶Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 151.

²⁷ПСРЛ. Т. 28. С. 349.

²⁸Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 33.

²⁹Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 515.

³⁰Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. С. 217.

³¹Иосиф, игумен Волоцкий. «Просветитель», или Обличение ереси жидовствующих. Казань, 1904. С. 39.

³²Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии... С. 68.

³³Русский биографический словарь: Щапов — Юшневский. СПб., 1912. С. 53.

³⁴Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 35.

³⁵Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 228.

³⁶Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 483; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 290.

- ³⁷Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 333—335.
- ³⁸Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 370.
- ³⁹Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. С. 462.
- ⁴⁰Там же. С. 336.
- ⁴¹Каргалов В. В. Указ. соч. С. 238—240.
- ⁴²Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 76.
- ⁴³Соловьев С. М. Сочинения. Книга 3. М., 1989. С. 524.
- ⁴⁴Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины... С. 113.
- ⁴⁵Скрынников Р. Г. Указ. соч. М., 1975. С. 124.
- ⁴⁶Каргалов В. В. Указ. соч. С. 248.
- ⁴⁷Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 187.
- ⁴⁸Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. С. 339.

К главе «Угасший род»

- ¹Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 70.
- ²Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. С. 499.
- ³Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 70.
- ⁴ПСРЛ. Т. 28. С. 349—350.
- ⁵Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 71.
- ⁶Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 246.
- ⁷Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 71.
- ⁸Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии... С. 116—117.
- ⁹Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁰Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 315.
- ¹¹Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 177.
- ¹²Там же. С. 243.
- ¹³Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины... С. 161.
- ¹⁴Тихомиров М. Н. Русское летописание... С. 243.
- ¹⁵Там же. С. 228.
- ¹⁶Там же. С. 242.
- ¹⁷Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 101.
- ¹⁸Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. С. 415.
- ¹⁹Там же. С. 437—451.
- ²⁰Там же. С. 472—474.
- ²¹Корецкий В. И. Указ. соч. С. 97.
- ²²Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 35—36.
- ²³Там же. С. 42—43.
- ²⁴Костомаров Н. И. Герои Смутного времени. Берлин, 1922. С. 7—8.

Т В О Й К Р У Г О З О Р

Н. С. БОРИСОВ

СТРАЖИ РУССКИХ РУБЕЖЕЙ

ЭТА КНИГА О ВЫДАЮЩИХСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ВОЕННОЙ АРИСТОКРАТИИ.
РАТНЫЕ ПОДВИГИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО,
ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО, ДМИТРИЯ ДОНСКОГО
И ДРУГИХ ПОЛКОВОДЦЕВ ПОКАЗАНЫ
В НЕРАЗРЫВНОЙ СВЯЗИ С ИХ СУДЬБАМИ,
ВНУТРЕННИМ МИРОМ, НРАВСТВЕННЫМ
МИРОВОЗЗРЕНИЕМ.

«Твой кругозор» — это проверенные временем традиции научно-познавательной литературы для детей. В серию вошли лучшие книги по гуманитарным и естественно-научным предметам, написанные российскими и зарубежными авторами. Книги серии позволят вам расширить кругозор, повысить свой образовательный уровень и стать знатоками в различных областях знаний.

МАТЕМАТИКА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЗИКА ГЕОГРАФИЯ
ИСТОРИЯ БИОЛОГИЯ ХИМИЯ

ISBN 978-5-09-022880-0

9 785090 228800